

REVENGE

WRITTEN BY
TALISA BYRNE

Эфир не был обнаружен, а Тёмные эльфы так и остались детскими сказками — призраками давних мифов. Казалось бы, наступил мир и Асгард должен процветать под чутким правлением Одина и его сына Тора? У сказки должен наступить счастливый конец? Как бы не так. Всем известно — зло никогда не дремлет.

И когда сойдутся две равносильные противоположные магии — эффект необратим.

Локи — величественный и хитрый Йотун, Рейвен — импульсивная Муспела. Лед и пламя.

Они не ограничатся лишь свободой.

«Асгард — это мир богов-асов, небо и наше будущее», — этому учат детей девяти миров.

Эту ложь преподносят каждому страждущему, жалеющему обрести смысл и свести воедино миллионы нитей, пронизывающих вселенную. С момента вступления Одина на пост Царя- Всеотца, после Великой Битвы в Мидгарде, история решила позабыть Огненных Великанов, что правили многие тысячи лет до прихода Асов-лже-богов. История решила забыть, что именно Муспелы, в силу своего благородства и величия, даровали Асам божественное долголетие, именно они помогли превознестись этим существам над варварами. И те впоследствии возжелали править единолично, поставив себя выше пантеона огненных богов.

Виною неуёмной жажды власти Одина и его безжалостного отпрыска Огненные Великаны на многие тысячелетия стали монстрами из детских сказок. Узниками в своем собственном мире. Узниками, не имеющими возможности выбираться дальше Мюрквида — Тёмного Леса родной планеты.

Сломленный предательством Суртур предпочел закрыть врата с обеих сторон, чтобы ни один из его подчинённых не смог пробраться ни в одно из царств — он закрыл врата, чтобы и дальше жить в своем заточении, считая его достойной платой за то, что когда-то устроил Рагнарок и навлек беду не только на воспротивившееся его воле творение, но также на все миры.

К великой радости это длилось лишь несколько столетий.

Жители шести из девяти существующих миров подняли мятеж против Всеотца, а Муспелы, пользуясь хаосом, воцарившимся вне времени и пространства, убедили Суртура присоединиться к готовящемуся восстанию. Вскоре Огненный царь вновь распахнёт врата и выпустит на волю Единую армию.

— И о чём же ты думала, пробираясь ночью в самый охраняемый замок со столь могущественным артефактом? — голос Одина звучал отстранено, бесстрастно и определенно слишком спокойно для человека, который всего несколько часов назад находился на волосок от смерти. Справа от царя за магическим золотым ограждением, находился огненный меч, украденный муспелой у Сурта. Ас перевел мудрый терпеливый взор от орудия смерти на девушку и жестом потребовал не задерживать ответ.

— Отвечай, когда Всеотец спрашивает, — стражник в золоченых латах, бывший более нетерпеливым, пихнул Рейвен в правое плечо, вынуждая сделать шаг вперёд. Но девушка решительно молчала, не взирая ни на что держась до самого конца. Смерть во имя величия вызывала меньший ужас нежели гнев отца, если бы тот узнал о происходящем.

«Как только я сниму этот ошейник и доберусь до меча, тебя испепелю первым», — только и успела подумать огненная дева, как её вновь грубо пихнули в плечо. И стражникам, подумалось девушке. повезло, что на узников надевают противомagicеские «украшения», перекрывающие доступ кислорода стоит лишь подумать о магии, и, конечно же, им повезло, что на ней сейчас внушительные неподъемные кандалы.

«Если бы их не было, можно было бы попытаться схватить меч...» — вновь поразмыслила она, но вслух произнесла:

— Я думала как отрублю этим мечом Вашу голову и брошу у ног своего отца, поклянусь

ему в вечной службе и верности. — кровь огненной девы вскипела от одной единственной мысли, что еще мгновение и она бы осуществила задуманное. — Жаль лишь, что Асгардцы настолько трусливы, что спят с оружием под подушкой и дюжиной стражников за дверью — сгорая от ярости, выплюнула дева.

Взгляд Одина теперь выражал напряжение, однако, он ничем не выказал ни волнения, ни страха. Боги, Всеотец даже не усмехнулся столь ничтожному выпадку со стороны узника в кандалах! Напротив, чем больше Рейвен распалялась, тем спокойнее казался Царь.

— Будь моя воля, ты была бы уже мертва... — Один умолк и, прежде чем продолжить, обвел взглядом своих стражников. — Но обычаи требуют справедливого суда. Признаешь ли ты свою вину? Признаешься ли в измене государству?

— Да! — ни секунды ни медля, выдала девушка и мгновенно продолжила: — Я признаюсь в измене государству, но вина моя только в том, что я не успела убить вас! — цепь вокруг шеи ощутило сжалась, но это не остановило Рейвен, желающую отдать каждую крупицу своей ненависти окружающему враждебному миру. — Я изменила своей родине, но не Асгарду, а Мирхейму. Убив Всеотца, так бахвально распевающего о своем величии, я бы вернула мир истинному Царю и Богу... Я бы уплатила долг Сурта перед вашим «государством» — Вы отняли жизнь моей матери за предательство, я бы отняла вашу! Я признаю! — руки стражников сжали цепи, оттягивая назад разбушевавшееся дитя.

— Стойте! — произнёс Один и стражники тут же выпустили тяжелые цепи из рук, ослабляя мертвую хватку.

— К чему медлить, «мой Царь»?! — в последней отчаянной попытке хоть как-то вывести ненавистное создание из себя, прокричала Рейвен. Но поняв, как ничтожно и глупо это звучит, решила напоследок остаться собой. Безрассудной, бесстрашной, дикой. — Если уж решили казнить, то прошу, давайте обойдемся без прелюдий. Если моя судьба решена, то к чему медлить? Сожгите, отрубите голову, четвертуйте! Вот только сперва узнайте, что как только биение моего сердца остановится, мой отец явится по ваши души и вы нарветесь не просто на мелкое восстание, но на войну. Войну, которую девять миров не видели со времен Рагнарока.

Пользуясь наступившей тишиной, как титановым щитом, девушка наконец-то решила осмотреть присутствующих в тронном зале: лишь четыре стражника, она сама, Один Всеотец и женщина.

Последняя заинтересовала её более остальных. Во взгляде неизвестной не было ни ненависти, что Рейн улавливала в коротких взглядах золотых плащей, ни равнодушия, наблюдаемое в глазах царя Асгарда. В её взоре читалась легкость и понимание, будто она действительно могла ощущать и видеть что-то, что остальным было неведомо и непостижимо. Что-то, что касалось мятущейся души огненной девы. Будто всё происходящее уже было знакомо светловолосой женщине и теперь она искренне сочувствовала человеку, ослепленному ненавистью, стоящему перед тем, кого все считали Царём девяти миров.

«Милосердная, понимающая, добрая», — подумала Рейвен. Впрочем это можно было понять и без помощи магии.

— И кто же твой отец, дитя? — спросил Один, улавливая последнюю ниточку сюжета.

На сей раз Рейн ответила всего лишь одним словом, обойдя назойливую привычку впадать в гнев и ярость всякий раз как видит перед собой Аса.

— Сурт.

— Может быть, снимите ошейник? — спустя несколько минут после состоявшегося «суда», двигаясь по восточному коридору хваленной Асгардской тюрьмы в сопровождении двух стражей, выпалила Рейвен. Длинные темные волосы волной струились по спине, едва касаясь обвивающего талию золотого обода, что скреплял меж собой цепи кандалов и антимагического ожерелья.

— Молчать! — как по часам за секунды отозвался страж в рогатом шлеме, находящийся по правую руку. Именно он казался Рейвен куда более отвратным, нежели тот несчастный будущий мертвец, что находился по левую руку.

— Да бросьте, вы боитесь хрупкую девушку? У меня нет не то что меча, даже простой палки... Где ваша воинская доблесть и честь? — дева осмелела, поняв, что её жизни более ничто не угрожает. А единственную угрозу представляет лишь куча впустую потраченного времени.

«Времени в заточении...», — невесело промелькнуло в голове, вызывая к далеким голосам из прошлого и поднимая из недр памяти запертые на десятки замков воспоминания о детстве. Рейвен удалось отмахнуться от них и, пусть не сразу, вернуться к размышлениям.

Одину не хотелось развязывать войну из-за одной непослушной «девочки, решившей доказать, что она уже выросла». Он любой ценой был готов сохранить мир и, скорее всего, никто кроме свидетелей произошедшего и пленных иноземцев не узнает о нахождении огненного великана-полукровки среди жителей асгарда. Значило ли это что Один из «благородных» побуждений не станет обязывать Сурта объясниться и благодаря этому отец хотя бы день не узнает, что его нелюбимое мятежное дитя осмелилось нарушить приказ действовать более осмотрительно.

— Вперёд. — снова коротко выдал стражник, но на сей раз тот, что находился по левую руку. Рейвен метнула в его направлении полный презрения взгляд и мысленно приписала его к списку будущих жертв. Первых, кого она обязательно лишит жизни вырвавшись на свободу.

— Вы такие же скучные как людишки в Мидгарде. — Рейвен ненадолго умолкла, решив сфокусироваться и скопить больше яда, чтобы следующий свой вопрос задать непосредственно в тюремном комплексе, где у каждого действия будет соответствующая публика. Ведь, насколько девушка могла судить, знакомство с соседями было принято начинать с ярких моментов. — Кстати о Мидгарде! Правда, что сын Одина поднял свой личный маленький мятеж, решив убить брата, а потом и самого Одина? Я слышала, что он был у палаты этого старика лишь в шаге от того, чтобы убить вашего славного, могучего царя, который оказался таким беспомощным уже второй раз? Не знаю, почему он остановился, но вот если бы у меня была еще минута, я бы завершила...

На сей раз стражи не ограничились простым монотонным приказом. Они почти синхронно толкнули девушку вперед и продолжали действие до тех пор, пока огненная дева не подошла к черте центральной клетки.

— Вы поселите меня в люкс? Как щедро с вашей стороны! — губы Рейвен искривились в усмешке. — Я бы отвесила реверанс, да вот перестаралась с нарядом. Слишком много украшений...

«Терять нечего, так почему бы не посмеяться?»

— Думаю мой отец будет не очень-то рад, когда узнает, что его единственного ребенка

обижали плохие Асгардские людишки.

— Шагай в камеру, живо! — меч одного из «рогоносцев» уткнулся в спину девы, кандалы, все кроме ошейника, исчезли по мановению руки и она умолкла, первый раз в жизни повинувшись чьему-то приказу. Но при этом мысленно проклиная все королевство предков асов и желая смерти каждому, облаченному в драгоценные латы, девушка окончательно прониклась духом готовящегося и всё же тысячекратно откладываемого восстания, призванного вернуть величие огненного народа.

«Вы заплатите за это, — кидая один из тысяч своих гневных взглядов, подумала муспела. — заплатите за всё!»

Как только Рейвен шагнула за колонны за её спиной возникла и заполнила собой каждую несуществующую стену светящаяся золотом прозрачная преграда из чистой магической материи.

«Любопытно...» — хмыкнул внутренний голос, а через секунду это же самое слово раздалось где-то за спиной.

— Любопытно, — озвучил монотонный скучающий мужской голос, и в эту же самую секунду Рейн почувствовала на себе чей-то изучающий, но при этом отстранённый взгляд.

Девушка повернулась в ту сторону источника звука. Заведомо неприятного, как хотелось бы думать.

— Славное представление. — дополнил высокий темноволосый молодой муж. Его зеленые глаза сверлили Рейвен укоризненным насмешливым взглядом, но лицо предка Аса оставалось бесстрастным. Более того, оно выражало крайнюю озадаченность грузом периодической скуки и усталости. — Славное, но абсолютно напрасное, — заключил он, перебив мысли Рейн, оглядывающей камеру и старающейся понять что из себя представляет это существо.

Его темница выглядела куда лучше остальных, что само по себе приуменьшение, ведь в его «номере» было не только четыре золотистых прозрачных стены, но и множество Асгардских книг и мебель, и ковер, и стол. Без сомнений, он важная персона, либо у парня просто очень влиятельные друзья, но тем не менее...

— Очень опасный преступник, раз тебя держат в двойной камере в центре. На виду всего этажа, — подобрал остатки самообладания и закинув свою робость как можно дальше, выпалила девушка. Она скрестила руки на груди, подойдя к стене между клетками и подарила собеседнику странное подобие того же взгляда, какой уловила у него мгновением раньше. — Но видимо кто-то важный, раз твои условия настолько «адские».

Асгардский муж усмехнулся на столь нелогичный и прерывающий его собственную браваду, ответ:

— Забавная попытка...

— Но напрасная? — перебила муспела.

Что ни говори, а перебороть своё не по духу подобранное бахвальство и самомнение, она была не в силах — дух огненных великанов давал о себе знать и призывал ненавидеть все и всех, что хоть какой-то долей относилось к Асам и Асгарду, а мужчина определенно принадлежал Асгарду. Пусть не душой и разумом, о чем свидетельствовало его не беспричинное заточение, но корнями семейного древа. И те оставались единственной расой, помимо Мидгарцев и Ванахеймцев, сохранивших человеческий облик. К сожалению и Рейн от части относилась к Асгарду — по вине матери, родившей на свет дитя-полукровку, — временами она ненавидела и себя, но то были короткие мгновения.

— Почему же? — спустя какое-то время снова молвил мужчина, чьего имени она так и не услышала. — Весьма ненавязчивый способ узнать своего... соседа? Врага? или, смею предположить, союзника? — он деланно нахмурился, продолжая игру, которую затеяли они оба, еще не зная к чему ведет битва высокомерия. — Боюсь, что ни одно из этих наименований не подходит. Мы не знакомы, мы заперты, мы узники. А это — зеленоглазый окинул узкое помещение руками, но взор его по-прежнему оставался неподвижным и был он устремлён на лицо Рейвен — лишь один из немногих способов разнообразить жизнь и скоротать несколько злосчастных минут.

— Красиво поёшь, Асгардец. — Рейвен опустила на мраморный пол, скрестив ноги и облокотившись на собственный кулак. Эта странная беседа даже начала казаться ей занимательной и в некотором роде имела свой обреченный шарм. Дева жаждала продолжения, но увы, он будто бы уловил её мысль и решил действовать в противовес. Заманивая в хитросплетенную паутину собственных манипуляций. Брюнет опустился на мягкую софу, уткнулся в толстую книгу в кожаной обложке, делая вид, что вновь никого кроме него не существует.

«Будто бы и не вставал», — прошипела она, в ответ без стеснения уставившись на новообретенного соседа.

Через некоторое время, проведенное за наблюдением за тем как мужчина монотонно перелистывает пожелтевшие от древности страницы, не отрываясь от самой книги, Рейвен поняла что именно он имел ввиду: это место и полупрозрачные стены имели свойство сводить с ума, заполняя всё наисильнейшей скукой и, что более не казалось странным, серостью. Заключенные в других камерах, стражники в рогатых золоченых шлемах, расхаживающее от стены к стене — всё это приедалось быстрее, чем хотелось бы, а единственное спасение находилось в двух вещах: книгах и разговорах. Но первой привелегии огненная дева была лишена за неимением должного статуса. Что же относилось ко второй... Необходима осторожность.

«Всего десять минут, а я уже схожу с ума...» — уныло подумала она.

— Я нахожу твою манеру вести переговоры интересной. — зеленоглазый поднял на Рейн короткий взгляд, однако этим и ограничился. Испытывая, томя, играя на любопытстве и неподдающемся контролю желанию не оставаться наедине со своими демонами.

«Решил что разговаривать не о чем или играет на самолюбии? В иных обстоятельствах я бы едва придавала тому значение, но разве сейчас у меня есть выбор?»

— Хитер, — как ни в чём не бывало, продолжала девушка, — скорее всего, умен и считаешь, что также и весьма остроумен. Влез в гневную тираду безумца, заманил разговором, а потом поиграл на самолюбии и умолк... Наверное ждешь, что мне станет любопытно или скучно и я продолжу беседу? — Ас перевернул еще одну страницу, скрестив ноги и вытянув их на софе. — И, конечно же, это всё к чему-то ведёт... — девушка прищурила глаза, поменяв руку, на которую упирался подбородок. — Еще ты живешь в камере среди зала, но в самых что ни есть царских условиях. Важный, хитрый и опасный. Локи, верно? Ты Локи?

— Что же каюсь. Повинен. А теперь, если позволишь, я дочитаю. В отличии от тебя, мне и правда есть чем занять время.

Хотелось бы Рейвен стукнуть его кулаком или вонзить кинжал в глотку, чтобы немного поубавить самолюбия у несчастного божка полукровки, но увы — их разделяла сантиметровая магическая стена, которую не удастся подорвать одним лишь желанием. Была

бы магия, которую ограничивал тонкий золотой ошейник, но к сожалению её нет, и прорвать эту оборону нечем.

«Не поддавайся! — только и вздохнула девушка, который раз за день пребывания в Асгарде пытаюсь собраться с мыслями и совладать со своими ветренными импульсами. — Тут пахнет изощренной крутой ловушкой, из которой не выбраться. Позволишь завладеть кому-то своим вниманием и всему на свете приходит конец... Так всегда и случается».

«Столько высокомерного яда, а толку — ноль». — хмыкнул про себя трикстер, на краткий миг оторвавшись от скучной и заурядной книжонки, которую читал лишь во имя осуществляемого манёвра, целью которого было отстранение для привлечения внимания. Многоступенчатый пусть, обвитый узлами веревки сплетенной из хитрости и обмана.

Меж тем на сияющее небо Асгарда безмолвно опустилась тёмная, тихая и спокойная ночь. В тюрьме, конечно, было затруднительно определить время суток, ведь здесь не было видно ни солнца, ни звёзд, ни луны. Но кому нужны небесные светила, когда рядом ходят идеальные и бесперебойные часы — стражники? Они семят из угла в угол часами, днями, неделями напролет так быстро, что почти невозможно запомнить чьё-либо лицо и уж тем более определить, что они вообще когда-либо меняются. А стражники-то на самом деле меняются каждый час: днём обычная охрана первого ранга, а ближе к ночи их сменяет почетный караул из дворцовой гвардии отобранной лично волей прославленного и вечного Всеотца.

«Маленький фокус Одина — якобы бессмертная и непобедимая... вечная армия. Отец искусно создает эту иллюзию для своих заключенных, сообщая им о том, что эти смерды всегда под наблюдением. И кто тогда из нас бог обмана?» — Локи перелистнул страницу «Легенд Асгарда», он на еще одну секунду оторвал взгляд от книги, дыбы визуализировать мысль в голове.

«Как же забавны бывают эти людишки в тщетной попытке заявить о своей непобедимости и выдать на показ то, чего на самом деле нет. Ваши попытки и смешны и прекрасны», — трикстер отложил в сторону потрепанный экземпляр в кожаном переплётё, расположился на софе как можно удобней и вновь устремил изучающий надменный взор на высокопарную девицу в золоченом ошейнике. Настолько ли сильна её магия чтобы нуждаться в сдерживании?

Она шныряла по своей пустой камере без устали вот уже несколько часов, будто от метаний зависит чья-то жизнь. Её жизнь. Безымянная девица подходила то к одной стене, то к другой, то к третьей и каждый раз меняла траекторию лишь вглядываясь в материю завесы, но всё же не решаясь прикоснуться к ней. От скорости, которую собеседница развила во время импровизированной обзорной экскурсии по тюремной пещере, казалось бы, загорится её плащ-доспех, а вместе с ним и все помещение. Но увы, этого не было в расписании сегодняшнего шоу — только скучные, тщетные и смешные потуги выбраться на свободу, а еще гробовое молчание, которое Лафейсон внезапно решил развеять для собственной же пользы:

— Если ты будешь двигаться чуть быстрее, то возможно сможешь взлететь... — Локи запрокинул руки за голову, демонстративно подтянувшись на своем ложе. — Жаль только, что курицы не летают, иначе это странное выступление было бы хотя бы забавным.

— Дай угадаю, — снова невпопад, повинуюсь каким-то собственным законам, говорила девица. Локи блаженно закрыл глаза, но был готов поклясться, что эта девка кидает на него один из натренированных «убийственных» взглядов. Один из тех, что он в силу смвоей наблюдательности заметил еще у входа, когда пленницу лишь знакомили с порядками темницы.

«Предсказуемо», — по-будничному скучающие подумал было бог.

— Тебя запихнули в тюрьму не потому что ты неудачник, который дважды пытался захватить власть и трон вашего «Божественного» царства и один раз пытался убить своего приёмного папочку, а из-за твоих шуточек? Наверное тяжело было твоим якобы родным слушать их каждый день, вот и решили сбагрить тебя сюда — пытать заключенных своей остроумностью?

— Какое прекрасное умозаключение. Возьми с полки медаль, дорогуша, — губы Локи расплылись в ленивой улыбке. Он приподнялся на локтях, чтобы видеть лицо своей соседки по камере.

Нужно было отдать ей должное за находчивость: не часто трикстеру удается пообщаться с тем, кто хотя бы на тысячную долю секунды может вывести бога из себя. Эта темноволосая бестия как-то странно напоминала Лафейсону его самого только в женской вариации: тёмные волосы, зеленые глаза, но более нежного нефритового оттенка, почти тощая фигура и высокий рост, не такой высокий как у него самого, но все же... кожаный плащ-доспех только черно-пурпурного цвета, тонкие губы. Вот только кожа её была немного темнее его собственной, а характер необузданней и куда более дикий. В каждом слове девушки слышался отзвук, легкая тень едва заметного акцента.

Она не боялась говорить о том, что думает, но возможно, не думала о чем говорит.

«Что же... может стоит познакомиться с её историей?»

— А что же можно сказать по поводу тебя? — он медлил всего секунду, но за этот короткий отрезок, казалось бы, прошла целая вечность. — Неугомонная, невоспитанная, не можешь усидеть на месте ни секунды. Тебя посадили для того, чтобы ты дыру в земле не протоптала от нечего делать?.. — он приподнялся на локтях и посмотрел на девушку, собирающуюся что-то сказать, но так и не успевшей вставить свое едкое слово. Локи был быстрее. — Рвешься в бой и желаешь убивать без разбору... Идеальная жена для моего брата-увальня. Из вас бы вышла отличная пара! — трикстер развел руками. Пред его глазами предстала довольно забавная картина: Тор и она сшибают молотом колонны и обезглавливают статуи в день своей свадьбы.

«Один был бы счастлив!»

— В Мюрквиде я видела и твоего брата и всех Асгардцев вместе взятых, маг! А твою голову, — девушка подошла к стене, едва касаясь энергетического поля вспотевшей ладонью и стора от такого сильного гнева, что его можно было ощутить даже сквозь толщу магической ограды. Кажется вариант свадьбы с царем Асгарда не очень нравился юной воительнице. Это задело её за живое, уязвило гордость и подстегнуло самолюбие с длинным языком к действию:

— Нанизанной на пику посреди лавы в тёмном лесу!

«Любопытно», — подумал трикстер, но вслух продолжил посягательство на самолюбие девчонки. Встреча с ней внезапно начала обретать смысл и он даже осмелился выказать неподдельный интерес к процессии.

— Какой напор жизненной энергии! Какой энтузиазм! Еще пара предложений и я смогу почувствовать это на себе.

— Еще пара мгновений и ты почувствуешь на себе мой кулак.

— Если ты умеешь ходить сквозь барьеры, в чем я существенно сомневаюсь, то пожалуйста. Дерзай!

С тех самых пор как высокомерный бог изложил свою теорию, а Рейн в ответ на его слова обещала его ударить, прошло уже два дня.

Скука неумолимым безжалостным грузом накатила на деву: каждый час, проведённый в бездействии, сопровождаемый передвижением стражей из одного конца зала в другой, казался муспеле невыносимым. С самого рождения она привыкла к активному участию в чем бы то ни было: борьба за уважение единственного оставшегося в живых родственника, обучение магии и бои с её применением, катание на миракхах, одной из тех пород лошадей, что способны носить на себе огненного странника. В чем угодно! Для нее всегда было главным не сидеть на месте. А теперь дева была вынуждена делать то, что более всего противно — наблюдать и вынашивать план — в собственном теле, ставшим непривычно бледного человеческого оттенка в чуждом ей мире.

Единственным утешением для дочери Сурта служил ошейник — тонкая нить, отделяющая её от сильнейшей магии и свободы. И хоть артефакт являлся препятствием на пути к желаемому, он же и стал точкой опоры. Как только стражники исчезали в противоположном конце зала во время своего обхода, она вынимала из рукава тонкую стальную нить и принималась незаметно ковырять ею замок. Видимых успехов не наблюдалось долгое время и у девы всегда было от силы две минуты, в одну из которых её неразговорчивый благородный сокамерник обязательно одарял её сторону камеры любопытствующим надменным и безразличным взглядом.

Ей казалось что он беззвучно говорит: «Что бы ты не задумала — у тебя никогда не получится сбежать отсюда».

Может быть, Рейвен ошибалась и то был лишь глас её разыгравшегося воображения. Однако никогда не знаешь, что может думать такой человек как Локи. Наблюдая за ним два долгих бесконечных дня, дева выяснила, что сын Лафея далеко не так прост, каким может показаться с первого взгляда. И истории о нём не только не лгут, но даже не преувеличены ни на слово.

Когда стражники разносили по тюрьме еду, обычно состоящую из хлеба с жареным сыром и нескольких фруктов, Локи умудрялся заговорить с кем-то из них и даже раздобыть несколько новостей из внешнего мира, по счастливой случайности доносящиеся и до ушей муспелы. С кем-то йотун вел себя в своей обычной язвительной манере, а с кем-то разговаривал вполне дружеским тоном, но при этом всегда добивался задуманного.

Где-то на третий день своего заключения Рейн слышала отрывок разговора Локи с одним из стражников, что сопровождали девушку от тронного зала до нынешнего местопребывания. Мертвец по левую руку говорил что-то об Одине и изданном запрете посещения темниц женщиной по имени Фригга.

После этой короткой аудиенции Локи на краткий миг помрачнел, но как только заметил на себе озадаченный взгляд муспелы, повернулся в её сторону с ядовитой ухмылкой и молвил:

— Надеешься просверлить дыру в стене и все же исполнить обещанное, дочь Сурта, правителя Муспельхейма?

«Муспельхейм...» — проскочило в голове Рейн, опережая все другие мысли и попытки сязвить в ответ.

— Как ты узнал? — спросила она прежде, чем разум успел догнать болтливый язык. Теперь она выглядела слабой и задетой врасплах в глазах своего врага.

Знай Сурт о том, что его отпрыск уязвим, тут же приказал бы наказать. Хотя, он и так, скорее всего, накажет свою далеко не самую любимую дочь за то, что украла меч, выбралась с его помощью из Мирхейма и попыталась убить правящего царя девяти миров.

Причем накажет он не за то, что она задумала подобное и ослушалась приказа ждать подходящего момента, а за то, что у неё не вышло. За то, что теперь магический артефакт сравнимый по мощи разве что с тессерактом, в руках злейшего врага. Без огненного меча, война, готовящаяся с подачи Муспел и восставших воинов шести миров, заведомо обречена на провал.

— Забавно то, как много мы говорим, стоит задеть наше самолюбие. Язык — самый страшный наш враг. Никогда не знаешь как многое выболтаешь в следующий миг. — Локи отвлек её от мрачных мыслей, сам того не ведая.

Рейн молча смотрела сквозь барьер в его зелёные глаза, тщетно пытаясь угадать, что может скрывать эта непредсказуемая личность. Будь она уверена, что он слабее её в магическом искусстве, и не будь между ними стены с ошейником, она могла бы попытаться считать его разум и заглянуть во все отсеки души до каких смогла бы добраться — увидеть его "внутренний огонь". Разум, душу, каждую составляющую его сущности...

— Неужели, — после минутной паузы, продолжал Локи, — я слышу тишину по обе стороны темницы? Ты не собираешься шутить, бросишь свои попытки глумиться надо мной? — трикстер соединил руки за спиной и подошел к стене между камерами. — Я удивлен... Легенда идет в разрез с реальностью, не так ли? В книгах огненных великанов явно превозносят. Вы такие же обычные, как и все: камера и уединение легко способны сломить даже такую воинственную натуру, раздробить стержень...

Бога лжи и озорства понесло по склонам собственного тщеславия. Он все говорил о расе муспел и говорил, пользуясь тем, что Рейвен молчит. Его это немало удивило, наверное. Жаль только, что трикстер не заметил за своей беседой как вымолвил одну опрометчивую фразу:

— Настолько активны, что не способны заметить как караульные сменяются по ночам.

Это мало что значит для того, кто не помнит, сколько минут занимает проход от одного конца зала к другому и спуск с этого этажа в арсенал. Все вместе это занимало порядка пяти минут, а это значит, что за эти пять ежедневных минут можно расковырять замок.

— Ты закончил? — поднимаясь с белоснежного пола и разминая ноги, проговорила девушка. — Спасибо за ценную информацию, однако. Твои книги видимо ничего не говорят обо мне?

Трикстер поднял брови, изображая смесь удивления и скуки одновременно: его двусмысленный взгляд говорил что-то вроде «а это важно?».

— Столько слов... — девушка приняла ту же позу, что и Локи. К своему удивлению она обнаружила, что ей нравится время от времени подстегивать трикстера. Наверное, ему в свою очередь, нравилось измываться над ней, раз он каждый раз возвращается к их коротким перепалкам. — Но нет ничего существенного, а лишь поверхностные знания. Есть упоминания о дочери Сурта, но ни слова о том жива ли я... А я жива, потому что Один решил пощадить маленькое несчастное дитя, но убил её мать, потому что она предала Асгард, придя в царство Сурта и огненных великанов... Тех, кто разрушил древо миров огненным мечом, соединяющее тропы между ними в дороги, а не в мост. И, уж конечно, ни

слова о том, что эта самая дочь Сурта, Рейвен, пришла в Асгард с целью отомстить и отрубить голову Одину тем самым мечом, что когда-то чуть не погубил миры.

Голос Рейвен дрожал от отвращения и ненависти. Временами она теряла над нею контроль и вдавалась в воспоминания, озвучивая их вслух, и лишь потом понимала, что сказала слишком многое. К сожалению, сейчас было как раз такое время.

Глядя на ничего не выражающие лицо Локи, не подумаешь о том, что где-то в его мозгу щелкнул переключатель генератора злобных идей. Но вот если смотреть в глаза...

Зеленый океан, плещущийся в них, выдавал трикстера с головой — он снова выиграл словесный поединок и узнал всё, что ему было нужно, без единого усилия со своей стороны. Но для чего ему это нужно? Что может дать ему эта информация раз они сидят взаперти?

— Язык не только враг, но и оружие. — двусмысленно произнёс бог, отходя от стены.

Всем своим видом он показывал, мол, на сегодня диалог окончен, а ошарашенная и прикусившая язык девица может отдыхать.

— Я бы с удовольствием посмотрела на то, как своим «оружием» ты будешь просверливать дыру в этой стене, а потом убьешь им стражников у ворот, — дева отошла к стене, открывающий чудесный обзор на камеры различных существ и на два выхода к лестницам.

— Что же, вынужден признать, что это было бы забавно. Однако за именем некоторых навыков и знаний, этого не потребуется.

Странно, но на сей раз в его предложении читался не тот обычный гонор и скрытая попытка унижить девушку, но намёк на его годность в случае удавшегося побега.

Локи сел в кожаное кресло, поставив ноги на стол и расплылся в улыбке наблюдая за Рейн.

С самой первой секунды он вел себя как хозяин ситуации, будто знал какой-то важный секрет. Кто знает, но может быть, на сей раз он не просто выдает желаемое за действительное!

Повинуясь порыву любопытства, Рейн развернулась лицом к Локи и спросила:

— И какого же рода могут быть твои знания?

— Боюсь, что эта тайна не для твоих нежных ушей, милая Рейна.

— Ты не выйдешь на свободу, обладая одними лишь знаниями, — фыркнула дева, скрестив руки на груди. — После всего содеянного: Нью Йорк, Йотунхейм...

— Для обитателя запертого для всех остальных миров Мирхейма, ты довольно много знаешь о современном Мидгарде, — чуть ли не пропел Локи на свой обычный манер и Рейн поняла, что первые два дня, и даже первый их разговор, в каком-то смысле были лишь разминкой. Трикстер позволил деве чувствовать свое превосходство, заманил её в изошренную ловушку, завладев вниманием и потихоньку вытягивая все, что ему необходимо. А теперь он просто наслаждался.

«Позволь кому-то завладеть своим вниманием и тебе конец...» — вспомнила она, но остановиться уже не могла.

Её манила тьма, исходящая от Йотуна. Ей хотелось ответить ему чем-то более язвительным, ей хотелось победить его во что бы то ни стало.

— Боюсь, что эта тайна не для твоих нежных ушей.

— А я боюсь, что это и не тайна вовсе. Не для меня уж точно. Возможно, мой недалновидный отец не озадачил себя вопросом о том, как ты проникла в Асгард, но как только я понял, что ты не отсюда...

— Тут же вспомнил о тайных тропах? — закончила за него дева, на что Локи ответил.

— Приятно говорить с тем, кто тебя понимает. Только вот, — он помедлил с секунду, высматривая стражников, находившихся в дальнем углу залы, — откуда "ты" о них знаешь?

— Тайные тропы это ветви, оставшиеся от древа миров, некогда объединяющее все живое в единое целое. Вполне естественно, что дочь того кто создал и разрушил это дерево, о них знает.

— Ты предполагаешь, что вся история упирается в Вас? — В голосе Локи читалось любопытство и некая свойственная ему надменность.

— Я это "знаю". Наша раса существовала задолго до Йотунов, Асов с их богами и Тёмных эльфов. Мы вечные, как эфир. Муспелы подарили людям огонь, превознесли предков нынешних правителей Асгарда и были извечными врагами ледяных великанов, равных им по силе. Мы создали тессеракт — по одному на каждый мир и разбросали их по свету, когда проиграли бой. — Рейвен умолкла на полуслове, уловив участвующий и жадный до знаний взгляд Локи.

«Опять купилась» — вздохнула она, ну, а вслух спросила без своего обычного яда:

— Как ты это делаешь?

— Делаю "что"? — совершенно невинно спросил её собеседник, как будто и не понял вовсе о чем идет речь.

— Заставляешь людей играть по твоим правилам, когда они этого не хотят? Так умело манипулируешь ими, что упиваясь собственной победой, они и не замечают, что на самом деле проигрывают.

— Я бы с радостью поведал тебе, но боюсь, что это потеряет свой шарм, если этот секрет будет знать столько, — он обвел руками зал с до отвала заполненными камерами, — людей.

— А если и будет не так уж и много?

— Тогда, может, поделюсь.

Рейвен нравился положительный ответ и сам факт того, что она вполне может научиться так же искусно манипулировать окружающими, но даже при таком раскладе дева не чувствовала вкуса победы. Наоборот, она чувствовала, что здесь снова выигрывает трикстер.

— И даже тогда всего лишь «может быть»? — не зная радоваться или огорчаться, спросила она.

Трикстер одарил деву наглой полуулыбкой, видимо, собираясь ответить что-нибудь остроумное, но к этому времени стражники оказались в их части зала и кто-то из них проревел грубым голосом:

— Эй вы! Тихо там! — его золотой жезл врезался в каменную колонну, заставляя золотую ограду вибрировать.

«Очень интересно...» — подумала муспела, подойдя к той колонне, что отделяла камеру Локи от её собственной.

«Колонны — вот уязвимое место» — решила дева. Она прижала ладонь к магической ограде, но тут же одернула её — стена нещадно жгла руку, но на даже на этот простой трюк затрачивалось слишком много магии и по стенке расползались едва уловимые вибрации.

«Очень интересно...» — теперь мыслям вторил и внутренний голос.

— Думаю, что ты все-таки мне расскажешь, — уловив озадаченный взгляд ледяного принца, произнесла Муспела.

Не часто трикстеру доводилось умирать от любопытства — Рейвен следовало отдать должное и в этом деле тоже. Теперь, наблюдая за её гонениями по камере, Локи не испытывал раздражения, напротив, он был заинтересован. На сей раз Рейвен подходила не к стенам, а к столбам, и у каждого из них на краткий миг касалась золотого ограждения, замирала на мгновение, что-то прикидывая в уме, и снова подходила к тому столбу, который разделял их камеры.

— Что-то интересное? — подгадав момент, когда стражники окажутся в противоположной стороне зала, спросил маг, не удосужившись даже приподняться с софы. Если бы он себя не знал, то и в правду бы решил, что ему скучно, потому что голос как раз об этом и говорил.

Девчонка устремила свой взор к Лафейсону, снова глядя прямо в глаза и выпалила всего одно слово:

— Ничего.

Жаль лишь, что ей не хватает актёрского мастерства. В это «ничего» невозможно поверить и в половину. Скорее, она просто не желала делиться находкой, искала где можно юлить и выиграть ситуацию целиком. Эта негласная война началась с той самой секунды, как йотун открыл рот, а муспела ему ответила. Скажи она что-то менее дерзкое, Локи бы и не думал воспринимать её как стоящего противника или рассматривать её кандидатуру как неплохой способ выйти отсюда. Но она сказала то, что ему понравилось — дерзкое, непокорное и смелое — в этот момент игра началась.

«Стоит ли доверить столь ответственное дело такому импульсивному существу? — рассуждал про себя йотун пока девушка высматривала кого-то в противоположных камерах. — Пожалуй, её можно использовать. Только вот как?»

Трикстер все же горделиво поднялся со своего ложа, подойдя к книжной полке. Его вдруг посетила странная мысль о том, что две противоположные магии вполне могли бы объединиться для выполнения наипростейшей задачи — крушения барьера. Вот только он пока не знал, совместима ли магия такого рода вообще. Если да, то стоило бы дожидаться момента, когда Рейн догадается как снять своё ожерелье и предложить ей себя в качестве проводника.

Вряд ли она ориентируется в Асгарде так же ловко как сам маг. Ей при любом исходе нужна будет его помощь, это он знал точно.

Найдя на полке нужную книгу, Локи тут же заглянул в оглавление и, как ни странно, практически сразу отыскал нужную главу.

«Славные легенды и мифы Асгарда...» — прозвучало в голове бесцветным голосом, ну, а текст гласил.

Магия — есть величайший дар, принятый человечеством в дар от предков Асов. Веками люди передавали таинства магических обрядов и свершений по линиям своих родословных. С каждым годом это древо становилось только крепче, ветви волшебства сплетались в единое целое. Люди обучались, росли и вскоре поняли, что волшебство можно не только передавать, но и объединять.

Гильдии магов объединяли свои усилия и создавали невероятные вещи. Все их действия несли добро до тех пор, пока однажды друид по имени Муртаг не решил, что

тайнство чар должны постигать только избранные. Другие воспротивились его мнению и изгнали Муртага, и он ушел. Но ушел лишь для того, чтобы вернуться.

В своём изгнании Муртаг нашел сторонников, с душой черной, как и его собственная. Их чары были равноправны, но совершенно противоположны и вместе явились разрушительными...

Локи не стал дочитывать писание до конца. Дальше его ожидала только скучная и длинная глава о том как светлые маги сражались с тёмными и как великий предок отца Одина спустился на землю, отобрав всё у первых людей и превратив тех в варваров, почитающих скандинавских богов. Вдаваться в историю так глубоко Лафейсон не собирался. Он уже узнал всё, что ему было нужно — равноправные и противоположные по своей природе силы сеют хаос и разрушение.

«Она не так бесполезна», — соединив ладони вместе, подумал трикстер.

Он уже полностью погрузился в свои мысли, вынашивая коварный план и не замечая никого и ничего вокруг себя, как вдруг услышал отборную ругань и последующий за ней призыв успокоиться.

Мужчина открыл глаза, поглядев на камеру, из которой доносились голоса и увидел довольно забавную картину: заключенные андал из Хелльхейма и воин из Асгарда дрались за нож, таинственным образом попавший в камеру, а трое стражей замерли в нерешительности, не зная стоит ли открывать стену и прекратить бой, или же посмотреть чем всё закончится.

— Я что-то пропустил? — промолвил Локи, подойдя к той стене, за которой все предстало бы в лучшем свете. — Эти дикари...

— Ни дня без комментария, да Локи? — Тут же спросила Рейвен.

— В той же мере, что и ты, — ухмыльнулся в ответ внезапно озадаченный трикстер. Её ли это рук дело? и если да, то каким образом?

— Но я отношусь к этому более мужественно, нежели ты.

— Неужели? — Лафейсон приподнял брови, как делал всегда, чтобы выказать толику удивления. Не испытываемого, но театрально обрисованного для лучшего восприятия его холодной как льды Йотунхейма речи.

— Комментарии бывают разные, — девушка отвела левую руку за спину, а правую прижала к противоположному плечу и деланно поклонилась, — ваше высочество...

— Что же, принцесса, — ведя бессмысленную игру слов дальше, проговорил йотун, — рискну предположить, что ты имеешь отношение к этому переполоху.

Губы девушки растянулись в горделивую почти счастливую улыбку, напомнившую трикстеру его собственную. Он смотрел на свое огненное искаженное отражение. Снова.

— Возможно, — прерывая ход его мыслей, сказала дева.

— И каким образом, позволь узнать?

— Язык, — не только враг, но оружие в умелых руках, — вместо ответа она процитировала его оброненную невзначай фразу.

«Неплохо, но откуда взялся нож?» — секундой позже заключил Локи, но ничего не ответил.

Его и радовал и злил тот факт, что во всех девяти мирах наконец нашелся человек хоть сколько-нибудь равный ему. Верно, не стоит спорить, Рейна была не так глупа, как казалось с первого взгляда. И в нынешних реалиях казалось вполне реальным, что она действительно умна, а виной столь частым ошибкам и промашкам служила излишняя импульсивность.

«Не будь она так горячна, Один был очень даже мертв.»

— Даже не спросишь как я это сделала? — Разочарованно, скорее всего, с деланным разочарованием, спросила Рейна.

— Это было бы слишком предсказуемо. Лучше спрошу о том, какой выход ты нашла.

— А я нашла выход? — Теперь настал час Рейвен: она приподняла правую бровь и скрестила руки на груди, как это делал сын Лафея. Прекрасная демонстрация.

— Вполне может быть, но дело в том, что я не уверен на счет тебя. Я то уж точно его нашел и даже знаю как выбраться отсюда, минуя стражу... — Он принялся расхаживать по своей камере, соединив руки за спиной и время от времени поглядывая на свою собеседницу. — ...Пару тайных троп и даже доступ к чертогам Одина, к его арсеналу, — при слове «арсенал» глаза девушки блеснули живым огоньком, но она, как и ожидал того Лафейсон, старалась не выдавать свою заинтересованность. Видимо, ей нужна не только смерть Одина, но и какое-то оружие из его личных трофеев.

— Но тебе нужно что-то от меня, раз ты посвящаешь меня в свой план.

— Мне? — Снова в его голосе сквозили нотки невинности, которым Лафейсон и сам бы с легкостью поверил. — Ты не так сильна, чтобы мне могло что-то понадобиться...

— Однако, ты продолжаешь заманивать сладкими речами и всеми способами вовлекаешь меня в разговоры. Остается только узнать зачем... Это что-то что касается магии?

— Это что-то, что касается скуки. Почему бы просто не поговорить? Почему нет?

— Тому, кого прозвали богом лжи и озорства, верить нельзя. К тому же все поступки людей преследуют какую-то цель. Это в нашей крови, мы умеем лишь пользоваться, а не созидать.

— Я улавливаю печаль в твоём голосе, хотя слова признаны укорять, — заметил Локи, а девушка ответила ему:

— На этом можно закончить, — она отошла к противоположной стене, сняв свой плащ дабы использовать как подушку, а через один или два обхода стражей уже крепко спала.

Локи же остался наедине со своими мыслями и догадками. Он редко проявлял интерес к какому-либо живому существу, но уж больно знакома была ему эта грусть в голосе. Странная тоска, накатывающая периодическими волнами, как напоминание об одиночестве. Но поддаваться чувствам, человеческим чувствам вроде сострадания, нельзя. Нужно использовать людей в своих целях, потому что это единственно верное и самое простое, что можно сделать.

«Дочь Сурта права, мы от природы лишь пользуемся». — Локи опустился на мраморный пол, подтянув одну ногу к себе, он уставился на стражей.

Ближе к рассвету снова смена караула, а это значит пять дополнительных минут без посторонних глаз и еще две минуты, когда стражи будут в другой части зала.

«Насколько же её магия сильна, раз отец решил обезопасить всех и заключил её? Знай я больше о Суртуре, мог бы себе представить, а сейчас остается лишь надеяться, что дело выгорит. Не подведи меня, Рейна из Муспельхейма».

Рейн и не понимала насколько сильно может утомлять банальное бездействие, пока не испытала это на собственной шкуре, попав в темницу. Как только голова огненной девы коснулась импровизированной подушки, она тут же уснула беспокойным тревожным сном.

Как ни странно, но сегодня, впервые за долгое время, деве приснился отчий дом, который она одновременно и любила и ненавидела.

В Муспельхейме, вопреки расхожему мнению летописцев из других миров, обитали не только сами великаны, но и существа поистине прекрасные и непредсказуемые. Жаль только, что Муспелы, будучи по своей природе воинами охотниками и слугами, истребляли все, что попадалось им на пути.

Среди великанов находились и добрые и злые воины, и все как один обладали сильнейшей магией: подчиняли своей власти огонь, взрывали предметы силой мысли, могли считывать людей с более слабой магией и узнавать любую информацию, лежащую на поверхности и не требующую применения особых усилий. Но только Сурт и его дети обладали достаточной силой, чтобы подчинить себе все три вида магии. Сурт, к своему несчастью, обладал еще одной привилегией, которая доступна лишь истинным правителям — знания.

Как-то раз, вспомнилось Муспеле во сне, он имел глупость поделиться с ней этим знанием, потому что думал, будто дева слишком мала и глупа, чтобы запомнить его слова:

Великаны вечны, подобно эфиру... — говорил Сурт, правитель Муспел — но это не значит, что мы неуязвимы, Рейвен. Нас нельзя ранить, но лишь в пределах нашего мира. В других мирах мы уязвимы настолько, насколько уязвимы обитатели небесного царства Асгард. Мы обладаем способностью к ренегации, но только до тех пор, пока наше сердце цело. Сердце — самое уязвимое место. Если вырвать наше сердце — огненный царь указал на сердце малышки — мы умрем. Это сработает и в нашем мире тоже.

«Это сработает и в нашем мире тоже...» — темным саженцем засело в голове девушки.

Во сне её преследовали не только важные и полезные воспоминания, но и неприятные тоже. Она вновь прошла тропу от беззаботного детства до того момента, когда отец позабыл красоту матери Рейвен и женился на женщине его расы, предоставив деву самой себе.

Сквозь сон муспела почувствовала как её руки сжались в кулаки, а ногти больно впились в тонкую кожу ладоней. В тот же момент туман, созданный творцом сновидений растворился и Рейвен смогла услышать как её тихо зовут по имени:

— Проснись. — прошелестел Локи.

Дева протёрла сонные глаза, чтобы прийти в себя после насыщенного экскурса в собственную память.

— Неужели! — снова шепнул йотун так тихо, будто боялся разбудить кого-то в камерах. Это само по себе странно, ведь кто-кто, а трикстер действует только в угоду себе.

— Какого... — не успела дева и слова вымолвить, как Асгардец снова её перебил.

На этот раз слова звучали вполне серьёзно:

— У тебя мало времени. — Локи поднёс палец к губам, затем указал на коридор по левую сторону камеры, потом на тот, что находился справа, смена караула, — пояснил бог, уловив озадаченный взгляд дочери Сурта.

Больше объяснять ничего не требовалось. Муспела в считанные секунды пришла в себя:

она вынула из правого рукава плаща стальную ниточку и тут же вставила в замок, усердно ковыряя его внутреннее содержание.

— Быстрее, — поторопил Локи, глядящий по сторонам и выскивающий стражников.

— Как будто это так легко, — поморщившись, выдавила Рейвен.

«Если я сниму это и смогу прорвать барьер, то обязательно припомню его высочеству все полезные комментарии», — мысленно прикинула дева и тут же ухмыльнулась.

— Надеюсь, у тебя получилось, — надменно шепнул принц, — потому что в данной ситуации твоя улыбка неуместна.

Рейвен в очередной раз описала круг стальной нитью внутри замка. Она была готова поклясться, что слышала короткий щелчок, поэтому дёрнула створки стального «ожерелья» — ничего не вышло.

— Полезные комментарии, Локи. Совсем не отвлекаешь.

— Великая огненная воительница... — хмыкнул трикстер в своей обычной манере — не способна справиться с маленьким замком.

— Не нравится как это делаю я, сам тогда попробуй, — шикнула девушка в ответ.

Для неё куда проще было поддаться ярости и снова вступить в словесную перепалку с сыном Лафея, чем безропотно сидеть и пытаться раскрыть маленький замочек какой-то поношенной серебряной ниточкой. Девушка ждала было какого-нибудь едкого замечания, но Локи, к огромному сожалению Рейвен, предусмотрительно поднял правую ладонь и молвил своё слово:

— Они идут. — в его голосе на краткое мгновение проскочила укоризна, но к сожалению Рейн не нашлось что ему ответить. Локи принял свою привычную позу: улегся на софу с книгой в руках. А когда рядом с его камерой проходил стражник, он одарил рогоносца холодным безразличным взглядом и спросил:

— Какие-то проблемы?

Страж перевел взгляд на Рейвен, снова посмотрел на Локи и прошел проверять свой сектор дальше.

— Какие-то проблемы? — подразнила муспела, подражая голосу Асгардца.

— Это выглядит неуместно, — Локи перевернул страницу книги, — впрочем, как и твои тщетные потуги сорвать оковы.

— Если ты так обращаешься со своим единственным шансом выбраться отсюда, — Рейн села на полу, вытянув одну ногу вперед, а другую, подтянув к себе, — я бы не надеялась вообще когда-нибудь покинуть эту тюрьму.

— Кто сказал, что ты мой единственный шанс? — Локи на секунду оторвал глаза от книги, одарив девушку праздничной ухмылкой.

«Всегда найдешь выход из ситуации, правда, Локи? Правда?» — ответ на этот вопрос не давал ей покоя, однако времени на разгадку и этой тайны тоже не было.

Нужно было что-то ответить ему, а иначе высокомерный недоцарь решит, что снова победил.

— Ты сам, раз потратил на меня столько времени.

— А я трагил? — Рейн ждала, что он вопросительно поднимет брови или хмыкнет, но Лафейсон не удосужился даже придать голосу чувственной привычной выразительности. — Наши разговоры лишь побочный эффект скуки. Когда мне нечего делать, ты развлекаешь меня.

— Я что-то вроде придворного шута, ваше высочество? — Рейвен хохотнула.

«Клянусь мечом Сурта, если ты скажешь да, я тебя убью», — не успела подумать муспела, как до её ушей донесся ответ.

— Великолепный анализ... Долго же до тебя доходит.

— Не дольше, чем до тебя долетит меч Сурта. — чувствуя, как напрягаются мышцы по всему телу, прыснула она.

— Если он у тебя с собой, пожалуйста. — скучающим тоном, растягивая слова, проговорил ледяной принц — Ну так?

— С собой. — выпалила дева прежде, чем успела подумать. — И он будет прекрасно смотреться, воткнутый в твою спину.

— Что ж, тогда нерешенной остается разве что проблема с оградой.

После ночного разговора, Рейвен было решила, что ей больше не придется слушать заурядные стандартные фразочки напыщенного божка, однако услышав его голос с утра пораньше, поняла, что ошиблась.

— Просыпайся, повелитель замков. — радостным голосом произнёс он.

— Если ты мой кошмар, то убирайся в Мюрквид! — поворачиваясь спиной к высокомерному мужчине, спросонья проговорила Рейвен.

— У тебя странный способ выбраться на свободу.

Рейн слышала, как шелестят старые страницы, что уж говорить о звучном голосе Йотуна.

Жаль, что стена не могла оградить её от радостного пропитанного победным маршем голоса.

— А у тебя — заводить друзей. — на сей раз муспела лишь изобразила сонное состояние.

Одержимая мыслью поднасолить Асгардскому невежде, Рейвен решила скрытно от него, ковыряться в замке и удивить принца своим внезапным освобождением.

В конце-концов ей удалось узнать то, до чего трикстер ни за что в жизни бы не додумался, а если бы и додумался, то не счел нужным брать во внимание эту маленькую деталь — стены далеко не так надежны, какими кажутся с первого взгляда. Они признаны держать узников в замкнутом пространстве и отбивать у них желание прикоснуться к ограде, — для этого существуют жалящие чары — но все это лишь для того, чтобы никому не пришла гениальная идея опробовать прочность завесы на себе. Стоило коснуться ладонью самого уязвимого места у колонн, как по золотой материи расходилась тонкая сетка из ряби.

«Немного магии и давления на завесу, еще немного везения — она рухнет!»

— Кто сказал, что мне нужны друзья? — по голосу было невозможно определить настроение йотуна, но зная его натуру, муспела решила, что он вновь издевается.

«Недолго тебе осталось». — заворачивая отмычку под разными углами, подумалось ей.

Желание шокировать Локи слегка попахивало одержимостью, но на удивление, так же служило отличным мотиватором для неустанный труда.

Рейвен все еще водила проволокой внутри механизма, а благодаря тому, что некоторые новоприбывшие узники вели себя не так смиренно как остальные и отвлекали все внимание стражей на себя, у девушки было довольно много времени для разрешения проблемы со странным устройством Амгардского замка. Правда вот, когда она совободиться лишней шум будет ни к чему — он навлечет золотые плащи на этаж.

— Ты умерла? — через какое-то время спросил её Лафейсон. — Вот незадача! Это становится скучным... — муспела промолчала. — Надеюсь, что я не задел твои нежные

чувства и ты сейчас не плачешь.

Рейвен пропустила издевательский тон Локи мимо ушей; на данный момент её манил совершенно другой шум — звуки означающие хаос и недовольство в рядах заключенных.

«Эти идиоты привлекут сюда чертову дюжину рогоносцев!» — с агрессивностью дикого нимейского льва промчалось в голове муспелы, но вся ярость утихла как только дева услышала щелчок, означающий, что замочек наконец поддался тонкой проволоке.

Дочь Сурта отвела створки в сторону, чтобы убедиться в этом окончательно и как только они без труда разошлись, широко улыбнулась.

Девушка поднялась с мраморного пола, надевая плащ-доспех, но при этом стараясь не выглядеть слишком уж радостно.

— Жаль... я уж было решил, что тебя сразит горе и ты избавишь меня от своего бесполезного общества. — без особого энтузиазма спросил йотун, не отрывая зелёных глаз от потрепанного экземпляра «Сказаний Ванахейма».

— Если оно тебе так противно, то зачем ты продолжаешь говорить? — снова, в который раз скрестив руки на груди по старой привычке поджидая нужного момента, спросила она.

— А зачем ты задаешь вопросы, ответы на которые знаешь? Я уже говорил раньше и скажу сейчас. Скука, вот единственная проблема. А выбирая между обществом дикарей и, — трикстер посмотрел на деву, — кем-то, кто может связать пару предложений. Я выберу чуть более разумное существо.

— И я была бы полезнее, если бы смогла освободить тебя. Так?

Локи соизволил принять строго вертикальное положение.

— Может быть. — загадочно молвил он и на устах вновь заиграла недобрая, но чарующая улыбка. — Меня забавляет твое неведение. Ты предположить не посмеешь насколько наше сотрудничество зависит от желаемого исхода событий.

«Ха! Здесь я не соглашусь с тобой, Локи... Ты уверен, что знаешь какую-то тайну, которая выведет тебя отсюда, но не учитываешь, что я могу тоже кое-что знать»

— Я думаю, ты ошибаешься. — заключила Рейвен спустя секунду.

— Неужто? — в голосе Локи вдруг зазвучал неподдельный интерес. Он подошел к ограде между камерами, вопросительно глядя в нефритовые глаза девушки.

— Я докажу тебе, что могу выйти и без твоей помощи.

Фраза звучала жалко и избито, но Рейн решила для себя, что минута слабости ничего не стоит на фоне предстоящей выигранной войны.

Локи был слишком властолюбив, он думал, что с помощью игрой слов и иллюзий, он сожжет вечно пользоваться людьми. Одно маленькое обещание подарить «великую» тайну владения искусством лжи и люди падут к его ногам? Что же, на сей раз трикстер выбрал в качестве посредника между свободой и заключением не того человека. Желание узнать как же манипулировать людьми так, чтобы они этого даже не заметили, выжигало муспелу подобно праведному огню, но гордость была дороже. Поэтому, выбирая между уязвленной гордостью и тайнами, она всегда выбирала первое.

— На это стоит взглянуть. Нас ждет славное представление!

— Ты сомневаешься? — подходя ближе к стене и прислушиваясь к нарастающему гоготу, сулящему большие неприятности для стражей, скрестила руки на груди. — Думаешь, у меня не получится, поэтому я вижу эту ухмылку на твоём лице?

Скептицизм бога не являлся особым секретом для Рейн. За эти несколько дней, проведенных в заключении, она в какой-то мере даже привыкла к подобному роду общения. Посредством ухмылок, переигрывания, секретов и вечной игры в слова.

«Все же лучше, чем вообще ни с кем не разговаривать», — успокаивала муспела себя каждый раз, когда избегала подстрекательства со стороны принца.

— У тебя вполне могло бы получиться, — соединив пальцы вместе, произнёс он с нажимом, — не будь на твоей шее этой чудной вещицы, которую тебе не удалось снять.

В глазах бога лжи и ледяного пламени дева уловила намек на едва сдерживаемую усмешку. Локи смотрел на неё как на ребенка, которому многое предстоит узнать о жизни, но он не внемлет речам взрослых, держась за ускользающие шаткие иллюзии.

— Тебе снова нечего сказать? — Локи не упускал ни одной возможности, чтобы позлорадствовать. — А ты теряешь форму... За эту неделю мне уже 4 раза довелось застать тебя врасплох. Я думал, что будет интереснее, — он уселся на софу и облокотился на её спинку, вытянув ноги.

Сквозь призму магической стены она глянула на стражников, пытающихся утихомирить теперь узников лишь из одной камеры, решила устроить демонстрацию напоследок.

С её стороны было глупо и опрометчиво заискивать перед Асгардцем и пытаться пересилить в его же собственной игре, но такова была её натура — всегда и во всем быть первой, биться до конца и исполнять задуманное.

Когда она касалась стены раз за разом, чтобы испытать силу напряжения магической энергии, то уже знала зачем это делает: ей хотелось и свободы и мести.

«Я убью Одина не во имя Сурта, а ради себя. Но сперва выберусь отсюда и верну меч»

— Эй вы! — как можно громче крикнула муспела. — Рогатые! Ваши тупые головы еще не додумались до того, чтобы переселить громилу в другую камеру?! Или вы только мечами махать умеете?!

— Что ты делаешь? — Локи подался вперед, вопросительно глядя на Рейвен и добавил с укором. — Если ты думаешь, что тебя выпустят, то не надейся. Это бесполезно.

— Эй! — как ни в чем не бывало продолжала она. На этот раз девушка стукнула кулаком по стене, отчего по ней тут же прокатилась вибрирующая волна тонкой ряби.

Один из «рогоносцев» направился к камере Рейвен, выставив вперед золотое копьё:

— Прекратить немедленно! — рявкнул страж, в котором воительница признала того самого мужчину, что без конца тыкал в неё оружием и пихал в плечо.

— А ты заставь меня, — сощурившись и еще раз ударив кулаком по стене, шикнула дева. — Или Асгардцев учат только тому, чтобы они били беззащитных невооруженных людей?

Стражник посмотрел на узницу таким же взглядом, каким минуту назад её одарил Локи. Только, помимо всего прочего, во взгляде золотого плаща читалась агрессия и ненависть. Он презирал чужеземку так же сильно, как та презирала каждого Асгардца, отнявшего трон у её отца.

— Рагмир! — подозвал «рогоносец», — Откройте клетку и ведите нашего шумного узника сюда. Живо!

Страж указал на клетку с огромным звероподобным мужем, чей рост был почти в полтора раза больше роста Рейвен. Он был с головы до ног укутан в броню, которую, видимо, специально не удосужились снять. Он сидел в камере один, а это очень не хорошо.

«Оу. неожиданный поворот», — со скоростью света пронеслось в её голове и тут же погасло.

Дочь Сурта невольно глянула на Локи в чьих глазах просто сверкала фраза: «Я же говорил». И это больше всего выводило из себя.

Справиться с противником, чьи силы в три раза превосходят собственные — ерунда.

Терпеть победную улыбку Локи — то еще наказание.

Пока дева обдумывала новый сюжетный поворот в маленьком плане, решив не поддаваться панике, камеру огромного человека (?), нет, скорее уж огра, открыли: четверо охранников надели на него кандалы и подвели его к камере Рейвен.

— Откройте дверь.

— Сэр? — неуверенным тоном спросил стражник (по всему видно, что новичок).

— Открывайте! — повторил он тоном, не требующим возражений.

Он, конечно, не догадывался, что его голосу вторило всё нутро девы. Жажда предстоящей битвы вдруг стала самой важной на свете, как и всегда, когда ей предстояло сражаться. Все чувства обострились и время потекло золотистым тягучим медом, таким же золотым, как и солнечные лучи на закате, касающиеся земли.

«Да, открывай», — подумала она, спиной ощущая на себе то ли соболезнающий, то ли заинтересованный взгляд йотуна.

Времени на поиск ответа на столь незначительный вопрос не было, потому что Рагмир (или как там его?) опустил вниз сияющий рычаг: одна из четырех стен распахнулась прямо перед носом девушки.

"Игра началась."

Никто из пяти стражей не ожидал такого поворота, но как только дверь распахнулась, первым что вылетело изнутри оказалось металлическое ожерелье. Муспела швырнула его к ногам своего мучителя, в котором разглядела потенциального врага, и направила на остальных четверых (не считая великана) огненную волну.

Творить магию вне собственного мира оказалось очень накладным и сложным делом: здесь её не питала жизненная сила древа Мирхейма, но эффект уже сотворенного заклятия оказался достаточно сильным, чтобы вырубить и того великана тоже.

На ногах остался стоять лишь враг девушки. Он попятился назад, хватаясь за копьё, как тонущий муравей за соломинку.

— Ни шагу дальше, предатель. — молвил он строгим басистым голосом, но Рейвен видела в его глазах страх.

Он боялся такой хрупкой девушки или магии, скрытой внутри неё?

«Если такой мой вид пугает его, то что говорить об этом?» — её кожа приобрела естественный для муспел багрово-красный оттенок с витиеватым узором, а глаза налились черной кровью ониксового оттенка.

Рейвен ступила за камеру, пока «рогоносец» не отошел от шока и не запер её за четырьмя стенами: — Чего ты боишься, Асгардец? — впервые за долгое время чувствуя себя в своей тарелке, спросила муспела.

Сейчас она играла со своим врагом, как кошка, загнавшая мышку в угол: она заставляла осознать его собственную ничтожность и беззащитность перед лицом монстра.

В бою Рейвен не знала пощады и старалась использовать любую возможность для атаки — психологическая была самой эффективной.

— Тебя пугают монстры из сказок? — наклонив голову вбок спрашивала она.

Страж все еще отступал, не решаясь атаковать и не догадавшись позвать на помощь.

— Если ты думаешь, что я боюсь тебя, то ошибаешься... — мистер золотой плаш сплунул на черный мраморный пол. Кажется, ему хватило решимости, чтобы ступить вперед на несколько шагов. Рейвен, в свою очередь, подняла меч одного из охранников и взяла его в обе руки, чувствуя до ужаса знакомую тяжесть и слегка непривычную балансировку.

Она атаковала первой под одобрительные возгласы десятка заключенных, столпившихся у стены, чтобы узреть исход битвы. Рейн ударила мужчину эфесом меча по подбородку и тут же отступила вправо, парируя нижнюю атаку. Меч Асгардца был больше, тяжелее и явно приходился ему по руке — отбивать атаки становилось труднее с каждой секундой.

Рейн, подрастеряв ловкость за несколько дней безделья, пропустила удар справа и латунная рукоять проехала по лицу. Девушка едва не упала и не выронила меч из рук, каким-то чудом ей все же удалось удержать равновесие.

— Это ты зря! — сквозь общий шум, послышался насмешливый шепоток Локи.

Она и позабыла о том, что он здесь, что здесь вообще кто-нибудь есть кроме неё и её противника. Мир кружился только вокруг этих двоих, а они кружились в погоне друг за дружкой.

— Неплохая техника для чужака. — заметил мужчина, на что дочь Сурта презрительно фыркнула.

— Неплохая техника... — удар её меча пришелся по расщелине в броне между бедром и икрой, и мужчина повалился на колени, — для садиста!

Когда стражник упал перед ней, Рейвен поспешила выбить меч из рук противника мощным пинком в область локтя.

— Последние слова? — спросила она, предвкушая его гибель, но из привитого воспитанием благородства не лишая стража чести.

— За Асгард! — промолвил тот прежде, чем его голова, облаченная в золотой шлем, полетела на пол.

— За Мирхейм! — перекидывая окровавленный меч через плечо, произнесла Рейвен под оглушительные взбудораженные вкусом свободы возгласы заключенных.

— На твоём месте, я бы торопился... — Возник Локи на фоне общего шума.

— Почему? — ухмыльнулась она, опьяненная победой.

Рейн ожидала услышать внятный ответ, но йотун перевернул страничку книги и загадочно прошипел:

— Хеймдалль все видит.

Кто такой Хеймдалль дева не знала, но по грохоту солдатских сапог где-то совершенно недалеко, поняла, что к коридору приближается как минимум дюжина охранников, а посему нужно решать более насущную проблему. Времени на панику не оставалось, потому быстро сообразив, что делать, Рейвен подошла к ближайшей камере и открыла дверь.

— Вооружайтесь и освободите остальных! У нас гости! — как настоящий командир парировала она. Затем подошла к следующей камере, к третьей, к четвертой, а дальше узники сделали все сами.

Освободившись, они вооружали себя и освобождали других. За несколько минут зал наполнился чуть ли не сотней отъявленных преступников, мятежников и недозлодеев. Большинство, конечно, выясняло отношения между собой с помощью грубой силы и старого доброго кровопролития, но как минимум половина была разумной и способной противостоять приближающимся стражам. А их оказалось больше, чем тюремщиков в полтора раза. Как только асы ворвались на этаж, вооруженные до зубов, а в воздухе зазвенели мечи, ударяющиеся друг о друга и запахло свежей кровью, Рейвен ринулась к своей камере. Дева подобрала ненавистный ей ошейник в желании изучить вещь. Он обладал властью сдерживать даже самую сильную магию и от одного прикосновения к предмету она снова стала выглядеть как обычный человек. Это не могло не пригодиться.

— Убила стражника, устроила мятеж... а теперь по-тихому сбегает. Как некрасиво! — Локи цокнул языком, переворачивая страницу. — Как же всё, что между нами было?

Йотун говорил так тихо, что его едва можно было расслышать. По правде говоря, Рейвен не собиралась его слушать и уже почти ушла, но что-то заставило её подойти ближе к клетке.

— Что бы сказала мама, узнав, что ты оставляешь столько хаоса после себя? — заметив, что Рейвен все же задержалась, продолжил трикстер. Он знал куда надавить, знал о том, что Один убил Лорейн — мать Рейвен — и умело воспользовался этим знанием. При одном только упоминании о матери вся торжественность от пережитой победы растворилась, как будто её и не было никогда, все мысли снова сосредоточились на Одине и кровной мести, от которой она сама уже чертовски устала.

Рейвен глянула на него вновь позеленевшими глазами, не желая ни спорить, ни играть в игры:

— Как попасть в чертоги Одина? — напрямую спросила она, ловя себя на мысли, что момент эмоциональной слабости выйдет ей боком.

— Я бы сказал, да...

— Хорошо, — Рейвен опустила меч с плеча. — У твоей камеры нет рычага, а эти варвары тебя вряд ли выпустят. Хочешь свободы? Получишь. Как пробраться в чертог Одина незамеченным?

— Хочешь убить его? — он будто и не слышал Рейвен, что порядком поднадоело.

— Не все ли равно? Отвечай! — голос девушки приобрел незнакомый ей до сегодня оттенок ярости.

Забавно, как одно только упоминание, донесшиеся из уст незнакомого человека может привести в действие пусковой механизм и запустить необратимый процесс.

Пальцы девы сжались в кулак, которым она ударила по стене на уровне лица Локи.

— Проблемы с контролем гнева? — с полуиздевкой спросил он, но потом вдруг как-то резко изменился в лице. Трикстер что-то произнес, но Рейн не слышала его.

— Проблемы с словодержанием? Ни дня без комментария? Отлично. Оставайся здесь, — она развернулась, и в этот же момент чей-то меч рассек кожу на левом боку буквально до костей.

Нападавший вынул оружие из тела муспелы, чтобы нанести новый удар, но он не успел.

Рейвен вытянула вперед правую руку и атаковала стража файерболом. Шар получился маленьким, но к счастью лишь его ихватило, чтобы убить противника.

— Эй? — позвали откуда-то со стороны. — Рейвен! Посмотри на меня.

Девушка зажала раненный бок левой рукой, а правой схватилась за меч.

«Все в порядке...через минуту я регенерирую... Все хорошо...»

Шум развернувшейся битвы стал ощутимо тише, зал закружился перед глазами и дева едва не потеряла равновесие, но снова сумела устоять на ногах. Кровь щедрой рекой текла из широкой раны и как Рейвен не старалась зажать её, ничего не выходило. Через минуту ситуация не улучшилась, потому муспела поняла, что не может регенерировать в таком состоянии — её рана не затянется, потому что за пределами Мюркvida и Муспельхейма огненные великаны гораздо уязвимее и куда менее могущественные, если у них нет с собой атрибутов, прихваченных из дома. Но даже тогда не факт, что с их помощью можно будет усилить магию. В мирах, что боле не принадлежат Сурту, все непредсказуемо.

«Мне нужен огненный меч... Но если он не поможет, я как минимум должна убить Одина.» — Рейвен подошла к клетке Локи.

— Если освобожу тебя, поклянись, что отведешь меня к арсеналу, а затем в чертоги Одина... — свободной рукой девушка оперлась на колонну. Каждое слово давалось ей с трудом, а изо рта стекала кровь. Видимо меч задел легкое и теперь оно наполнялось красной жидкостью.

— Тебе нужна помощь. — как-то совсем невесело и даже не в своем обычном стиле сказал йотун.

— Поклянись! — рявкнула муспела. — Ты хочешь свободы... и смерти Одина не меньше меня... так что делай выбор.

— И как ты откроешь клетку? — в голосе трикстера слышалась полунасмешка, переходящая в бесцветное замечание. — Ты слаба...

— Достаточно сильна, чтобы уничтожить и барьер, и Его.

— Славная победа, Тор! — в сотый раз повторила Леди Сиф, но тут же вставила, не дав Одинсону порадоваться. — Жаль только, что ты теперь жизнью мне обязан.

— А ты не устанешь это повторять, — добродушно улыбнулся Тор в ответ на подначивание боевой подруги.

— Никогда! — двуручный меч Сиф блеснул молнией, и его рукоять тут же исчезла в воздухе. Воительница подошла к Тору, демонстрируя круглую дыру от гигантской стрелы в своем щите:

— Купи мне новый щит, тогда я подумаю над искуплением.

— Я куплю вам сотню щитов, леди Сиф. И новый меч, если это избавит меня от расплаты и искупит долг за спасенную жизнь. — Тор поднял правую руку и воззвал к молоту, стремящемуся к нему через все поле битвы.

Мьельнир, выкованный из ядра звезды и закаленный тысячью битв и магией гномов, мягко приземлился в руку мужчины. Он провел большим пальцем по обрамлению рукояти и вновь одарил Сиф сияющей улыбкой.

— Славная битва, но пора возвращаться в Асгард. — проговорил он.

За тридцать дней и ночей, проведенных в лагерях Ванакейма, Тор успел изрядно соскучиться по своему родному дому, по храброй и добродушной матери Фригге, по мудрому и строгому отцу Одину и по верным соратникам в битве и лучшим друзьям на пиру — стражам Асгарда. Чего уж там! Он скучал и по Локи, своему вечно попадающему в неприятности братцу. Каким бы тот ни был, Тор всё же считал его своим братом. Пусть и не мог простить всего случившегося. Но более всех Тор Одинсон тосковал по своей возлюбленной Джейн. Он надеялся, что когда мир во всех девяти мирах будет восстановлен, он сможет отправиться в Мидгард и повидаться с ней. А до тех пор каждую свою победу он будет посвящать ей.

— Хеймдалль, открывай!

На Тора и Леди Сиф хлынула бесконечная неопишуемая мощь Биврёста, унося обоих за много лик от Ванакейма и от верных друзей, что решили остаться и присмотреть за порядком: от Фандрала, Грундорта и Хейлстрама.

***

— Это восстание затянулось. — изрек мудрый всевидящий Хеймдалль, не успел Тор приземлиться.

— Да, чем дальше мир от Асгарда, тем наглее глупцы. — отвечал Тор, приближаясь к старому другу. — Что с них взять? Как поживает отец?

Хеймдалль перевел всевидящий взгляд с Одинсона на Сиф и та, поняв все без слов, сняла щит с руки и произнесла:

— Я наведуясь в кузницу.

Как только воительница ушла на безопасное расстояние, Хеймдалль вновь заговорил:

— Восстания утомляют его, но королевство процветает. Он будет рад видеть тебя, когда уладят проблемы с узником.

— Что-то с Локи?

— Нет. Пока тебя не было. — Хеймдалль закрыл радужный мост поворотом могучего меча и только после, лишь на секунду обратив взор в пучину бескрайней вселенной,

продолжил. — Всеотца пытались убить, я не смог увидеть этого, пока не обратил свой взор на самого Одина. Нападавший каким-то образом скрылся от ока.

— Вы поймали его?! — чувствуя, как напрягаются рельефные мышцы по всему телу, встревоженным голосом спросил Тор, перебив старого друга. — И посадили в тюрьму, иначе я доберусь до него и он пожалеет, что не мертв!

— Один не пострадал, и виновницу заперли в тюрьмах Асгарда до тех пор, пока Всеотец не узнает всей правды.

«Чего и думать здесь? Нужно было казнить этого глупца в тот же день!»

— Это решение царя, — словно увидев своим оком не только то, что творится во всех мирах, но и то о чём думал Тор, произнес Хеймдалль.

— Ладно, пусть так. Я сам с ним поговорю! — Тор направился к выходу, надеясь нагнать по пути Сиф и обсудить хотя бы с ней неожиданное происшествие.

— Это твоё решение. — услышал он сквозь гул противоречивых и абсолютно не связанных между собой мыслей.

Дорога от ворот Биврёста до небесного замка заняла, казалось бы, часы, месяцы и годы. Даже подавление мятежа в Ванахейме и подобного ему в Альфхейме не казались столь утомительными. К счастью, Одинсон перенес это испытание и добрался-таки до врат.

Ему не пришлось тратить время на долгие приветствия, поскольку все друзья остались в мятежном мире, посему Тор сразу же направился в тронный зал повидать отца.

— Он наш сын, милый... — эхом отскочило от рельефа высоких стен тронного зала и донеслось до ушей Тора.

— Лишь потому, что ты считаешь его сыном, он все еще жив. — твердым, как сталь, голосом отвечал Один. Он был непоколебим.

Даже не видя его, Тор мог сказать, что отец изрядно тзмучен и жутко устал. В голосе матери, который он сразу же узнал, слышалась та же усталость, но разбавленная материнской печалью. Что-то подсказывало Тору Одинсону, что подобный этому разговор повторялся уже неоднократно.

Бог грома остановился, решив послушать.

— Мы растили его и воспитывали...

— И воспитали чудовище, чуть не уничтожившее мир на всех континентах! — перебил Один

— И это лишь наша вина... Он чувствовал себя потерянным, одиноким и лишь старался заслужить твоё уважение. А теперь, когда ты запер его в темнице, он нуждается во внимании более всего. Кто-то должен объяснить ему, что мы любим его ни смотря ни на что.

«Фригга, — с раболепием подумалось Тору. — мама, ты так добра...»

Он гордился тем, что у него есть такая мать. Мать, готовая отдать жизнь за своих детей. Прямо как сейчас, когда она многочасовыми разговорами, а Одинсон был просто уверен, что эта беседа длиться не один час, выбивает из отца крохи милосердия и заставляет уступить себе в споре.

— Разговор окончен, Фригга. Локи заслужил только изоляцию, и пока он не поймет всю тяжесть свершенных им деяний и последствия этих деяний, тебя он не увидит. Это моё слово!

— Он давно уже понял, но слишком горд, чтобы это признать. Ты сам воспитал в нём это. Гордость — вот твоя и его слабость, — добавила она мягким, как шелк, голосом.

— Отец! — Тор вышел из-за двери и направился к золотому трону.

Он кивнул матери и поклонился своему царю:

— Мятеж в Ванахейме подавлен. Фандралл и остальные остались, чтобы восстановить порядок в мире и отправить узников в воздушные тюрьмы Ванахейма.

— Встань Тор, сын Одина. — по-прежнему уставшим голосом, в котором плескалась толика гордости, сказал Всеотец.

— Отец, я слышал о покушении. — тут же взялся Тор, решив не оставлять подобные темы на потом. — Почему ты не казнил преступника на месте, зачем оставил жить?

— На всё есть свои причины... — отрывисто произнёс царь, поднимаясь с трона. — Идём, я всё тебе расскажу, но прежде тебе нужно увидеть меч. Сотни, тысячи лет о нём ничего не было слышно до того самого дня. — Один подошел к сыну, но вдруг внезапно остановился, как делал всегда, когда ему удавалось проникнуться магической энергией царского жезла и узреть царство Асгард во всей красе.

— Узники, — коротко сказал он.

— *Локи*, — тут же спохватился Тор, зажав Мьёллнир в правой руке. — Я разберусь.

— Будь осторожен, милый, — сетовала Фригга, когда Тор с помощью молота вылетел через каменную арку.

Левое легкое нещадно обжигала тяжесть красной жидкости, хлынувшей из лопнувших сосудов прямо в орган.

Дева вдруг ощутила странную сонливость: захотелось бросить меч и сесть на краю лестницы, закрыв глаза, позабыв все на свете проблемы и все громкие слова, брошенные в адрес неприятелей. Но к сожалению это было невозможно — муспела с детства вогрузила на свои плечи благородную миссию, заключением которой могла стать лишь смерть узурпатора Одина.

«Нужно двигаться» — решила про себя дева, без лишних слов направившись к камере и подставляя окровавленную левую ладонь к стене.

— Отойди подальше. — скомандовала она, но горделивый и непокорный Локи, очевидно решил, что останется победителем даже в этом споре и не слушал её.

Йотун повторил каждое движение девушки и тоже двинулся к стене, подставляя ладонь к золотой завесе.

«Что ты делаешь? У меня нет времени на глупые игры!» — не успела подумать она, как он уже молвил:

— Слушай меня и не спорь. Твоих сил будет недостаточно в любом случае, а ни у тебя, ни у меня нет времени на споры. Просто освободи себя и выпусти огонь, я сделаю тоже самое.

«Это звучит разумно» — пронеслось где-то в тёмном уголке мозга, а поскольку времени действительно не было, Рейвен решила, что подчиниться его воле.

Зрачок девы запыл тёмным пламенем, кожа накалилась до предела, приобретая багрово-красный оттенок, подобный цвету собственной крови. И тогда всё внутреннее пламя направилось к стене.

Когда Локи подставил свою ладонь с обратной стороны, случилось нечто действительно невероятное.

Завеса пала кучей пыли без малейшего усилия с её стороны, предоставив пленнику свободу передвижения, после того как ударная волна стихийной магии затухнет.

На какое-то мгновение ладонь Рейн соприкоснулась с ладонью йотуна и дева увидела, как его самодовольная улыбка с сияющим выражением «Я же говорил» погасла. Лицо исказилось гримасой боли, когда Лафейсон одёргивал руку.

Это было странно, но на данный момент не столь важно, как побег.

— Идём, — утирая кровь, капающую изо рта, выдохнула муспела, даже не пытаясь перекричать звон мечей и грохот не весть откуда взявшегося **грома**.

Локи озадачено глянул в сторону выхода и, прихватив какую-то потрепанную книжонку, вышел прочь из камеры, приближаясь к ней.

— Мы из тюрьмы сбегаете, а ты о книгах беспокоишься! — попыталась возмутиться она, что послужило ошибкой.

Не успела муспела и рта раскрыть, как перед глазами проплыла тьма, а мир пошатнулся, будто его, как карточный домик, потряс великан.

Когда Рейн вновь удалось открыть глаза, они с Локи уже находились на лестнице: он перекинул её правую руку через своё плечо и чуть ли не тащил девушку на себе.

— Что... — сплевывая комок крови, удивилась она.

Муспела действительно удивилась, что Локи не бросил её, когда была такая возможность. Он ведь получил свободу и мог бы спокойно сбежать, пока выигравшие сражение стражи разбираются с другими пленниками и занимаются ею — врагом Асгарда, способному скрыться от магического ока созданием.

— Ни слова больше! — шикнул на неё йотун, ничего не объяснив толком.

Как только бесконечные спиралевидные переплетения мраморных лестниц закончились, а они оказались в каком-то тёмном помещении, смутно напоминающем подвал, йотун вновь заговорил.

— Что тебе нужно в арсенале Одина? — его голос звучал настойчивее, чем обычно. Он не спрашивал, а требовал.

По этому тону муспела догадалась, что Локи не собирается отшучиваться или хитрить, а это значит, что дела действительно плохи.

«Черт... насколько» — только и подумала она, отшатываясь от него к стене.

— Я не могу сказать. — с трудом выговорила огненная дева, отдирая левую руку от раны, кровь вокруг которой запеклась и, подобно липкой смоле, прилепила пурпурную ткань к израненной коже.

— Я бы на твоём месте не стал. — Поднимая лицо девушки за подбородок, говорил йотун. — Так что тебе нужно там? Говори, потому что это важно.

— Отведи меня туда, — отбиваясь от пальцев, сжавших подбородок, фыркнула дева. Даже сейчас она не могла позволить себе выглядеть слабой, тем более в его глазах. *Особенно в его глазах.*

С первой секунды муспела поняла, что Локи более чем достойный противник: он хитер, умен и ловок. Йотун, воспитанный Асгардом — возможно ли придумать врага хуже?

— Я сама возьму все, что мне нужно. — по-прежнему цепляясь за стену, парировала девушка.

— И, конечно, ты достаточно сильна, чтобы дойти сама? — с издёвкой спросил Лафейсон, подходя ближе. — Все еще не доверяешь мне? — с его уст доносился весьма двуликий вопрос и хотя слова звучали именно так, смысл был заложен совершенно иной.

— Нет.

— Вот и правильно. — Локи схватил муспелу за талию, в один миг перекинув через плечо, и шикнув на неё, предупредил о риске быть обнаруженными охраной.

Маг не оставлял ей выбора, а ослабевшая от ранения, она не могла сопротивляться.

— Зачем?.. — шепотом вопрошала муспела, сквозь призму тьмы вглядываясь в острые грани лица Локи. Он нутром чувствовал, что она смотрит.

«Зачем? А ведь и правда. зачем?», — сам себя переспросил йотун.

Он высунулся из тьмы оружейного зала лишь на минуту, чтобы убедиться в том, что все силы стражей были брошены на защиту крепости.

Один всегда действовал опрометчиво, надеясь на разрушителя, который защитит его драгоценные трофеи.

Как и прежде, Локи оказался прав — Всеотец действовал по привычной схеме и оставил замок практически без защиты.

Сбежать из тюрьмы, а потом проникнуть внутрь дворца по тайному подземному переходу, минуя стражу, оказалось намного проще именно из-за недалёковидности царя Асгарда.

— Что «зачем»? — помогая строптивой девице подняться на ноги, будто бы и не понимая смысла вопроса, переспросил трикстер.

— Ты. — жадно глотая воздух, попыталась выдавить мирхеймская дева, но йотун остановил её.

Ему не хотелось, чтобы девушка умерла раньше времени. Тем более по его вине.

Глядя на её рану, никак не желающую затягиваться и уже начавшую источать запах отмирающей плоти, ему хотелось бы сделать все, чтобы спасти её.

На это было множество причин, одной из которых являлась магия, которую они могли творить вместе, а ещё желание получить ответ на вопрос: почему её касание так больно обожгло руку? И будет ли так больно в следующий раз, когда их силы будут объединены подобным образом?

— Зачем я тебя вытаскиваю отсюда? — уже на пороге оружейного хранилища самого Одина, спросил он. Девушка кивнула.

— Сам не знаю. Может быть от того, что я не такое чудовище, каким меня представляют? Что если. во мне есть и хорошие черты? Об этом ты не думала?..

«Не думала», — с непривычной для себя горечью осознал он, но чтобы не показывать лишней озадаченности ухмыльнулся.

— Можешь не отвечать. Пока подумай над этим. А теперь, — Локи остановился на тропе из белого мрамора, опуская девушку с плеча на холодную ровную поверхность. — Какое оружие настолько важно для тебя? И не... — он не успел договорить.

Девушка прижала ладонь к левому боку и без колебаний сдалась:

— Меч... Огненный меч, но я его не вижу...здесь его нет.

— Получается, весь путь мы зря проделали? — трикстер готов был взорваться, однако никаким образом выказывать этого не стал. — Как бы не так. Стой здесь.

— Я не собираюсь тебе... подчиняться.

Локи прошел вглубь зала, не обременяя себя ответом, подчинившись минутному веянию и воскресив в голове образ ледяного тессаракта, который Один точно держал в своём хранилище.

— Локи! — раздался настойчивый голос Рейвен, не успел он подойти к тессаракту даже на шаг.

«Ты очень странная, милая Рейна. Ненавидишь меня, но стоит мне уйти, зовешь. Весьма опрометчиво, но достаточно интересно».

Он схватил тессаракт обеими руками, завернув его в один из своих магических тайников, чтобы не таскаться со светящимся кубом подобно собачонке, получившей кость. Тогда он вновь услышал настойчивый зов, похожий на просьбу о помощи:

— Локи... меч у неё.

Йотун вернулся в проходной зал и только тогда понял причину столь неожиданного изменения в поведении Рейвен. Его взору предстала довольно неприятная картина: Фригга держала меч у горла девушки, и, по всему было видно, она не собиралась отступить.

«Нет. Кто угодно, но только не ты, Фригга»

Прочувствовав всё палитру эмоций (от боли до нерешительности) и пропустив сквозь собственный разум все возможные исходы, йотун вдруг понял, насколько рад, что Рейвен ранена и не может сражаться. Фригга была бы мертва, если бы её противница не находилась в пограничном состоянии и не валилась бы с ног от потери крови.

— Не стоит тебе здесь находиться, — нацепив маску равнодушия и спокойствия, произнёс он.

— Как и тебе, — все еще держа меч у горла Рейн, ответила женщина. — Что ты делаешь Локи? — голос Фригги был мягок.

Она никогда не обвиняла сына и всегда сочувствовала ему, что бы её сын не сделал... Даже сейчас.

Это давало Локи надежду, но в контрасте с отношением к нему Одина, жутко раздражало.

«Почему Один не может быть хоть в половину таким же?» — каждый раз озадачивался этим вопросом тогда еще сын Одина, а не Лафея.

— А разве не видно? Я пытаюсь получить свободу, мама. Я хочу, чтобы вы мною гордились... Ты гордишься мною? — йотун развел руками и добавил. — А собой?

— Не надо, сынок. Тропа ненависти тебя ни к чему не приведет.

Он бросил короткий взгляд на Рейн, отдав ей должное за подаренное молчание.

— Как и тебя. — триктсер кивнул на двурукий меч. — Убьёшь её? Во славу моего брата или лже-отца?

Меч Фригги опустился вниз, её взгляд снова смягчился: она посмотрела сперва на Рейн, затем снова перевела взор синих глаз на Локи.

— Ты же знаешь: мы твоя семья, милый, а ты "наш сын". И мы тебе верим, что бы не случилось.

— Тогда отпусти меня, — Локи приблизился к Рейвен и Фригге на расстояние вытянутого меча.

— Я люблю тебя и надеюсь, что ты поймешь это, когда вернешься. — Фригга убрала меч в ножны, уступая дорогу.

«Если вернусь»

Покидать её, было самым тяжким решением, которое трикстеру приходилось принимать постоянно. Каждый раз, выбирая ненависть и зависть к Тору, он отдалялся от всегда ждущей и любящей своих детей матери.

— Я знаю, — подхватывая валяющуюся с ног Рейн, произнёс он. — Береги себя.

— А ты себя, — Фригга протянула оружие Лафейсону рукоятью вперед. — Но я хочу, чтобы ты это чувствовал. Я хочу, чтобы ты знал, что и твой брат и твой отец не причинят

тебе зла, какой бы сильной не была твоя ненависть. Возьми его, но пообещай, что вернёшься.

— Я люблю тебя, — он принял меч и понимая, и не понимая эту бесконечную преданность и доверие, исходящие от Фригги. Ведь все, что она делала, он так и не заслужил.

Девушка в руках йотуна казалась тряпичной куклой, потерявшей сознание, но изо всех сил старающейся выглядеть такой же сильной, какой была и будет всегда.

«Мы похожи» — приближаясь к выходу, раздумывал он в очередной раз.

Уже на полпути к темницам, Тор понимал, что внезапное восстание, пробивающее брешь в самой сути и устройстве Асгарда, сильно пошатнёт итак хрупкую дисциплину в других мирах.

То, что затеял Локи, не подарит ему свободы и не сделает чести в глазах отца. Его поймают стражи или убьют освобождённые им же пленники. Поэтому Тору трудно было понять мотивы брата.

Он лишь знал, что должен вернуть его обратно в тюрьму, выполняя свой долг перед королевством. И, конечно же, Тор должен был успеть усадить Локи в камеру до того, как его разорвут на части.

«Что же ты творишь, брат?» — подумал Одинсон, без лишних мыслей бросаясь в самую гущу сражения, на помощь верным братьям по оружию.

Силы были не равны: на одного стража Асгарда приходилось трое преступников. Но не смотря на это им каким-то чудом удалось сдерживать всех на одном этаже.

«Нужно лишь потянуть время и не дать никому сбежать... Отец подоспеет с минуты на минуту», — размахивая мьёллниром направо и налево, чтобы очистить путь вперед, решил Одинсон.

Всё сражение он думал лишь о том, чтобы найти брата, чтобы он не пострадал. Ведь что бы не творил Локи он был Асгардцем, кем бы он не считал себя, он всё равно оставался Тору братом и сыном Фригги.

— Вернитесь в темницы... — его молот, выкованный из ядра звезды, ударил по рогатому шлему одного из заключенных. — И даю слово... — мужчина без сознания рухнул на черный мраморный пол, тогда Тор приступил к следующему атакующему. — Никто больше не пострадает!

Кто-то ударил сына Одина эфесом меча по стальному доспеху. Тор развернулся и вдарил своему неудавшемуся убийце молотом по голове. Удар получился достаточно крепким, чтобы узник отключился, но достаточно мягким, чтобы он не погиб.

— Раз так, то беру обратно!

***

Как только хаос первых минут мятежа угас, а личные стражи Одина, влившиеся в ряды тюремщиков новыми силами, помогли разогнать всех пойманных или находящихся без сознания преступников по камерам, Один, не медля ни секунды, ринулся через весь зал к своему сыну.

— Где Локи? — с обеспокоенностью царя, а не отца, вопрошал он.

— Отец, я не видел его ни участвующим в сражениях, ни сидящим в тюрьме. Очевидно, он сбежал.

— Раймдалл, — Один повернулся к одному из своих приближенных. — Отошли несколько людей прочесывать замок, подмогу к Хеймдаллу и убедись, что Царица в безопасности.

— Да, Всеотец. — страж покинул общество царя, повинувшись ему.

— Он не уйдет далеко, отец. Мы найдём его. — молвил Тор, стараясь найти выход и уже заранее предполагая место, где Локи может спрятаться от правосудия.

«Что движет тобой, брат? Что же ты творишь?» — подумал он, на мгновение, выпав из

реальности.

Когда Тор снова обратил свой взор к Царю, который теперь шел вдоль камер и вглядывался в лицо каждого заключенного, он выглядел более рассерженным, чем секунду назад:

— Что-то не так? — спросил Тор, но Один будто бы и не слышал.

Он повернулся к одному из раненных охранников и тоном, какой присущ строгому властителю, спросил:

— Где пленница?

— Повелитель... — с раболепием, приклонив колено, едва слышно проскрипел страж. Тору казалось, что он напуган. — Мы упустили её... Почувствовав, что камеры открыты, мы тут же ринулись на этаж, я видел как она освобождала узников и попытался помешать, но битва разгорелась слишком быстро. Они оттеснили нас в дальний конец коридора, силы были не равны...

— Довольно! — с пониманием и даже сочувствием приказал Один.

Тор понимал его злобу и вместе с Всеотцом разделял его сочувствие. Эти стражники перенесли слишком многое за один день, даже больше, чем за годы и годы службы.

— О какой пленнице ты говоришь? — переспросил Тор, когда отец со своей стражей направился обратно в замок.

— Она... Царь приказал охранять её строже, чем кого бы то ни было. Сказал следить за каждым её шагом, но чтобы ни одного волоска не пало с её головы.

— Ясно. Как она выглядела?

— Я дежурил у её камеры всего раз, милорд. Боюсь, что мне не удалось запомнить... Высокая, темноволосая, худая и очень злобная. Большого не припомнить.

— Ясно. Тогда скажи мне, кто был у её камер больше тебя, и кто сопровождал девушку в темницу в первый день?

Стражник, что до этого расторопно отвечал на каждый вопрос Тора, вдруг умолк. Наступила неловкая пауза и Одинсон был вынужден надавить на охранника:

— Ну?

— Боюсь, что они уже мертвы. У четверых нет головы... В этом сражении мы потеряли 8 стражей, не считая тех обезглавленных.

— Мне все ясно. — сухо ответил Тор, подхватывая Мьельнер правой рукой и двигаясь в сторону выхода.

«Если тех четверых обезглавила та же девица, что пыталась убить отца, то придется убить её... Страж сказал, что она освободила Локи — это не к добру. Сердцем чувствую неладное».

Эта мысль занимала юного царя всю дорогу от тюрьмы до тронного зала.

Одинсон должен был поговорить с отцом, посоветоваться и подумать о том, куда бы Локи мог отправиться. Если он направится в Мидгард и задумает мстить, то нужно будет предупредить Джейн и защитить не только её, а весь мир от его тирании. В прошлый раз он натворил слишком много плохого.

— Ты не имела права отпускать его! — не успел Тор приблизиться к залу, как услышал полный ярости громopodobный вой правителя девяти миров. — Как только тебе могло прийти в голову отдать ему меч пламени и отпустить с дочерью злейшего врага королевства?!

— Она изменит его в лучшую сторону. Я отпустила его, потому что моё сердце

чувствует это. — голос Фригги звучал как всегда мягко: он был полон любви и веры. — Может быть, ты не видишь этого, но он наш сын и все его поступки преследуют лишь одну цель: завоевать твоё уважение.

— Он не наш сын, Фригга! И никогда не был им! Он был рождён чудовищами и вырос чудовищем.

— Пусть так, но он заслуживает любви. И ни ты, ни я не смеем отрицать этого. Просто дай ему шанс и увидишь — Локи способен любить и он вовсе не тот, кем ты его вдруг стал считать... А если ты этого не видишь.

— Довольно! Я не изменю своего мнения. Лучше ему не высовывать нос, потому что, когда я найду его, больше не внемлю твоим мольбам и не пощажу его. Я уже давал ему шанс — он не использовал его.

— Ты слишком строг к нему. — Фригг вновь оставила последнее слово за собой.

Слушая её, Тор понимал эту бесконечную безвозмездную преданность и любовь, но глядя на Одина, видя поступки Локи... Он понимал, что так не может продолжаться вечно.

Локи его брат, но от него слишком много зла.

— Моё слово остается в силе. Когда Локи будет пойман — его казнят. И чем скорее, тем лучше. Так же я поступлю и с дочерью Сурта...

— Один, она всего лишь ребёнок! — Фригга выступила вперед, но Один оборвал её катящуюся вниз по склону браваду на корню:

— Твоё милосердие погубит тебя, моя царица. — Всеотец посмотрел на дверь и добавил: — Входи, кем бы ты ни был.

— Отец, — чувствуя себя застуканным на подслушивании, выдавил из себя Тор, — я расспросил стражников, и никто из них не видел ни девушку, ни Локи.

— О том, куда делся твой брат, ты можешь расспросить свою мать. — с какой-то укоризной бросил Один, махнув рукой.

— О чем ты? — Тор уставился на Фриггу с непониманием.

— Тор... — начала было женщина, но Один вновь встрял в разговор:

— Она отпустила его с мощнейшим артефактом, сравнимым по мощи лишь с тессарактом Йотунов. И не только с ним: Фригга отпустила с Локи отпрыска огненных великанов.

— Огненных великанов? Они ведь всего лишь миф... Сказки, которые вы нам рассказывали. — не зная чему удивляться, на автомате выдал мужчина, даже не успев подумать:

— Как оказалось, нет. Они очень даже живы и жаждут мести. И у нас проблема посерьезнее даже того меча. Если магия Локи объединится с её магией, миру настанет конец. Мой прапрадед позаботился о том, чтобы подобного рода магия была уничтожена или не имела возможности вступать в симбиоз, однако, у них есть преимущества, благодаря происхождению каждого существа.

— И ты так просто отпустила его? — поворачиваясь к Фригге, спросил Тор скорее с недопониманием, чем обвинением: — Зачем, мама? Ты ведь знаешь его одержимость мстью и завоеванием власти. Зачем ты отпустила его?

— Просто дай ему шанс исправиться. — вместо оправдания прозвучало в речах любящей матери и эхом пронеслось по всей зале. — Вот увидишь. он намного лучше, чем ты можешь представить. Любовь тронет его сердце и изменит в лучшую сторону.

— Или они объединятся, чтобы уничтожить всех. А ты им развязала руки...

Фригга проигнорировала слова Одина, вновь обращаясь к Тору:

— Вспомни каким был ты до того как встретил свою смертную... Не будь строг к брату и дай ему вырасти.

— Я бы и рад, мама, но не могу. Если он отправится в Мидгард, то на этот раз не остановится ни перед чем. Он постарается уничтожить все, что мне дорого.

— Этого бы не случилось.

— С меня довольно! — Царица развела руками. — Вы оба так одержимы мыслью, что не видите главного. Девушка была ранена. он...

— И надеюсь, что она умрет...

— ...Он будет заботиться о ней и полюбит. Я не собираюсь больше убеждать Вас пока вы сами не пожелаете открыть глаза на истину. Я знаю, что поступила верно. — с этими словами она вышла из зала, оставив мужчин наедине.

— Отец, позволь отправиться в Мидгард и развеять сомнения. Я знаю, что мирое множество, но этот самый близкий, до которого он сможет добраться без помощи моста.

— Ступай, сын мой. — устав от долгих бесед и минувшего сражения, разрешил Один.

Тор, ни медля больше не минуты, ринулся в конюшни, чтобы оседлать своего верного боевого коня и быстрее добраться до Биврёста.

Вопрос, всего один вопрос тонкой кислотной нитью опутывал разум и занимал все мысли Локи всякий раз, стоило ему взглянуть на огромный мирхеймский меч, который лежал теперь у кровати Рейвен и охранял её покой.

«Зачем Фригга отдала могучее оружие и отпустила одних из самых опасных существ во всех девяти мирах? Она, конечно, любит своих сыновей... Но все не может быть настолько просто. Она что-то задумала, но вот что? Даже её магия недостаточно могущественна, чтобы выследить меня за множество миров вдали от Асгарда».

Сомнения терзали его, не оставляя ни на минуту, и Локи оставалось лишь радоваться тому, что спустя два дня после побега из царства вечности и возвращения в Мидгард, муспела так и не очнулась, не видела трещин в его надменной полумаске и подарила Йотуну несколько дней погружения в собственные мысли.

Она была жива, но все еще не приходила в сознание. Её рана не желала заживать, что бы трикстер не делал. Он несколько раз менял повязки и даже пытался применить кое-какую лечебную магию, которой его обучила Фригга, но тело девушки осталось глухо к любым попыткам. Кроме одной...

Забавно, но стоило Локи поднести меч к ней достаточно близко, и деве становилось намного лучше. А если он убирал его, рана переставала затягиваться вовсе, лоб девушки вновь покрывался испариной от невыносимого жара и озноба.

«Видимо, артефакт как-то по-особенному устроен... Он несёт в себе огонь, который так необходим огненным людям. Они не так уж неуязвимы». — чтобы понять это не требовалось особого ума.

Достаточно было лишь провести маленький эксперимент с мечом и всё становилось на места. Хотя как только это происходило, у йотуна появлялись новые вопросы и невыносимая тяга к познанию природы этой расы и Рейн в частности.

Она, как и он — беспрецедентный случай, что-то невероятное по отношению к природе: монстр, существо, которое живо вопреки желанию вселенной.

«Она определенно склонна к регенерации, но что-то не так... Что-то пошло не так, как она задумала. — как-то ночью размышлял он, пролистывая единственную нужную книгу, которую успел прихватить из тюрьмы. — Я видел это по её лицу: она испугалась, когда простояв несколько минут в оцепенении решила, что поможет мне бежать, если я проведу её. Наверное, в этом мире и в Асгарде девушка из пламени не так уж сильна, как рассчитывала. Она пользуется магией, но недостаточно сильной, иначе бежала бы как только ошейник слетел с шеи. Она опустошает её, но почему? — Локи захлопнул книгу, вставая с подоконника и возвращаясь к кровати. Девушка все еще спала крепким сном, не желая возвращаться в жестокую реальность. — Что с тобой происходит не так, как в Мирхейме? — спросил трикстер сам себя, присаживаясь возле неё. Лицо девушки исказилось от боли, но стоило йотуну коснуться её лба и применить немного магии, чтобы унять жар, оно вновь становилось безмятежным. — Что не так...»

— Ты человек, — наконец дошло до Лафейсона, — человек. — еще раз повторил он как можно тише в попытке подавить приступ хохота.

Сейчас, глядя на неё, он почему-то припомнил старых знакомых. Ему вспомнилась собственная раса, отказавшаяся от слабого существа — йотуны. В своём мире они были

могущественны как никогда, да и он сам чувствовал себя в Йотунхейме как дома, когда ему довелось там побывать.

Магия в месте где ты родился, была бесконечной, как и сила тессаракта, её дарующая.

Лафейсон посмотрел на свои руки, колеблясь какую-то долю секунды. Он изъясил тессаракт из магического кармана и коснулся его, чтобы высвободить свою настоящую сущность.

Его кожа вмиг заледенела, но вместе с этим пришло странное ощущение власти, силы и неуязвимости.

«Я был прав, — Локи ухмыльнулся, убирая тессаракт обратно. — С сущностью своей матери... в этом мире. ты не можешь пользоваться всей мощью»

***

Бессонная ночь, проведенная в погоне за ответами, прошла для Локи почти бесследно. Йотун не чувствовал ни капли усталости.

Он сидел, уставившись на ночной Нью-йорк, кипящей жизнью и пропитанный человеческой скукой, и размышлял по поводу сущностей.

За несколько часов йотун, казалось бы, нашел разумное объяснение и готов был в него поверить: полукровки сильнее всего в своем мире и слабее всего там, где магии осталось на маленькую горстку посвященных. Это, к сожалению, единственное, что ему удалось продумать и даже подкрепить скудными знаниями, добытыми из книги. Что касалось настоящих огненных великанов или йотунов, он не смел и предполагать, чем и как ограничиваются их силы в Мидгарде, Асгарде, Альфхейме и прочих мирах.

«Занятная задачка, но она не главная...» — Локи взял в руки меч муспелы, решив спрятать и его и тессаракт от посторонних глаз.

— Спокойно, — сказал он, взглядываясь в напряжённое лицо Рейвен, — я верну его тебе, но немного в другом виде.

Йотун решил, что разумнее всего будет спрятать артефакты на самом видном месте, соединив оба в нечто маленькое: в то, на что можно обратить внимание внешне, но оставить истинную природу не замеченной.

Всего через минуту усилий тессаракт и гигантский меч слились воедино, уменьшились в воздухе и превратились в маленький довольно симпатичный и ничем непримечательный кулон.

Синий камень округлой формы обвивала серебряная змейка, поднимаясь к тонкой литой цепочке.

— Хм... довольно неплохо. — Локи присел на край кровати, собираясь надеть вещьцу на Рейвен.

Он еще не особо ей доверял, если быть точным, то вообще, но решил, что разумнее всего будет, если подвеска побудет у неё.

— Знаешь, — поигрывая цепочкой, проходящей между пальцев подобно золотому песку, говорил он. — у меня был план. Отличный план, но ты его испортила своим... гонором. Я хотел, чтобы ты сняла оковы, хотя и не знал получится ли у тебя прорвать стенку. А потом я нашел одну интересную запись и понял, что да. С моей помощью, которую ты отвергла. Я переборщил с ненавистью, да. Но ты со своей — тоже. Не стоило тебе отвлекаться, дорогуша. Да и эта твоя самодеятельность... — трикстер хмыкнул, деланно сожалея. — Конечно, глупо с тобой разговаривать, ведь ты все равно меня не слышишь.

Лицо девушки напряглось, руки сжались в кулаки, но она все еще была без сознания:

— Тише... тише. Это всего лишь беседа. Если бы я хотел убить тебя, то оставил бы умирать еще там. Мне скучно, в этом-то вся проблема. — Йотун провел рукой по камню, сплетая пальцы рук и зажимая между ладоней цепочку. — Говорить с тобой бесполезно в любом твоём состоянии, но хотя бы не скучно — это нужно ценить. Ты импульсивна и слишком непостоянна, но даже при всем при этом ты довольно умна. Хотя твоя ярость ко всему что движется сводит на нет всю хитрость. Но хватит об этом... Надеюсь, что ты не умрешь, потому что у меня на тебя большие планы. А еще, — Локи придвинулся ближе, расстегивая застёжку на цепочке и протягивая руки к шее спящей девушки, — я надеюсь, что ты очнешься и поможешь мне осуществить их.

Локи надел на Рейвен кулон и сам того не осознавая, на какой-то момент задержал дыхание. Он не знал на что надеется: на чудесное исцеление или же на то, что муспела для начала откроет глаза, но ничего подобного не произошло. Её лицо просто перестало быть напряженным, как бывало всякий раз, когда Локи тратил частичку ледяной магии на её ослабевшее тело.

— Проклятье! — Локи почувствовал, как что-то не очень хорошее поднимается от желудка к горлу, какое-то тёмное недоброе ощущение.

Он чувствовал гнев, но боролся с ним и отлично справился.

— Что ж. Пока мой брат не нашел меня и не приплел к поискам Щ.И.Т., у нас будет время. — руки йотуна потянулись к бинтам на левом боку девушки, нащупали узелок и развязали его. — На то, чтобы подлечить тебя и уже потом приступить к моей благородной миссии. Ты поможешь мне, но чтобы это было действительно так: ни ты, ни я не узнаем в чем она состоит на самом деле.

Лафейсон распутал использованный бинт и когда дошел до места на спине, придвинулся ближе, чтобы приподнять муспелу за талию и продолжить разматывание повязки, когда вдруг увидел огромные зеленые глаза с непониманием уставившиеся на него. Девушка посмотрела на свой укороченный корсет, явно отметив отсутствие кофты и доспеха, затем перевела взгляд на руки йотуна на её теле и гневно выругнулась:

— Какого черта ты делаешь?! — только успел расслышать он, а потом все резко потемнело перед глазами. Переносицу и часть правого глаза обожгла резкая и доселе незнакомая боль.

— Спящей, ты мне нравилась больше... — не найдя больше слов, выдохнул трикстер, зажимая ушибленный нос.

— А ты мне больше нравился, когда сидел в темнице! — огрызнулась девушка, поднимаясь на ноги в поиске какого-нибудь оружия, но так и не находила его.

Воспоминания о последних часах её жизни были отнюдь не лучшего содержания, да и качества тоже. Они хаотично всплывали в сознании, затапливая его кипящим маслом из странных сумбурных эмоций. Какой-то частью разума Рейвен понимала, что раз на ней нет оков, и она чувствует как воздух наполняет легкие, то она свободна и, что более важно, жива. Но какая-то часть её отказывалась принять столь смелое предположение и выискивала во всем подвох, потенциальную угрозу, насмешку.

Муспела огляделась вокруг себя и тут же удостоверилась, что находится далеко за пределами Асгарда. Она редко бывала в Мидгарде, — всего лишь раз в десять лет. Когда стражи потаённых троп ослабляли свою бдительность и с головой окунались в атмосферу празднования побед прошлых лет: посещали воинский турнир и ударялись в поиски приключений на свои огненные ауры — но с полной уверенностью могла сказать, что сейчас стоит посреди Мидгардских чертогов.

Пространство маленькой комнаты заполняли книжные полки, подвешенные к стене, что слева от деревянной двери, огромная кровать, подле которой располагались невероятно маленькие столики с настольными лампами и кучей непонятных бумаг...

«Настольная лампа, как мило». — Подумала Рейвен, хватая одну из них.

— Надо же... — все еще сидя на полу и держась левой рукой за ушибленный нос, произнёс йотун. — Я, конечно, знал, что ты немного неблагодарная, но ведь не до такой же степени.

— Где мы? — как всегда, игнорируя двусмысленные речи Локи, спросила дева. — Что вообще происходит, и как мы сюда попали?

— Столько вопросов за одну секунду, что ж, я не удивлен. Ты довольно любопытная, верно? Но вот только, — йотун поднялся с пола, убирая руку от лица (как оказалось, нос не сломан, но синяк под глазом ледяному принцу обеспечен) в явной попытке вернуть контроль над ситуацией и стереть с лица земли малейшее упоминание о том, что его застало врасплох пробуждение девушки, — я бы не рассчитывал получить ответы, угрожая насилием.

— Не в твоих интересах... — начала было Рейвен, чувствуя как гнев, сдерживаемый физическим бессилием, наконец-то просыпается где-то внутри, но не только она умела игнорировать слова своих собеседников. Локи на корню обрубил её гневную тираду своим мини выступлением, содержанием которого был призыв к справедливости. Как всегда, с двойным смыслом в его фирменной манере:

— Знаешь, я ожидал немного другого. Например: «Спасибо, что не бросил меня умирать в Асгарде среди врагов» или простого: «Спасибо, что потратил на мое лечение уйму времени, потому что сама бы я не справилась». Тщеславием никто не лечится, знаешь ли. — трикстер соединил пальцы вместе, отчего Рейн тут же захотелось по-детски закатить глаза, а затем по-взрослому врезать ему снова.

Она не знала сколько минут, часов или дней была без сознания, но одно могла сказать с явной уверенностью — от бездействия ярость лишь усиливается. Когда их отделяла друг от друга «решетка», мысли о физическом насилии даже не посещали девушку (за редким исключением), но теперь, когда его самодовольное лицо в неограниченном доступе и на

таком близком расстоянии... Соблазн был слишком велик.

— Надеюсь, что такое поведение лишь результат того, что твой мозг все еще просыпается. В этом случае я буду ждать благодарности... — Рейвен открыла рот, но Локи не дал ей даже слова вставить. — Я закончил с отцовским наставлением и с радостью отвечу на все твои вопросы.

— Давай, а то у меня руки ноют от желания съездить по твоему нахальному, самодовольному, невыносимому...

— Если ты закончила с афоризмами и цитатами, то мы продолжим. Как ты уже догадалась, мы в Мидгарде. В Нью-Йорке, если быть совсем точным. Тебя ранили, и ты потеряла сознание, помнишь?

— Да. — дева поставила настольную лампу на место. От тяжести предмета у неё заныл раненый бок. — Ты обещал, что отведешь меня к чертогам Одина. — заметила девушка, чтобы дать себе немного времени на воспоминания. Они засели у неё в мозгу, но достать их было не самым простым занятием. Требовалось время.

— Да? — краем глаза Рейн заметила ухмылку на губах Локи, он развел руками и продолжил со свойственным его натуре триумфом. — Зачем? Чтобы бросить к его ногам почти бездыханное тело и сказать: «Она пришла убить тебя, но не добралась. Будь добр — прыгни на меч сам и покончим с этим». Если бы враги сдавались именно так, то ни на мне, ни на тебе не осталось бы места для шрамов. Я взял в Асгарде все, что мне было нужно, и решил переждать.

— Пока я поправлюсь? — все еще сомневаясь в благородном порыве йотуна, со скептицизмом спросила девушка.

Он посмотрел на неё с высоты собственного роста так, как будто она ученица, задающая глупые вопросы, ответы на которые очевидны:

— Все еще сомневаешься? — на губах ледяного принца играла все та же милая полуулыбка. — Странно, но в небесном царстве ты вроде бы как была готова поверить, что я не такое уж чудовище. В конце-концов я спас твою жизнь и лечил тебя все эти дни.

— Эту сказку я уже слышала, но мы оба знаем, что это не так. Волк всегда остается волком, даже если надевает овечью шкуру.

— По себе судишь? — подражая скептическому настрою Рейвен, переспросил он.

Девушка почувствовала раздражение, но подавила этот маленький приступ:

— Где мои доспехи?

— Ты задаешь слишком много вопросов, а я устал, проведя долгие ночи и перевязывая твои, — он кивнул на бок девушки, вновь ухмыльнувшись, — бинты.

«Изо всех сил пытаешься показать, что я не застала тебя врасплох? Ты был не готов, но никогда не признаешь этого? Вопросов слишком много? Что ж. Тогда я задам тебе всего один».

— Ладно, тогда я больше не буду их задавать...

— Сдаешься? Неужели?

— Я попытаюсь ответить на них сама. Кто такая Фригга? — присаживаясь на кровати поудобнее, спросила девушка и продолжила свой односторонний диалог с большей охотой, когда увидела как напряглась сущность йотуна, отраженная в глазах россыпью изумрудов. — Ты говорил о ней со стражником в тюрьме и тогда заметно напрягся. Что-то случилось? Что-то не очень хорошее, но она жива и очень даже здорова. Судя по тому, что мы видели её в хранилище. Что тогда? Может быть какой-то запрет? Она говорила, что любит тебя, но ни

разу не посетила...

— Прекрати.

— Может Один запретил? Она стара для подруги или сестры... мать? Приемная мать, если быть точной.

— Я сказал — прекрати! — Локи схватил муспелу за горло, но не сжал его, поняв, что дал слабину.

Разговоры о Фригге задели его за живое и Локи не смог сдержать комок тёмных эмоций, дав им над собой власть. Это можно было бы ощутить даже на примитивном физическом уровне — такое напряжение!

По его глазам и тому, как йотун поглядел на свою руку, все еще держащую девушку за шею, Рейн поняла, что эта женщина его слабое место. Болевая точка, которой она могла, но не посмела бы воспользоваться.

«Настоящая мать или приёмная, но она все-таки мать. Это святое, а я не Один, чтобы это отнимать. — размышляла она минутой позже, когда трикстер пулей вылетел из комнаты и квартиры тоже. — Но ты об этом не узнаешь, потому что и мне нужно иногда выводить кого-нибудь из себя. Прости»

«Нужно как можно скорее вернуться в Асгард и завершить начатое. Так или иначе, но я не попаду домой до тех пор, пока не оправдаю кражу искры чем-то более существенным. Отец вырвет мне сердце и скормит нимейским радхам, если я хотя бы не попытаюсь убить Одина... Хотя, он сделает это в любом случае. Он давно уже не любит мою мать, не помнит даже её имени и мечь за Лорелейн вряд ли его когда-либо интересовала... Нет, конечно, нет. Но смерть Одина не только кровная мечь, но еще и отличный рывок к восстанию. Все миры поднимутся подотчетно, и Сурт, пользуясь этим, снова станет королем, когда Асгард падёт жертвой паники и хаоса»

Когда эта мысль заняла голову девы, солнце уже полностью скрылось за крышами многоэтажных домов Манхэттена. Рейвен знала в каком районе Нью-Йорка они находятся благодаря странному Мидгардским свиткам «Нью-Йорк таймс», лежащим на столе. Записи в нём говорили о продаже и скупке домов Манхэттена каким-то изобретателем современного оружия по имени Тони Старк. Имя и фотографию Рейн не узнавала до тех пор, пока не нарвалась на строчку о том, что Тони Старк еще и Железный человек. Один из немногочисленных мстителей и, пожалуй, самый самонадеянный, если открыл настоящее имя миру, будучи непостоянным героем Мидгарда. Еще в книгообразном тонком свитке говорилось о том, что миллиардер якобы отправился в отпуск куда-то на Карибы.

«Или опять спасает мир...» — про себя рассуждала Рейвен, перебирая в шкафу многочисленные мужские рубашки и брюки в поисках своего доспеха.

Его она так и не нашла, поэтому нацепила черную рубашку, оказавшуюся немного великоватой. Дева закатала рукава, отметив, насколько неблагонадежна и тонка мидгардская одежда.

— В таком не повоюешь... С каждым годом все тоньше и неудобнее. Во времена викингов, хотя бы были латы и варёная кожа. — Рейвен расстегнула пару пуговиц, протягивая руку к бинту, чтобы поправить его. Левый бок прожгла тень боли, испытанной немногим раньше, заставив деву стиснуть зубы и громко выругаться.

В попытке скоротать часы ныне добровольного заточения, муспела решила вспомнить откуда знает о мстителях, и как давно был её последний побег на землю. Она увидела их по странному тонкому ящику, который люди называют телевизором, около года назад, затем вспомнила Локи в одном из роликов в интернете: он вырезал мужчине глаз странным предметом, как всегда высокомерный и дерзкий. Тогда он выглядел менее измученным, да и волосы у него были куда короче, чем сейчас.

«Надеюсь, что это напыщенный гордец в скором времени вернётся, потому что я ни минуты больше не протяну здесь. Я должна вернуться в Асгард и разрушить там все к чертям, как и планировала... Я и без того слишком много времени потратила, сидя в темнице»

Где-то спустя час её неприязнь к этой картонной коробке с непривычным оборудованием лишь возросла. Рейвен, не желая больше попусту топтать полы, нашла вход на крышу и уселась на самый её край, свесив левую ногу за пределы ограждения, а правую подтянув к груди.

Наблюдать за жизнью, пусть даже слабой и отчасти противной сердцу, казалось куда проще, чем в одиночестве сидеть взаперти и ждать человека, которого прогнал разговорами.

Она молча наблюдала за тем, как тысячи огней проносятся по скоростной магистрали, сливаясь в единый поток электрической лавы. Это казалось завораживающим, но и парадоксально скучным одновременно. В порыве скуки у девушки потихоньку зарождались мысли, что она слишком жестока к своему окружению, но к счастью она тут-же вспомнила отношение к ней Локи и выкинула их из головы.

«Вот ещё... просто я слишком много времени провела вдали от дома и... очеловечилась. Эта кожа противная, тонкая как мидгардские одеяния. Слабая. Люди и Асы слабые от природы существа и воины из них ужасные... Нет, нужно срочно вернуться домой, пока я окончательно не обмякла и не отвыкла от огня!»

Рейвен легонько коснулась кожи под бинтом, ощупывая крохотный шрам, оставшийся от недавней раны.

«Надеюсь, что эта отметина заживет, когда я приму свое настоящее обличье. Это оболочка слаба», — с отвращением промелькнуло где-то в дальнем уголке разума.

— Это просто жуть. Дома все заживает мгновенно, а здесь я два дня потеряла из-за какой-то царапины! — Спустя какое-то время от нечего делать распалась она, но не рассчитывала, что безмолвную тишину разрежет еще один голос.

— Наверное, непривычно быть таким как все? — полусочувствующим полунасмевающимся тоном спрашивал йотун. — Ты слишком редко бываешь в человеческой шкуре, верно?

— О, а я думала, что твои пятки сверкают где-то в районе Асгарда. Надеялась, что тебя опять запрятали в клетку, где мне стоило тебя оставить. — Не удосужившись даже тому, чтобы повернуться лицом к трикстеру, спокойно заметила она.

Конечно же, было приятно поговорить с кем-то кроме себя и четырех стен, но если учесть, что вот уже неделю её единственным собеседником является Локи, можно было просто сойти с ума. В своём мире ей редко удавалось перекинуться с кем-то больше чем парой слов, она ведь бастард, к тому же недостойная, по мнению всей расы муспел.

— На твоём месте я был бы осторожнее в желаниях и словах, — как-то совсем бесцветно по мнению Рейвен заметил маг. Ей почему-то показалось, что она задела его больше чем нужно, но это ощущение ушло, когда она, повернув голову направо увидела его сидящего рядом с собой. Его лицо прямо-таки озаряла улыбка. И та была настолько жизнерадостной, что деве пришлось приложить немало усилий, чтобы не заехать ему по лицу. Снова.

— Особенно, если сидишь на краю крыши очень высокого здания. Будь я не в настроении, ты уже летела бы вниз. Но... — Локи свесил с края крыши обе ноги, сложил руки вместе и поглядел на Рейвен. — На твое счастье, ты очень ценный игрок.

— Не нравится мне твоё настроение. Слишком ты веселый для того, кто утром вылетел стрелой из комнаты... — глухо заметила Рейн.

Она посмотрела вниз, прикидывая в уме какую из ловушек на сей раз подготовил Локи. Тогда в тюрьме он заставил Рейвен ненавидеть его и поддерживал беседу в издевательской манере. Сейчас он казался более или менее дружелюбным. Трикстер открыто признал её ценность в какой-то из своих многочисленных двойных игр, но все-таки... что-то в его веселом поведении не нравилось ей. Слишком уж безмятежный для человека, за которым охотится целое царство.

— Ну, я пересмотрел свои взгляды и понял одну вещь. — спустя какое-то время, проговорил йотун, но договорить ему не удалось.

— Я рада за тебя и буду радоваться еще больше, если ты отдашь мне мой меч и доспехи.

— Зачем? — маг кинул на Рейвен удивлённый взгляд, будто бы действительно не понимал, к чему ей нужны её вещи.

— Как будто ты не знаешь! — поднимаясь на ноги и, уже начиная терять терпение, крикнула девушка. Её пальцы сжались в кулаки, муспеле пришлось приложить немало усилий для того, чтобы держать себя в руках. В тюрьме это было просто, ведь этих двоих разделяла нерушимая магическая ограда.

— Ты получил свободу, — поняв, что Локи не собирается даже отвечать на её выкрики, продолжила девушка. Она знала, что не должна говорить, ведь это в любом случае ловушка. Ловушка, в которую её загонит собственный язык, но промолчать дева была просто не в силах. — У тебя есть твоё оружие, ты в Мидгарде и, судя по всему, у тебя здесь есть союзники. Чего тебе еще нужно? Если думаешь, что можешь втянуть меня в свои игры, то ты — девушка тыкнула пальцем в сторону Локи. — крупно ошибаешься! Я устала от твоих словесных препирательств и загадок, чертов ты интриган! Верни мне мои артефакты и дай закончить свою миссию, иначе я превращу твою жизнь в сущий ад.

— Ты закончила? — Как ни в чем не бывало, спросил йотун.

Она ожидала чего угодно, но только не такой вот реакции. Трикстер оставался совершенно спокойным, из-за чего девушке еще больше захотелось получить своё оружие и увеличить количество жертв на одного бесстыдного йотуна.

— Я сожгу тебя...

— В таком случае ты не узнаешь то, о чем я хочу сказать. — Трикстер поравнялся с Рейвен, отряхивая доспех от пыли. Он проследил за взглядом дочери Сурта и заключил, когда решил, что она не станет перебивать его. — Вот и отлично.

«Как же мне хочется убить тебя, Локи! Ты просто не представляешь как!»

— Ты хочешь убить Одина во славу своего народа или ради мести?

Девушка скрестила руки на груди и буркнула что-то вроде:

— Я не обязана отвечать на твои вопросы.

— Ты ведешь себя как маленький ребенок, хотя я пытаюсь помочь.

— Себе.

— И тебе тоже, если будешь внимательно слушать, о чем я говорю и ответишь на пару вопросов.

«Ты помогаешь только себе, но стоит попробовать. В конце- концов у меня же нет выбора. Тропы в этом мире непредсказуемы, а без меча мне не следует что-либо предпринимать...»

— Хорошо, — бесцветным голосом согласилась Рейвен, всем своим видом выказывая безразличие.

Может это и выглядело по-детски, но явно выводило из себя трикстера, что доставляло муспеле немалое удовольствие. Его тон звучал слегка напряженно, хотя эта нотка едва заметно проскальзывала в голосе, Рейн уловила её.

— Так ты хочешь мести или восславить своего отца?

— И то, и другое. — где-то спустя секунду раздумий выпалила девушка.

— Так не пойдет, — трикстер ухмыльнулся, складывая пальцы вместе. — Ты должна ответить что-то одно. Чего ты хочешь больше?

«Вспороть твоё тело от горла до брюха и не играть в эти игры... Мне уже порядком надоело следить за каждым сказанным словом и замечать за тобой вечное желание

победить. Потом вернуться домой, заслужить уважение Сурта. Уважение, которого меня лишили с момента рождения...»

— Мести, я хочу отомстить за смерть своей матери. Тебе-то с этого какой толк?

— Следи за моей мыслью и сама догадаешься. Насколько я сумел убедиться, ты умнее большинства моих знакомых.

— Мне радоваться тому, что ты похвалил мои умственные способности или врезать тебе за то, что сравниваешь меня со своим жалким народом?

— К которому ты частично относишься. — Почти с гордостью подметил ледяной принц, очевидно радуясь возможности напомнить деве кто она есть и «поставить на место». Но в его глазах она видела не гордость, а очередной вопрос, возникший из сумбурных хаотичных замечаний. О чем он мог думать в этот момент, оставалось только гадать.

Его душа — настоящие потёмки, и Мюрквид, в сравнении с ней, это сад лунных цветов.

— Я вот чего не могу понять... Ты ненавидишь Асгард, но просто мечтаешь отомстить за смерть матери, которая является частью этого места. Как тебя понимать?

«А это, очевидно и есть тот самый вопрос. По крайней мере один из многих», — про себя заключила девушка, чувствуя очередную волну гнева, поднимающуюся из глубин истинной сущности в слабом человеческом теле.

— Если бы это касалось тебя хоть на какую-то часть... — старясь не скрипеть зубами от злости, выпалила девушка, но йотун избавил её от необходимости отвечать.

Он перевел тему не из благородных побуждений, а лишь потому, что ему было выгодно вести разговор в своём привычном стиле, но в тот момент, Рейвен могла поклясться древними богами огненного пантеона, она почувствовала лёгкий прилив благодарности за оборванную тираду.

— Если ты хочешь мести, то недостаточно убить Одина. Смерть — слишком лёгкое наказание. А я уверен, что ты предпочитаешь пытаться своих врагов, судя по тюрьме... — трикстер прошелся взад вперед несколько раз, растягивая каждый шаг на минуты. — Если хочешь отомстить, то уничтожь его окончательно, сделай как можно больше. У Одина очень мало болевых точек, но вот у Тора... Этот мир его детище, он решил, что обязан защищать его. И он не переживет, если с Мидгардом что-то случится. Сделай больно ему, уничтожь горячо любимый мир, и в сердце Одина эта боль отзовется десятикратно.

— Так вот чего ты хочешь. Чтобы я помогла тебе завоевать Мидгард, сперва покрюмсавав его на кусочки. Якобы ради мести, но на самом деле я буду выполнять "твои приказы", играть в "твою игру", убивать "твоих врагов". Знаешь что? Меня это не устраивает. Я уже наигралась в ваши игры, «принц Локи».

— Какие игры? — йотун развел руками, снова удивленно подняв брови. — Если бы я хотел вновь поиграть, то не стал бы так открыто говорить тебе обо всём. Ты показала себя как стойкий воин, умный и опытный стратег и почти верный соратник. Твоя преданность делу заслуживает уважения, а я лишь предлагаю тебе объединить усилия ради общей цели. Мы расходимся в деталях, но это мелочи... Мне нужна моя месть, тебе-твоя. На твоём месте я бы хорошо подумал прежде чем отвергать столь выгодное предложение.

Сердце подсказывало деве, что здесь есть подвох, а разум снова оказался не в счет. Она был ошарашена тем фактом, что Локи не манипулирует, а выкладывает всё начистоту, но даже это не удивляло так сильно как тот факт, что трикстер оправдывается перед ней. Значит ему действительно нужна её помощь в этой маленькой войне.

«Локи не дурак, он знает, что я скорее умру, чем позволю Одину и дальше править

девятью мирами. Он также знает, что я хочу вернуть власть Сурту. Чего он добивается? Мечь Одину за ложь, а Тору из зависти? Слишком просто, слишком. Надеется править Мидгардом или убить меня, когда план будет притворен в жизнь? Пусть так, но его будет ждать неприятный сюрприз — меня можно убить, лишь вырвав сердце или отрубив голову, а в книгах и легендах об этом ничего не говорится».

— Ладно. Это оттянет смерть Одина на какое-то время, но... Если ему будет больно, то это того стоит.

— Вот и отлично. — Тонкие губы Локи расплылись в полуулыбке. Он был доволен своей работой, хотя редко прибегал к подобным методам. Но, как оказалось, они оказывали действенный эффект и вполне годились для будущих манипуляций.

Трикстеру нравилось нашептывать свои идеи людям, внедряя их практически незаметно, но точно никак не говорить всё начистоту. После стольких лет плетения сетей очаровательной полуправды откровенность казалась чем-то постыдным и неправильным. Йотуна грела лишь одна мысль — он, также как и дева, не до конца честен со своим новым союзником.

«Ты согласилась слишком быстро, моя дорогая Рейна. Это может значить одно из двух — либо ты действительно так сильно жаждешь мести, либо у тебя что-то на уме», — маг поправил рукав доспеха и направился в сторону двери, уводящей с крыши на последний этаж. Ему не терпелось вернуться во временное убежище, стены которого, впрочем, легко было разрушить при желании.

— И каков твой план? — с осторожным любопытством поинтересовалась девушка. — Сидеть целыми днями на крыше и ждать, пока бессмертная армия свалится на Нью-Йорк с неба?

«Весьма интересная мысль, и ты попала почти в точку... Почти», — трикстер открыл металлическую дверь, жестом показывая Рейвен пройти. Дева с минуту скептически глядела в его сторону, но все-таки приняла безмолвное предложение. Интересно, она рассматривала его приглашение как приказ или просто была не готова к такому повороту событий?

— Меня радует твой человеческий энтузиазм, — особенно выделив слово «человеческий», проговорил йотун. В эту самую секунду он был готов поклясться, что Рейн снова сжимает пальцы в кулак и думает о физическом контакте посредством насилия. В том чтобы злить её не было никакой необходимости, но Лафейсон просто не мог отделаться от старой привычки и упустить возможность вывести муспелу из себя. Особенно после того, как она умудрилась каким-то магическим образом довести его самого едва ли не до самовозгорания.

«Мы оба ни за что не узнаем настоящую суть моей идеи...», — на всякий случай повторил он про себя, шествуя к мидгардской квартире.

— На самом деле, — все же заговорил он спустя какое-то время, когда девушка уселась на диван в гостиной, скрестив ноги и глядя на Локи. Она ждала, пока он продолжит. Это тоже было немного странно, потому что Лафейсон даже успел привыкнуть к её едким комментариям в редких перерывах меж каждым своим предложением. — Мой план состоит из трёх частей: разведка, подготовка, нападение. Ты нужна мне для двух из них... а в третьей — Трикстер подошел к огромному окну на всю стену, открывая занавесь и вновь устремляя взор глаз-изумрудов на ночной город. — Можешь участвовать, если захочешь.

Локи услышал нервный смешок девушки и повернулся в её сторону. Она по-прежнему сидела на диване, скрестив ноги и руки:

— То есть вся твоя грандиозная месть завязывается на... мне? Нет, серьезно? Я буду бегать по минному полю, подготавливая каждую из стадий, а ты будешь просто так прохлаждаться?

— Забавно, что ты не спросила, почему он держится на тебе. — Локи невольно

ухмыльнулся. — Где же твои фирменные фразы вроде: «Ха, а что бы ты делал, если бы я не согласилась помогать тебе?», «Ты с самого начала все так задумывал или импровизируешь?», «Раз я твой главный козырь, тебе не стоит так со мной обращаться». Я уже как-то начал к ним привыкать.

— Знаешь что? — девушка поднялась со своего места, развела руками и совершенно спокойно произнесла:

— Я пыталась быть вежливой, раз мы пришли к тому, что у нас общая цель. Но с меня достаточно, это были самые долгие и несчастные десять минут моей жизни.

«Недолго же ты продержалась!» — слова так и просились броситься с языка в словесную атаку, но Локи к своему счастью сдержался. Здесь нужна другая тактика, совершенно другое отношение и соответствующее поведение. Если он собирается повернуть в голове, а позже притворить в жизнь двойную задачу, он должен учесть все возможные исходы и проконтролировать каждое сказанное им слово.

Локи должен попытаться стать ей другом или хотя бы вывести их отношения с фазы «Одно слово — десять оскорблений» на нечто менее разрушительное.

— Раз ты так хочешь... — выдержав паузу, символизирующую обдумывание, проговорил Лафейсон. — Можно попытаться быть толерантными в отношении друг друга. Наше общение как-то не задалось, но жизнь слишком сложна для того, чтобы тратить её на ненависть.

— Серьезно? — муспелу, казалось, удивляло столь неожиданное предложение. А трикстеру же понадобилось всё его самообладание, чтобы не усмехнуться снова. Ему не составляет труда быть и врагом и другом в одном лице, а манера общения — вообще сущий пустяк.

— Почему нет? — он наконец позволил себе в очередной раз улыбнуться своей любимой холодной полуулыбкой. — Мы готовимся к войне, а вести её с двух сторон не очень удобно, согласись.

— Будет сложно... — серьёзным тоном выдохнула Рейвен, но спустя всего полсекунды добавила, заставив Локи еще раз улыбнуться. — Не комментировать твои блестящие действия.

«Мне будет сложнее», — сдерживаясь от того, чтобы не закатить глаза, подумал маг.

— Я рад тому, что мы опять пришли к соглашению. А теперь давай вернемся к делу... — трикстер подошел к угловому книжному шкафу, достал внушительной толщины серую папку, которую припрятал между томом Толкиена и поэзии XIX века, когда вернулся со своей «прогулки». — Тебе нужно ознакомиться вот с этим до завтра, но прежде, — йотун протянул папку девушке. — Ответь на один вопрос. Как часто ты бываешь в Мидгарде?

— Огненным великанам запрещено посещать миры. Наши врата закрыты с тех самых пор как было разрушено древо миров. — автоматически выдала дева. Наверное, она забыла, что несколькими днями раньше сама рассказывала ему о тайных тропах и о том, как умело ими пользуется.

— Серьезно? — усмехающимся тоном спросил йотун.

— Ладно... Раз в год по календарю Мидгарда.

— И как же тебе это удастся? Разве Сурт не всеведущий, как Один и Хеймдалль? — как бы из праздного любопытства решил узнать Локи.

Дева прищурилась, глядя на него и перехватывая папку. Где-то с минуту она думала, стоит ли отвечать на вопрос. Лафейсон буквально видел, как россыпь из тысяч несвязанных

между собой мысль парит в её нефритовых глазах. Она думала, насколько существенна эта информация для бога лжи и огня. Очевидно, решила, что не очень важная, потому что ответила:

— Сурт, как и ваш Хеймдалл.

— Хеймдалль, — поправил трикстер.

— Хеймдалль... Какая, собственно говоря, разница? Он видит все и всех, но даже от его взгляда можно скрыться, если обладаешь достаточно сильной магией.

«Книги рассказывают многое, но не все. Это становится довольно любопытным, слишком любопытным, чтобы не уделить этому внимания».

— И насколько сильной должна быть магия?

— Достаточно сильной, чтобы найти тропы, ведущие в соседние миры. — уклончиво ответила дева, чем еще больше разожгла любопытство йотуна.

Еще чуть-чуть и у него появится новая цель — узнать как можно больше о расе муспел. Древним мифам Асгарда можно верить, но даже они не могут рассказать всей истории. Особенно, если учесть, что о жителях Муспельхейма не слышали ничего больше двух тысячелетий.

— Кто такой Стивен Роджерс? — спустя пару минут спросила Рейвен, выволакивая Локи наружу, прочь из собственных мыслей.

— Не самый умный парень по сравнению с остальными глупцами, называющих себя «Мстителями».

— Так... здесь есть Халк, Тони Старк — железный человек, Черная вдова, твой сводный братец, одноглазый по имени Фьюри, Сокол... хм. Стивен — Капитан Америка?

— Как я уже сказал, ты довольно сообразительная. Раз так, то изложи свою мысль: что нам нужно узнать в первую очередь?

— Если бы я участвовала в турнире за жизнь, то хотела бы знать насколько соперник подготовлен, что он собирается предпринять и знает ли он о моих планах.

«Умница, я был бы счастлив, если бы ты придумала как нам это сделать. Мятежникам, пришедшим в Мидгард, и самим смертным верить нельзя. Даже думать об этом ошибочно, — каждый из них боится за свою шкуру и не станет докладывать о действиях Щ.И.Т. а».

— Я бы могла покопаться в голове у этого Стивена, если он действительно не такой сообразительный, каким ты его представляешь. Это будет легче легкого.

— Покопаться в голове? — действительно слегка недоумевая, спросил йотун. Он посмотрел на деву, которая, это очевидно, снова думала над тем стоит ли говорить что-либо своему временному союзнику.

«Было куда проще, когда она бесилась и рассказывала все в порыве гнева. Жаль, что сейчас нельзя применить этот метод».

— Одна из моих способностей. Я могу читать мысли существ с менее развитой магией или если этот кто-то не обладает никакими магическими силами вовсе, если он не умеет строить мысленные барьеры, а его мышление ассоциативно. Я спрашиваю: «Как дела?» и в голове у человека тут же появляются сцены из повседневной жизни.

— Довольно полезная способность. Так почему ты не применишь её ко мне, чтобы узнать, где твой меч?

Рейвен казалась слегка раздраженной:

— Я бы рада, но к моему величайшему сожалению я действительно редко бываю в

человеческой шкуре. Мне нужно освоиться, чтобы не тратить слишком много сил на магию.

«Я это учту» — подумал он, ну, а вслух сказал:

— Это довольно любопытно.

— Есть идеи по поводу того как подойти к этому мстителю и при этом не попасть в лапы...?

— Щ.И.Т.у

— Не важно. — фыркнула она.

— Об этом стоило спросить в первую очередь.

Локи объяснил Рейвен, что до тех пор, пока он не добудет для себя нового ученого и не убедит кое-кого из влиятельных друзей из других миров присоединиться к нему, логичнее будет действовать скрытно. Конечно, стоит ему выйти за пределы квартиры в собственном обличье, его сразу же засечет всемогущий и всеведущий Щ.И.Т. через камеры видеонаблюдения на улицах города или просто наведясь со спутников по введенным в качестве меры предосторожности параметрам старго-доброего врага человечества.

— Я хорошо знаю Тора, — продолжал объяснять йотун, — а он только думает, что хорошо знает меня. Он первым делом ринется в Мидгард, предупредит кучку неудачников, называющих себя мстителями, о моем побеге. И, конечно, обезопасит свою смертную.

Сразу после своей вдохновенной мини-речи Локи сказал, что поскольку лицо муспелы видели лишь Один и Фригга, среди тех, кто всё еще жив, то у Щ.И.Т. а не будет даже малейшего представления о внешности его союзницы. Вот для чего она и нужна.

Рейн должна выяснить, насколько корпорация осведомлена о его довольно туманных планах, подозревают ли они о его местонахождении и союзниках. И лишь в случае если получится, ей необходимо будет прихватить из головы Капитана Америки какую-нибудь схему действия мстителей. Хоть Локи и сомневался что бравый Стив Роджерс осведомлен в нужной им обоим степени.

Правда для этого от неё потребуются кое-что, чего Рейн не хотелось делать — стать похожей на человека не только внешне, но и внутренне.

— Что? Очевидно, ты шутишь! Скажи, что ты шутишь, потому что это невозможно. Я не хочу даже на микрочастицу походить на этих слабых, безвольных кукол... — Рейвен поднялась на ноги, выжидающе глядя в глаза йотуну.

«Ни за что на свете. Никогда!» — возмущенно проносилось в её голове. Всё её существо воспротивилось даже мысли о культуре неблагодарных существ, с легкостью пера переметнувшихся на сторону Асов во время Великой священной войны.

Трикстер скептически оглядел девушку. В его зеленых глазах так и читалась фраза: «Это необходимо. Разве ты не понимаешь?».

Хотя он не говорил ничего вслух, Рейвен все равно чувствовала себя нелепым ребенком, которого нужно учить всему и неустанно указывать на ошибки пальцем. И это было, наверное, хуже всего на свете, потому что ненависть была проще и понятнее нового для неё чувства пристыженности.

— Тебе всего-то и нужно, что прочесть пару книг, изучить немного истории и обзавестись увлечениями. Это на два дня, не такой уж большой срок.

Хотя Рейн слышала вместо его слов: «Тебе всего-то и нужно: стать частью этого мира, потратив множество драгоценных часов на изучение нудных статей и надуманных Мидгардских книг», она сказала:

— Ладно.

— Я горжусь тобой! — йотун в очередной раз ухмыльнулся. Ему доставляло невероятное удовольствие, наблюдать за тем, как другие мучаются. Как Рейвен мучается. — Хоть ты говоришь «ладно», но я все равно слышу «лучше дай мне умереть».

«О Господи, заткнись!» — сгребая в охапку книги с полок, подумала девушка.

Муспела даже не стала утруждать себя придумыванием какой-нибудь новой фразы или

оскорбления. Ей хотелось скорее покончить со всем этим и приступить к той части, где она, наконец, отрубает голову Одину и его сыночку. К Фригге дева, как ни странно, не испытывала даже тени отвращения. Возможно потому, что женщина отпустила их. А может быть потому, какими глазами она смотрела на Рейн в момент первой встречи: в них читалось сочувствие, понимание. Такими глазами мать смотрит на своё дитя. Возможно, она видела в Рейвен кого-то, кто ей знаком, и за чьи поступки она считает себя ответственной. Локи, она видела в ней Локи.

Но почему? Потому что та тоже совершила проступок? По тому, как вела себя? Почему?..

«Сосредоточься, хватит думать о ерунде. Хватит, потому что чем раньше ты приступишь, тем скорее закончишь эти мучения».

***

Странно, но по мере того как дочь Сурта читала современную и классическую литературу, училась пользоваться интернетом и электротехникой, ей все меньше виделась в этих действиях пытка. Скорее, способ приятно провести время.

Конечно, городское фэнтези ей сперва не удалось освоить: слишком все надуманно и неправдиво в историях мальчика-полукровки, волшебников, великих драконов Средиземья и прочих существ.

«Да они переврали все, что только можно! Откуда это вообще берется? Кто рассказал им эту ересь?» — возмущалась Рейвен первые 7 часов, пока до неё не дошло, что все это лишь полет человеческой фантазии. Жизнь людей довольно скучна, однообразна и, как это ни печально, недолговечна. В свой короткий век они стремятся оставить след в истории хоть каким-то способом.

Тогда она по-другому взглянула на эти вещи, и, это было действительно странно, ведь ей очень понравилось. Особенно история об одном простом парне, жизнь которого переменялась в одночасье из-за девушки с даром подчинять людей своей власти и волшебника, жившего с ним бок о бок всю его жизнь.

Конечно, с классикой и прозой дела обстояли намного лучше. Муспеле удалось даже выделить пару смертных, книги которых понравились ей больше всего: Чак Паланник, Сэлинджер, Эрих Мария Ремарк...

За один день она умудрилась прочитать около шестнадцати книг, поглощая строчку за строчкой подобно космической чёрной дыре.

«Я не собираюсь менять своё отношение к этой расе, но у них безусловный талант к сочинительству!» — заключила Рейн, захлопывая очередную книгу.

Ей жутко хотелось спать, но останавливаться не хотелось гораздо больше. Муспела даже не заметила, когда ушел и пришел йотун, так сильно увлеклась чтением. Когда она оторвалась от очередной книги из цикла «Легенда об искателе», то заметила Локи. Он сидел напротив неё в кресле, упершись на правую руку, и наблюдал за тем, с каким энтузиазмом дева усваивает новую информацию.

— Ты не выглядишь так, будто для тебя это пытка. — подметил он, очевидно думая, что это звучит весьма остроумно.

Дева уже собиралась ответить ему что-нибудь в своем духе, но вместо этого лишь спросила:

— Давно ты тут сидишь?

— Недавно. А ты, я вижу, — Локи взял первую попавшуюся книгу из стопки

прочитанного, и лениво пролистал странички. Это было «Чернильное сердце», книга об отце и дочери, обладающих властью призывать книжных героев в человеческий мир. — Со вчерашнего вечера. Забавно, но если бы тебе все так не нравилось, то зачем себя мучить и всю ночь читать противную литературу?

— Мне кажется или ты нарушаешь условия нашего соглашения?

— Какого соглашения? — возвращая «Чернильное сердце» на место, спросил он. Как всегда, с неподдельным любопытством и непониманием.

Глядя на него, Рейвен чувствовала себя слишком честной. Даже со своим врожденным талантом ко лжи, она значительно уступала в этом мастерстве йотуну.

Когда его стандартные шуточки, наконец, иссякли, Лафейсон провёл краткий инструктаж по последним тридцати годам истории человечества, научил Рейвен пользоваться мобильным телефоном и спутниковым телевидением, при этом абсолютно забыв о том, что девушка не спала всю ночь, и была не способна воспринимать какую-то новую информацию. Тем не менее, всего за день она узнала очень многое о человеческой расе, и Рейн, что поначалу казалось абсолютно неприемлемым, было действительно интересно. По крайней мере, гораздо интереснее историй Мирхейма о вечных битвах и сражениях.

— На этом все, — довольный собой, заключил Локи. — Завтра будет намного легче.

С практической и информационной стороны новый день действительно был куда проще первого, но если смотреть на него глазами Рейвен, то это было далеко не так.

Конечно, Локи не собирался вываливать на муспелу всё разом, чтобы насладиться теми недолгими минутами тихой ненависти с её стороны. Нет, это было не в его стиле.

Он дал Рейвен хорошенько отоспаться, принять ванну и немного прийти в себя, и только потом показался в гостиной. Как всегда довольный, с самонадеянной улыбкой и... с кучей огромных пакетов в руках.

— Где ты был? — слегка напряженным голосом, спросила девушка. Что-то ей подсказывало, что сейчас должно случиться что-то, что ей не совсем понравится. — В парикмахерской? — секундой позже попыталась отшутиться она, чтобы не выдать своего беспокойства. — Ты постригся.

Йотун молча прошествовал к кофейному столику у дивана, где сидела Рейн и свалил ношу возле неё.

— Как я и говорил, сегодняшней день будет гораздо проще. Дадим твоему мозгу отдохнуть и...

— ...И? — глядя то на ухмылку Локи, то на пакеты возле себя, переспросила девушка.

Какой-то частью себя она уже догадалась, в чем здесь дело, но умом все еще отказывалась это принимать.

«Нет, пожалуйста, пусть это не то о чем я думаю», — чувствуя себя не в своей тарелке, подумала муспела.

— И поскольку ты согласилась с моим планом для своей выгоды, ты должна выглядеть соответственно.

— Нет, — тут же фыркнула дева, поднимаясь с дивана. — Ты шутишь. Скажи мне, что это не...

— Что такое? Ты вриваешься в защищенное царство с одним лишь мечом, убиваешь десятки людей и освобождаешь самых опасных преступников, но боишься хоть на день притвориться человеком? Непорядок. — глядя на Локи, можно подумать, что он

прикладывает кучу усилий лишь для того, чтобы не дать себе зайти в диком хохоте.

— Ладно! — хватая один из пакетов, вспыхнула дева. — Но ты за это заплатишь!

Она зашла в свою комнату, смачно хлопнув дверью. И хотя все еще считала мидгардские одеяния слишком ненадежными, все равно решила переодеться. Никто и ни за что не посмеет назвать её трусихой и уж тем более не посмеет смеяться!

«Поверить не могу, что я опять ведушь на провокации! — срывая пуговицы с черной мужской рубашки, возмущалась муспела. — Зачем я вообще в это ввязалась? Этот йотун думает, что если не дал мне умереть, то я теперь ему всем обязана? Как бы не так... я возьму своё, когда придёт время! — девушка взяла в руки кусок черной атласной ткани, к её огромному удивлению, оказавшемся платьем, и подошла к зеркалу, чтобы внимательно оглядеть себя прежде, чем примет новый облик. — Это только ради тебя, мама».

Рейн расстегнула замок, чтобы надеть этот метровый кусок гладкой ткани на себя.

«И это называется платьем? — подтягивая широкие лямки и глядя на оголенную до поясницы спину, подумала она. — По-моему это должно как-то закрываться...или нет?»

Девушка выудила из обувной коробки пару урезанных сапог на каблуках, которые мидгардские девушки называли туфлями и слегка поморщилась.

— Сапоги на каблуках — это еще куда ни шло, но "это"... — Рейвен зашвырнула туфлю под кровать и решила вернуться в гостиную до того, как Локи успеет придумать что-нибудь колкое:

— Очевидно, ты решил изрядно поиздеваться надо мной?

— А по-моему, тебе идёт. Выглядишь... человечнее, — ответил он, даже не поворачивая головы и особенно выделив слово «человечнее». Маг знал, что подобное сравнение задевает муспелу.

«Человечнее! — фыркнула она. — Посмотрела бы я на тебя в этом пла...кошмаре. Наверняка, до смерти смешное зрелище»

Дева подошла к дивану, возвращаясь на своё место и усаживаясь рядом с йотуном.

— Нет, серьезно... — с толикой возмущения спрашивала Рейн. Ей и вправду было непонятно стремление людей выглядеть доступными и беззащитными. — Мидгардские женщины действительно ходят так? Полуголыми?.. Это ведь просто... жуть.

Локи наконец оторвался от книги и посмотрел на девушку. На какую-то долю секунды в его глазах мелькнуло удивление, потом, Рейвен могла поклясться в этом, смущение. И только когда эти эмоции потухли на фоне океанической зелени его глаз, Лафейсон решился заговорить. Его голос прозвучал слегка неуверенно, что было редкостью, если не невозможно:

— Я могу ошибаться... но это нужно застегнуть.

— Что? — оглядывая свою одежду, спросила Рейвен. И только потом до неё дошло, что тот замок все-таки застегивается обратно. Она попыталась дотянуться до него, с каждой секундой ощущая всё больше неловкости. Было куда проще быть просто воином.

— Давай помогу, — начиная терять терпение, сказал йотун.

Его тонкие бледные пальцы скользнули по черным маленьким бусинкам замка, и уже через секунду платье перестало болтаться на муспеле, как простыня. Оно пришлось неожиданно впору и даже показалось девушке довольно удобным, хотя она не могла отделаться от мысли, что ткань слишком лёгкая и она на самом деле нага.

— Можешь не благодарить, — возвращая на лицо самодовольную улыбку и по новой принимаясь за чтение потрёпанного экземпляра истории, произнёс Локи. — Впрочем, как и

за то, что я не бросил умирать тебя в Асгарде.

— Ты снова поворачиваешь разговор в удобное для тебя русло? Это так в твоём стиле. — девушка неопределенно развела руками, а затем резко вырвала книжку из рук йотуна. Ей уже порядком надоел этот стиль общения под названием: «Я такой таинственный», поэтому она решила на маленький реванш-матч. — У меня тоже есть стиль. — муспела поднялась на ноги, чтобы не дать магу ни малейшей возможности вернуть книгу обратно. — Что ты там читаешь? — Рейвен перевернула пару страниц, смутно узнавая на некоторых картинках свой народ. То есть, народ Сурта, не её.

«Довольно любопытно...»

Некоторые страницы были загнуты, но они вели совсем по другой ветви истории. В этих главах говорилось о зарождении магии, насколько Рейвен могла судить.

Её внимание привлекла картинка, на которой были изображены два человека: один с белым шаром в руках, но черной одежде, и второй полностью ему противоположный.

— Ничего интересного, — совсем близко прозвучал высокий спокойный голос йотуна, и в эту же секунду Рейн почувствовала легкое покалывание на кончиках пальцев, так же как и было в тюрьме Асгарда, когда их ладони на миг соприкоснулись. Она ощутила непостижимую лёгкость в руках. Когда девушка подняла глаза, то увидела Лафейсона, почитывающего эту самую книгу.

Он сидел на диване, как будто и не вставал.

После того как Рейвен выхватила из рук Локи книгу, говорить с ним стало совершенно невозможно. Повелитель магии сидел на диване с важным видом и почитывал «Легенды и мифы Асгарда», не желая отвечать больше не на один вопрос или задавать их.

«Ну и ладно. Как-будто я не привыкла к такому отношению», — подумала она, стараясь сдерживать бесконечный поток эмоций человеческой оболочки. Это занятие было довольно трудоёмким, ведь люди, и это действительно удивительно, имея в запасе всего один несчастный век жизни, умудряются прочувствовать весь эмоциональный спектр всего за мгновение.

Рейн присела на кресло напротив йотуна, беря с кофейного столика тонкую книгу в мягком переплёте. В конце-концов не ей становиться первым, кто нарушит условия негласного мирного договора. Нужно только немного подождать...

Огромный совмещенный с кухней зал, еще долго сопровождало упрямое монотонное молчание.

Скорее всего, Локи молчал исходя из какой-то свойственной ему одному необыкновенной вредности, а вот дочь Сурта молчала потому, что полностью углубилась в чтение. Книга, которую Рейвен выудила из-под завала на столике, оказалась иллюстрированным комиксом о мире, который полностью подчинили «живые мертвецы»: все начинается в маленьком городке, в каком-то незнакомом Рейн штате. Несколько сбежавших заключенных, как девушка поняла, собирались ограбить там банк, но полиция остановила их. Правда, одного копа ранили и он оказался в больнице.

Муспела читала все это с замиранием сердца, переживая за главного героя по имени Рик каждый раз, когда он содрогался от страха и боли или нарывался на зомби.

Её немало удивил тот факт, что какие-то невзрачные картинки на глянцевого бумаге могут вызывать такую бурю чувств и эмоций. Девушке хотелось бы читать и читать, не отрываясь от гладких страниц ни на секунду, но, к сожалению, когда она дошла до момента, где Рик попадает в город полный «ходячих» и его лошадь убивают, Локи произнёс своим высоким звучным голосом:

— Пора спать. Завтра предстоит ответственный день.

— Теперь ты у нас командуешь? — стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, произнесла она.

— Почему нет? — по его веселой интонации, дева догадалась, что он снова улыбнулся холодной безликой улыбкой.

Краем глаза Рейн заметила движение и поняла, что йотун поднялся со своего ложа. Она инстинктивно сжала края страниц крепче, как маленький ребенок, боящийся, что у него отнимут его игрушку и заставят отбывать наказание.

— Возможно, я повторяюсь, но ты не выглядишь, будто для тебя этот мир — пытка...

«Если мне нравятся здешние книги, это не значит, что из-за этого я откажусь от своей цели. — мысленно фыркнула девушка, добавив почти человеческое — Зануда».

— Да-да, это очень интересно. И тебе спокойной ночи. — перебила она прежде, чем маг успел дойти до той части импровизированной речи, где говориться о «мирной человеческой жизни» и отказе от любых потуг к "возмездию".

Утро встретило Рейн барабанившим по стеклу тёплым дождём и оживлёнными улицами

с толпами спешащих куда-то людей. Локи объяснил девушке, что такое метро и как пользоваться жетонами, чтобы пройти через невысокие заграждения, которые смертные называют забавным словом «турникеты».

Это слово с самого утра вертелось на языке: по пути из квартиры на улицу, по дороге до автобусной остановки и вплоть до самого входа в подземку.

Муспела перебирала в голове названия улиц и их примерный внешний вид. Раньше она уже была на «Аллее звезд» в центре города, видела башню «Старк — индастриз» и несколько ей подобных в центре Нью-Йорка, была на Мэддисон-стрит, но ни разу не успела посетить окраины этого огромного города. Он и раньше казался девушке воплощением красоты и величия, но она была слишком зла на людей и их ближайших предков — асов за то, что последние поделились со смертными великим мастерством муспел к созиданию и архитектуре. Хотя в последнее время, вспоминая свой мир и сравнивая его с Мидгардом, дева считала иначе. У людей прекрасно получалось творить из чего-то абсолютно негодного и простого настоящие произведения искусства.

Когда дева добралась до пункта назначения, было уже около полудня, однако, погодные условия к этому времени ни капли не улучшились: лёгкий дождь превратился в настоящий ливень, сопровождаемый пробирающими до костей потоками ветра.

Девушка запахнула кожаную куртку и направилась к спортивному комплексу. Он выглядел немного неуместно на фоне серых фасадов домов с облупившейся краской и просевшими крышами. «Олимп» встречал своих посетителей бежевыми бледными цветами и совершенно новыми покрытиями — будто это здание только что достроили.

Рейн потянула на себя стеклянную дверь, поспешно проникая внутрь. В её голове уже сформировался четкий распорядок действий и поведение, соответствующее несуществующей личности.

— Простите... — негромко произнесла она, поправляя лямку рюкзака со спортивным костюмом. — Я ищу спортзал на пересечении четвертой и шестой.

Вести себя неуверенно и сдержанно, как оказалось не так уж и сложно. Особенно, если взглянуть на гору мышц, терроризирующую кулаками бедную боксёрскую грушу. Одного только взгляда на спину Капитана Америки Рейн хватило бы на всю оставшуюся жизнь, чтобы запомнить — с этим типом в бою лучше не сталкиваться.

«Великое древо Иггдрасиль, не дай влипнуть в неприятности. С моим ростом я вряд ли справлюсь с ним и в настоящей оболочке, что говорить об этой? Магия магией, но физическую силу еще никто не отменял», — с какой-то истерической манией подумала она, отметив, что немного завидует его телосложению и росту.

Он вполне мог бы быть ребёнком Сурта вместо Рейн. Великий огненный царь, наверняка, стыдился бы такого последыша намного меньше, чем её.

— Да, — мужчина оторвался от боксерской груши, Рейн явно застала его врасплох. — Но на сегодня занятий нет.

Его голос показался муспеле неожиданно вежливым, особенно в противопоставлении с его видом. Более того, в жизни он был даже симпатичнее, чем на фотографии. Но неосознанно сравнивая человека с огненными великанами, Рейвен всё равно чувствовала себя незащищенной и слабой.

Она снова почувствовала себя дома в Мирхейме, где над её ростом потешались, а слабую магию не ставили даже в грош.

«Соберись и играй свою роль. Он всего лишь смертный, а они все жалкие и

одинаковые!» — девушка накрутила локон темных волос на палец, неуверенно пробормотав:

— Я не знала, простите. Просто я думала, что... В любом случае, вы не против, если я пережду ливень тут?

Капитан где-то с секунду раздумывал над чем-то, но всё-таки согласился. Девушка перехватила рюкзак другой рукой и прошла к ряду из длинных скамеек, заранее прикидывая как действовать.

Лучшим вариантом для ментальной связи послужило бы касание, тогда бы ей не пришлось тратить время на пустые разглагольствования, на копание в куче сумбурных воспоминаний, сопровождаемое переносом чувств и эмоций Стивена Роджерса в её разум. Всё это отнимает много сил и времени, а ни того, ни другого у Рейвен не осталось. Ей понемногу начинал нравиться этот мир и его творения, и это пугало.

Сейчас, глядя, как Стив сдержанно колотит по груше, отбивая четкий монотонный ритм, Рейн почему-то решила вспомнить то, о чем учил её отец.

«Люди — самые мерзкие и скользкие создания, которых только можно встретить во всех девяти мирах. Их воспитали Асы — наши враги. Я смирился со своей тихой жизнью в изгнании, потому что всему в этом мире отпущено свое время. Когда оно придет, я без колебаний уничтожу этот мир и его создателей. А ты, — говорил он, указывая пальцем на тогда еще маленькую Рейн, — должна запомнить все это. Никогда, ни смотря ни на что, не смотри на их обманчивую доброжелательность... Все люди одинаковые, подобные своим предкам — предатели и смутьяны. Даже ты, хотя ты всего наполовину Ас, за что я тебя великодушно прощаю».

— Знаете, — голос капитана вывел Рейн из полусонного состояния, вернул в окружающую её действительность. — Это не моё дело, но я все равно спрошу. К чему вам занятия тяжелым спортом? В смысле, я думал девушки ходят в другие места.

«Хороший вопрос», — подмечая каждое слово Стивена, его интонацию, образ мыслей и тембр голоса, подумала девушка.

Она пошла длинным путём, но была уверена, что так все, что она получит из головы «Америки», будет намного достовернее.

— В «другие» места ходят только те, кто хочет внимания. Я хочу научиться защищаться.

— От кого? — Стив ненадолго остановился, поворачиваясь лицом к своему пока еще незнакомому собеседнику.

Муспеле не пришлось долго думать над ответом, он и так крутился на языке:

— От всех и каждого, кто захочет меня обидеть.

Капитан Америка стянул боксерские перчатки и кинул их на столешницу в углу зала. Когда он задавал свой следующий вопрос, у неё уже сложилось кое-какое представление о личности этого человека.

— Это будет довольно трудоемко. А как на счет убежать?

Этот вопрос послужил катализатором и запустил необратимый процесс, перерастающий в магическую связь мыслей. Дева приложила максимум усилий, чтобы оставаться в реальности и отвечать на вопросы, а затем столько же усилий для того, чтобы скрыть сам факт проникновения в его мысли.

С магией все всегда было неоднозначно: она могла оказаться слишком слабой или слишком сильной. В любом случае, это могло привести к тому, что человек, чьи мысли ты копируешь в свою память, может заметить неладное и затрубить мысленную тревогу. В такие моменты подсознание включает все защитные механизмы и выкидывает тебя из

головы, как чужеродную массу.

— Я не привыкла убегать. Это не для меня. — краем глаза Рейн заметила, что Стив Роджерс улыбнулся.

В отличие от холодной полуусмешки Локи, улыбка капитана казалась тёплой и жизнерадостной. Где-то за секунду до того, как его сознание затопило Рейн, она услышала, как он сказал:

— Я сразу это понял по вашему виду...

Потом Рейвен перенеслась в шикарный старинный автомобиль с кожаным салоном.

"Она сидела на заднем сиденье, а слева от неё сидела симпатичная молодая девушка с тёмно-рыжими волосами. Она держала на коленях папку, а Рейн, чувствуя легкое смущение вперемешку с восхищением такой чистой и наивной красотой, указывала пальцем на улицы и говорила:

— Меня избивали в этом переулке... И на этой парковке... И за этой закуской.

— Вы принципиально не хотели убегать? — спросила молодая женщина, глядя на Рейн.

Она почувствовала легкий упрек в её тоне, но поняла, что девушка таким образом проявляет заботу. Ей хотелось бы, чтобы это было так.

Рейн незамедлительно ответила, полностью уверенная, в истинности своих слов:

— Раз убежишь — и будешь бегать вечно."

Потом всё резко померкло, оставляя дочь Сурта наедине с длинными объяснениями Роджерса.

— ...Просто у вас довольно подтянуты мышцы спины, но совершенно запущены ноги. Нет, не в этом смысле. Просто видно, что вы никогда не качали их специально.

Капитан казался слегка растерянным, а Рейн, только что пережившей эти же самые чувства в его воспоминаниях, захотелось хоть как-то поддержать его. Она рассеянно улыбнулась, снимая кожаную куртку в руках.

— Наверное, вы правы. Я много путешествую: ношу тяжёлые рюкзаки и прочее... Но не особо занимаюсь бегом.

«Под прочим я имею в виду мечи, кинжалы, булаву, топоры... У меня очень интересная жизнь по части путешествий, да».

— Я забыл представиться. Я Стив Роджерс. — Стивен подошел к девушке, протягивая руку.

И тут-то Рейвен поняла, что придумывая свою личность, которой умудрилась соответствовать лишь от части, она совершенно забыла придумать для себя фальшивое имя. Настоящим вряд ли можно было пользоваться, ведь сынок Одина его наверняка уже знал.

— Я Рей... чел. Рейчел Граймс. — девушка пожала протянутую руку и снова улыбнулась.

Этот широкий жест был немного непривычным и, как все в Мидгарде, казался странным и одновременно удивительным. Таким же удивительным, как и люди.

«Они не все слабые», — решила она для себя, чувствуя все большую симпатию к этому виду.

— Добрый день. Не помешал? — раздался по правую сторону чей-то басистый грубый голос.

Муспела неосознанно проникла в голову Стива. Она повернулась на голос, считывая мысли капитана, и изо всех сил старалась не представлять себя им.

Как ни странно, но этот голос ассоциировался у него с Ником Фьюри — одноглазым лидером спецслужбы Щ.И.Т.

Рейн потребовалось около доли секунды, чтобы увидеть воспоминания, связанные с этим человеком.

Стив выбежал на улицу, чтобы хоть как-то прийти в себя. Мозг затопил неясный туман из кучи красок, незнакомых звуков и бесконечного потока странных машин. Чувства лились через край, не давая ни минуты покоя.

«Где я? Что происходит? Что это за место?»

Легкая струящаяся тень осознания медленно пробирается в голову басистым мужским голосом:

— Вы были в коме, Кэп. Почти семьдесят лет. С вами всё в порядке?

— Да... да, только... моё свидание. — все еще не веря ни своим глазам, ни незнакомому голосу, произносит он.

«Моё свидание... я обещал», — с горечью проносится в голове.

Еще множества воспоминаний рвались в её голову через ассоциацию, но дева оборвала связь, отцепив руку.

«Это ужасно!» — чувствуя, как соленый ком подходит к горлу, подумала Рейн. Конечно, эмоциональный перенос это одно из последствий связи, но даже помня это, дева была просто не готова к тому, что «Капитан Америка» окажется больше, чем горой мышц, с вдолбленной в голову любовью к родине. Наверное, только после этого неприятного воспоминания и щемящей боли в груди, начинаешь понимать настоящее значения слова "человек."

«Они не слабые, а хрупкие... Такая короткая жизнь и столько боли всего на век!»

— Мы не знакомы, — Фьюри протянул руку девушке. — Я старый приятель Стива. Вы могли бы нас оставить?

От его крепкого рукопожатия так и разило эмоциональным холодом. Какие усилия Рейн не предпринимала, чтобы залезть в его голову, ничего не выходило. Его подсознание было натренировано на хранение секретов — против такого даже касания не помогают.

«А я надеялась на удачный поворот событий», — разочарованно промелькнуло в голове.

— Да, конечно. Тем более, что я зашла переждать ливень.

— Он уже кончился.

— До свидание. — Рейн подобрала свои пожитки и направилась к выходу.

Стив, явно не испытывающий никакой радости от присутствия своего старого друга, посмотрел на муспелу и сказал с воодушевлением:

— Завтра спортзал открыт.

Девушка нацепила куртку и направилась в сторону метро. Её все еще терзали пережитые чувства и, как назло, понемногу мучила совесть. Вплоть до сегодняшнего дня она даже не задумывалась, что из-за этого «гениального плана» могут пострадать невинные люди.

«Невинные? Да что с тобой! Нужно срочно переключиться. Этот мир, он делает меня слабой и... он очень красивый...»

Прежде, чем Рейвен проснулась, Локи пробрался в её комнату и снял с шеи увесистый кулон с синим камнем. Затем разбудил свою союзницу и объяснил элементарные правила Мидграда. Едва дверь захлопнулась за ней, Локи вынул кулон из кармана, с гордостью отметив, что магия сокрытия работает превосходно.

«Несколько дней, а она даже не заметила его. Прекрасно!» — йотун сжал уменьшенные артефакты указательным и большим пальцами, и покрутил в руке. Сила и могущество, исходящие от огня и льда, соединенных вместе так и норвила просочиться наружу.

— Что же, нам недолго оставаться здесь. Как только я обдумаю, как подойти к этому делу с должной ответственностью и осторожностью, — Лафейсон подкинул кулон в воздух и тут же поймал его за струящуюся серебряную цепочку. — Ты будешь очень полезен.

Локи поднялся со своего, ставшего любимым, места. Ему, правда, пора бы задуматься о том, как заставить Рейвен принять командование над целой армией огненных великанов. Магу и самому хотелось бы сделать это, отчасти потому, что бог лжи не доверял никому, но к его великой печали у огненного царства не может быть ледяного короля. Если верить написанному в древней книге, командование над великанами и проклятыми Муспельхейма, мог принять только законный, в данном случае лишь на половину законный, наследник. И лишь после смерти правящего короля.

«В этом заключается вся проблема, — размышлял он несколькими минутами позже, обтираясь махровым полотенцем после принятия горячей ванны. — Нужно заставить убить её всю семью ради матери, которую она даже не видела. Зная Рейн, я бы сказал, что она не пойдет на такое. Нет, здесь нужна деликатность. Я подведу её к этому медленно, но опять же — все не без погрешности. — Локи прошел в свою комнату: он достал из шкафа черный брючный костюм, решив, что пора бы немного изменить свой стиль. — Нужно попытаться стать ей... другом. Но постепенно и немного позже».

Когда все пуговицы на пиджаке были застегнуты, Локи вернулся в гостиную. Он включил телевизор в поисках каких-нибудь новостей. Если где-нибудь в Мидгарде творится хаос и беспорядки, он обязательно должен знать. В конце-концов не только люди со своей мнимой свободой действий способны устраивать демонстрации и митинги — викинги из Ванакхейма и еще несколько видов существ, на время поселившиеся на Земле, способны устроить хаос не хуже прочих.

Локи переключил около семи новостных каналов, и уже начал думать, что все идет по плану и его присутствие останется незамеченным, когда магу попался «экстренный выпуск новостей» на 102 канале. Девушка, сидящая за синим округлым столиком говорила нудным механическим голосом:

— На Барристан-роуд заблокировано несколько улиц. С самого утра и до этого часа люди не могут попасть на работу. Местные жители опасаются выйти на улицу из-за толпы демонстрантов, одетых в средневековом стиле и угрожающих прохожим, цитата, «адским пеклом» и жестокой расправой». Слово нашему специальному корреспонденту Джиму Холдену.

Маленький монитор с изображением худощавого рыжего мужчины стал постепенно увеличиваться, пока полностью не закрыл милостивую блондинку из выпуска новостей.

— Добрый день, Реджина. Я нахожусь сейчас на Барристан-роуд, где толпа

озлобленных, я бы сказал викингов, бегают по крышам остановившихся машин и крушит витрины с электротехникой. К сожалению, у нас не получилось поговорить с кем-то из них и узнать цель бурного протеста...

— Идиоты! — Локи выключил телевизор.

Он чувствовал, что если посмотрит на это хотя бы на минуту больше, чем сейчас, то просто взорвется от гнева. Какие-то варвары разрушили его идеальную систему действий. Теперь Мстители могли с точностью до минуты сказать, что Локи находится в Нью-Йорке, — хаос начинается первым делом там, где появляется сын Лафея.

«Я надеялся запутать Тора и стаю его ищеек, видимо, не удалось. Ладно, посмотрим на это с другой стороны».

Ледяной принц еще раз подкинул цепочку вверх, превращая её в длинный золотой жезл. Точно такой же был у йотуна, когда он в прошлый раз намеревался поработить землю.

Маг зажал артефакт в правой руке, используя малую долю силы тессеракта, чтобы переместиться в еще одну безликую квартиру на краю города.

— Ёкай, — позвал он, когда оказался в маленькой двухкомнатной квартире специального агента Роберта Андерсона. — Ты подводишь меня. — голос Локи звучал абсолютно спокойно, хотя его настроение было прямо противоположным.

— Я знаю, но я не мог ничего поделать с этой толпой. — наконец подал голос мужчина. Он вышел из комнаты с целой кипой бумаг и папок. — Попробовал бы остановить разъяренных варваров, когда на тебе весит Щ.И.Т. и еще куча прочих существ. Им не терпится кинуться в бой, и я их понимаю. Кому понравится сидеть в подвале целыми днями или заполнять бланки?

Ёкай представлял из себя безликую бесформенную кучу пыли, туманную дымку, но имея сверхъестественную способность поглощать любую информацию, а вместе с тем и внешность существ, он недолго оставался в своем первостепенном виде. Ёкай — единственный представитель расы теней, оставшийся в живых после разрушения древа Иггдрасиль.

Сейчас он принял на себя облик сорокалетнего, невысокого, лысеющего мужчины с пристрастием к курению и зависимостью от сладкого с мучным. Со всеми своими недостатками этот мужчина обладал одной уникальной особенностью — он работал в штабе Фьюри.

— Вот как... — Локи, как всегда, принялся расхаживать взад-вперед по маленькой комнате.

Взгляд его изумрудных глаз с легкой подачи мазнул по заурядной обстановке квартиры: бледно-оранжевые выцветшие обои, непривычно яркая мебель с деревянными вставками и куча бумаг на компьютерном столе. — Однако из-за твоей оплошности Мстители теперь знают, в каком именно городе меня стоит искать. У нас осталось в два раза меньше времени. Утихомирь эту толпу и не допускай больше таких оплошностей.

— Я постараюсь.

— Как обстоят дела со спецслужбой? Выяснил что-нибудь?

— Не очень много, — виновато проговорил Ёкай.

— Говори.

— Пару дней назад Мстителей снова начали собирать со всех концов света в город, но... — Ёкай выудил из-под груды мусора помятый листок. — Они не досчитались в своей команде Халка и Тони Старка. Первый старательно прячется от всех после инцидента в

Токио, а вот второй сейчас где-то в Иране или Ираке. Щ.И.Т. не может определить его местонахождение.

Услышав это, Лафейсон не мог сдержать ухмылки:

«Отлично, мстители лишились своих самых лучших игроков. Передавить их как букашек — не составит никакого труда».

— И еще... — сказал тень, когда Локи уже собирался уходить.

— Да?

— Я хотел узнать, когда вам вернуть плащ-доспех. Я зашил его титановой нитью — это единственные нитки, которые подошли.

— Вышли его завтра утром. На этом всё.

«Ёкай довольно полезный союзник и достаточно верный, чтобы позволить ему жить и участвовать в моей миссии. Чего, правда, не скажешь об этих варварах. Им нельзя вступать в бой, по крайней мере не в эпицентре событий... Как же с ними поступить?»

Локи описал круг по комнате: прошелся от барной стойки на кухне до окна у восточной стены. Йотун вновь вглядывался в призрачные очертания далёких, успевших порядком поднадоесть, улиц и дорог.

В голову Лафейсона вдруг пришла забавная мысль по отношению к людям: начнись вторжение великанов прямо сейчас, то единственное что людишки догадались бы сделать, так это закричать и броситься наутёк. Глупая раса с коротким жизненным циклом — нельзя ожидать от них большего.

— В этом Рейн права — глупцы, трусы и бюрократы. Никчёмный вид с никчёмной иллюзией о свободе выбора и жалкими достижениями.

Йотун мельком глянул на часы, стоявшие на самом верху стеллажа с книгами; дневное время уже начало плавно перетекать в вечернее. Стрелка часов указывала на без пяти четыре.

«Она задерживается, — констатировал трикстер, возвращаясь в центр гостиной. — Сколько нужно времени, чтобы достать несколько мыслей из головы такого человека, как наш капитан? Не думаю, что настолько много. В любом случае, не могло случиться ничего плохого... Если повезет, Щ.И.Т еще долго не узнает лица Рейвен. Так где она пропадает?»

— И что всё это время делать мне? — Локи лёг на кожаный диван, запрокинув руки за голову, и уперев взгляд глаз-океанов в белоснежный потолок.

Эта серо-белая обстановка в гостиной с небольшим пробелом, состоящим из чёрной барной стойки, понемногу начинала напрягать его. Конечно же, Ёкай нашёл наилучший вариант: здание недалеко от башни Старка, за которым служба Щ.И.Т. а не ведёт постоянное бесперебойное наблюдение, но порой здесь становилось просто скучно.

Локи закрыл глаза. Мысли в его голове постепенно приобретали привычный характер, давая пространство для деталей и возможность рассмотреть всё под новым углом. В беспорядочном непоследовательном плане трикстера явно не хватало нескольких деталей. А если быть совсем точным, то богу хаоса нужен был несовместимый с его натурой порядок.

«Проведя с ней несколько дней бок о бок, что я понял? Первое — Рейн лучше не злить, хоть это и приносит определенную пользу. Второе — ярость, гнев и желание неведомой мести питают её как никакая магия на свете. И она хочет убить Одина ради власти... Но не для себя, а для своего отца Сурта.э. А хочу ли я смерти Одина? Фригге будет больно... А Тору? — с этим вопросом ему еще предстояло разобраться. Локи провел рукой по волосам, приняв сидячее положение, и пытаясь понять, чего же он хочет больше: причинить боль Тору или не причинить её Фригге? Эта битва между желанием и возможностью продолжалась около минуты. Затем йотун потрянул головой, решив, что разберется с этим по мере возможности: сейчас ему как никогда было необходимо подумать о том как совместить несовместимое и притворить безумную идею в жизнь. — Третье — не так уж и сильно Рейн ненавидит этот мир... Может стоит сыграть на этом? Если верить мифам, то этот Сурт тот еще тиран. И если именно он внушил ей ненависть, то...»

Локи почувствовал едва уловимую вибрацию в воздухе, вырвавшую его из объятий

собственных размышлений. Мужчина моментально напрягся, пытаясь понять, от кого или чего исходит такая энергия.

Йотун подкинул в воздухе цепочку из меча и тессеракта, на лету превратившуюся в магический жезл, и поймал её.

— Рейвен? — совершенно спокойным голосом, спросил он.

— Вы ждали кого-то другого? — послышался позади голос специального агента Андерсона.

— Мне кажется, две встречи в один день это уже черезчур, — ухмыльнулся йотун, поворачиваясь к мужчине лицом. Сейчас он выглядел не совсем материальным: какие-то очертания тела сохранились, но ни лица, ни определенных человеческих контрастирующих между собой цветов не наблюдалось — Ёкай вновь был тенью.

— Я отлучился всего на несколько минут, чтобы сообщить вам новость. — начал он, разжигая в Локи любопытство вперемешку с беспокойством. Если Ёкай, зная, что в облике тени он уязвим, решил появиться в этом виде перед Локи, случилось что-то серьёзное. На долю секунды в голову трикстера проскользнула мысль, что что-то случилось с Рейн, что они каким-то образом узнали кто она на самом деле и схватили девушку. В таком случае всему пришёл бы конец, но потом тень заговорил, снимая напряжение с мага. — Фьюри собрал мстителей в штаб квартире на окраине Нью-Йорка. Утренний инцидент встревожил их гораздо сильнее, чем мне показалось вначале. Мне удалось подслушать, что они собираются отследить Вас и девушку любой ценой...

— Что еще? — перебил трикстер, не желая больше ждать.

— Пока что это всё. Я подслушаю остальное и сообщу.

— Хорошо, но даже не думай появляться здесь. Я в ближайшее время тоже не появлюсь. Нужно залечь на дно, поэтому звони.

— Хорошо, — послушно выдал Ёкай, но по его виду нельзя было сказать, что разговор окончен. Тень собирался напомнить йотуну об уговоре.

— Что еще? — предвидя его вопрос, с лёгким раздражением в голосе спросил Локи.

— Когда девчонка раздобудет для тебя армию, и ты получишь то, что хочешь... — начал тот, густой черной дымкой растворяясь в воздухе. — Не забудь о своём обещании и отдай мне тессеракт теней.

— Я помню. — отмахнулся трикстер, невольно вспоминая первую их встречу и это проклятое обещание, которое он не намеревался исполнять. В противном случае, миры получают еще один вид, жаждущий мести и кровавых жертв. С этой проблемой тоже предстояло разобраться.

— Если забудешь... я забуду о своей клятве подчиняться и уничтожу тебя. — эхом отскочило от стен, а затем, еще одна вибрация магии, и тень растаяла, будто её никогда не было.

— Это мой меч? — с лёгким возмущением в голосе спросила Рейвен. — Что ты с ним сделал?

Дверь со скрипом захлопнулась, затем послышались неторопливые шаги девы.

— Опаздываешь... — подкидывая в воздухе жезл, проговорил трикстер.

Оружие в его руке уменьшилось до крохотных размеров. Теперь тессеракт и меч представляли собой закрученное кольцо в форме змеи с синим сапфиром во рту.

Почти неделя прошла после того как Локи сбежал, и о нём ничего не было слышно. Тор уже было начал надеяться, что Фригга была права, и он не станет мстить, что Локи понял всю ничтожность своих попыток мести и сбежал лишь ради обретения свободы. Одинсон собирался двигаться дальше, в другие миры, чтобы поискать своей мечтательной теории оправдания, когда в его комнату в штаб-квартире вошла секретарь Фьюри и сообщила об инциденте на улицах города.

«Локи... что же ты творишь, брат? Ради чего?» — тут же подумал мужчина.

Он ни на секунду не сомневался в том, что это именно его рук дело. Те воины оказались сбежавшими преступниками из тюрьмы Асгарда. Половину из них Тору удалось переправить обратно в царство вечности, но большая часть пленников сбежала. Как и предполагал Тор, никто из них точно не знал, для чего их отправили в этот мир и кто конкретно это сделал — Локи достаточно было лишь заложить в их голову идею о развитии восстания на других планетах, и они в слепом неведении повиновались своей варварской природе.

Этим вечером директор Фьюри собрал откликнувшихся мстителей в главном зале, напомнившем Тору зал собраний на летающей крепости, в которой он побывал в прошлый раз, когда Локи совершил сход на землю, чтобы попытаться предугадать действия его брата.

— Ситуация снова повторяется... — говорил Фьюри, когда Тор подошёл к назначенному месту. Сын Одина окинул коротким взглядом всех присутствующих: Наташу Романофф, Сокола, кэпа, Фьюри и еще нескольких агентов спецслужбы, и сел на свободное место, рядом с Роджерсом. — Но на этот раз мы не имеем ни малейшего представления о том, что задумал Локи. На этот раз он действует скрытно. Настолько скрытно, что мы не можем засечь его ни с одного спутника.

— Верно. Ему незачем показываться где-либо самому, если у него в руках послушная марионетка, готовая на всё ради своего хозяина. — начала было Наташа, и Тор был готов с ней согласиться.

Локи опасен, а если у него уже есть союзники, то он опасен вдвойне.

— Знать бы где он... Я бы с ним с удовольствием поквитался. — подхватил Бартон.

У каждого из мстителей были свои счёты с братом Тора еще с прошлого раза, а после сегодняшнего дня все обострилось в несколько десятков раз.

«Одно хорошо — мы будем сильны как никогда, даже если Старк и Беннер так и не объявятся».

— Без сомнения, у каждого есть счёты с моим братом, но мы не имеем точного представления о том, что он здесь. Возможно, это не его рук дело.

— А чьих тогда? Ты сам с утра сказал, что это точно он, Тор. Тем более, насколько я успела узнать Локи, этот хаос вполне в его стиле. Зачем тогда его оправдывать? Или не его, а просто тот факт, что ваша тюрьма не такая уж и надежная, раз самый отъявленный психопат умудрился сбежать с целой шайкой...

— Успокойся, Нат. — сказал Клинт и как раз вовремя, потому что Тор буквально чувствовал как начал выходить из себя. Одинсон понимал их злость из-за нарушенного обещания, но где-то в глубине души всё еще пытался найти Локи оправдание.

«В конце-концов, пока что еще никто не погиб. — успокаивал он себя всю неделю, но эта призрачная мысль всегда перетекала в одно слово. — Пока».

— Вы закончили? — Фьюри махнул рукой в сторону большого компьютерного экрана, на котором был изображен приблизительный портрет союзницы Локи. — Нам ничего не известно ни о планах Локи. Ни о его местонахождении...

— Иначе говоря, нам неизвестно ничего. Так, директор Фьюри? — ощерился Капитан Америка, скрестив руки на груди.

— Иначе говоря, так. Но мы знаем, что это затишье перед огромной бурей. В прошлый раз у Локи была армия и тессеракт. Сейчас у него союзница, тессеракт и огненный меч Суртура. Очень сильные составляющие. Но он медлит. Вопрос: почему он медлит? — Фьюри обвел взглядом всех присутствующих, давая понять, что на этот вопрос предстоит ответить именно им.

— У него нет армии. — рискнула предположить Наташа. — Он ждёт, когда они пребудут на землю. Но для этого ему снова нужен портал.

— Почему тогда он не взял под контроль ученых, и не создает его? — спросил Бартон, глядя на Раманофф.

— Мы не можем этого знать, но в любом случае он либо уверен, что обойдется без них, либо уже строит его.

— Отлично, значит на этот раз его планы еще более туманные, чем тогда? — снова спросил Бартон, но ответа ему не суждено было дожидаться. В разговор мстителей снова встрял Фьюри.

— Отлично. А вот что на счёт его марионетки? — спросил одноглазый директор Щ.И.Т.а.

— Я бы так не сказал. — наконец-то разговор пошёл о том, в чем Тор более или менее разбирался. — Насколько я помню, огненные великаны довольно своенравный народ и не привыкли кому-либо подчиняться. Я думаю, что Локи медлит потому, что переманивает девушку на свою сторону. С муспелами очень трудно работать сообща, они верны только своему народу и наши виды всерьез не принимают. Но они еще и очень злы на Асгард и Мидгард.

— За что? — заинтересованный речью Тора, спросил кэп.

— Они считают, что мы отнимаем у них власть.

— Замечательно, — фыркнула чёрная вдова. — Теперь где-то поблизости разгуливает парочка первоклассных психов-убийц с неотвратимой жаждой мести и магическими способностями. У кого-нибудь есть идеи, как помешать их планам?

— Этим мы и занимаемся в данный момент. Я рискну предположить, что Локи нужно знать, что мы собираемся предпринять, и он зашлёт своего шпиона к кому-нибудь из мстителей... Кстати об этом, — Фьюри подозвал к себе специального агента Маршал и что-то шепнул ей на ухо. Женщина кивнула и вышла из зала заседания. — Кто была та девушка, которую я видел у тебя утром, кэп?

— А она здесь при чем? — в голосе «Америки» сквозило странное непонимание.

— Вам не кажется подозрительным, что в самой отдаленной части города, в вашем спортзале, где никогда и ничего не меняется, вдруг появляется кто-то новый? Как раз в тот период, когда по улицам разгуливают два бога, один из которых очень подходит по описанию к той особе?

— Не думаю, что она та, кто нам нужен, Фьюри. — возразил возмущённый Стив, Тор буквально на себе чувствовал его раздражение. И, как ни странно, понимал это чувство — у Ника Фьюри слишком много тайн, столько, что он начинает выискивать их во всех и вся.

— В любом случае, если снова объявится, не спускайте с неё глаз и следите за обстановкой. Это всех касается.

— Подождите... Вы хотите, чтобы мы вернулись к своей повседневной жизни и следили за странностями? Вот так просто?

— У вас есть какие-то другие идеи, агент Романовф?

— Нет, директор Фьюри.

— Самый лучший вариант для «Мстителей», это не высовываться и ждать, пока он где-нибудь просчитается. На этом можно завершить наше собрание.

«Опаздываешь...» — чувствуя лёгкое раздражение, мысленно фыркнула в ответ Рейвен.

Локи было легко судить о времени, ведь он весь день сидел в квартире и ничего не делал, а она рисковала быть обнаруженной или заблудиться в этом большом и странном городе на протяжении всего дня. Рейн собиралась выразить свою мысль вслух, когда огромный жезл в его руках стал маленьким, едва приметным колечком. Дева не смогла сдержать вдоха удивления.

Она стянула с себя пыльную куртку и подошла к Локи ближе, чтобы убедиться в правдивости увиденного.

— Как... как ты это сделал?

Трикстер, видимо, не ожидающий прилива любопытства со стороны Рейн, невероятно быстро нашёлся. Он улыбнулся одной из загадочных улыбок, и зажал кольцо в левой руке.

— Сперва расскажи, что ты узнала за это время. Тебя долго не было. — ему, казалось, действительно было любопытно.

Чего не скажешь о муспеле, ведь их встречу со Стивом прервали, и девушке так и не удалось узнать ничего, что было бы хоть сколько-то важно. Ничего, что было важно для Локи — так звучит точнее.

Сама она убедилась в глубине человеческих чувств, узнала, насколько долго они хранятся в памяти и насколько сильной может быть моральная боль в этом слабом теле...

— Ну... — протянула она, вперив взгляд нефритовых глаз в черную барную стойку. — Есть что-нибудь поесть? Я жутко голодная.

— Так ты узнала, что-нибудь полезное? Или нет? — видимо предчувствуя её провал, ухмыльнулся йотун.

Локи поправил галстук, затем развернул кресло в сторону кухонной части огромного зала и сел на него.

— Ты приоделся? Мне кажется, в твоих доспехах тебе было лучше.

— В холодильнике есть мороженное и фрукты. — проигнорировав её замечание, указал трикстер.

— Отлично. — как можно медленнее идя к намеченной цели, выпалила Рейвен.

К несчастью, чтобы расправиться с зеленым яблоком, ей потребовалось меньше пяти минут. Потом пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы говорить спокойно. В конечном итоге, ей не впервой крушить все ожидания и надежды в прах.

— Вообще-то он очень одинок... — неожиданно, даже для самой себя, сказала дева.

Она облокотилась о деревянный столик, скрестив руки на груди. Секундой позже, она пожалела о том, что сказала эти слова. Хотя Локи, вдруг, счел нужным промолчать, девушка почувствовала себя слабой и неуверенной. Вот что этот мир делает со всеми!

— Я ничего не узнала, — после неловкой минуты молчания, призналась дева. — У него в голове ужасная каша из воспоминаний и морального нытья. Я начала пробираться через неё, но нас прервали.

— Кто же? — спросил трикстер.

Рейн показалось, что в его голосе звучала скука. Такая, когда ты уже знаешь ответ на вопрос, который задаешь.

— Тот одноглазый... Фьюри, кажется. Люди, есть люди, но даже по моим меркам он

жуткий тип. Я пожала ему руку, но все равно не смогла прочитать ни одной мысли.

— Хорошо. — подытожил трикстер. Он подкинул в воздухе кольцо и тут же поймал его, глядя на то, как Рейвен смотрит на артефакт.

— Как ты это сделал? С помощью какой магии?

Локи молчал с пару секунд, что-то обдумывая, затем разжал руку, взглядываясь в синий сапфир в пасти змейки, и наконец сказал:

— Я мог бы тебя научить, если ты научишь меня читать мысли. Этот навык очень полезен и может пригодиться.

— Я бы с радостью, — уклончиво начала девушка, — но это не так просто, как кажется.

— Как и это. — сжимая кольцо указательным и большим пальцами, произнёс Локи.

— Ладно, ладно... Но на это нужна практика, и много. — девушка развела руками. — У меня ушли годы на то, чтобы научиться концентрировать нужную энергию и оставаться незамеченным, когда копируешь воспоминания... Давай так, сперва ты учишь меня, а затем я тебя.

— Э-э, нет. Так не пойдет. Что если, научившись моей магии, ты не захочешь учить своей?

— Тоже самое могу сказать о тебе.

Локи и Рейвен смерили друг друга долгим взглядом, стоя на своем каждый, но где-то тысячную долю секунды спустя, оба ухмыльнулись только им одним понятной иронии. Никто не хотел уступать, думая о подготовленном мини-предательстве и хитрости.

— Мы могли бы потренироваться сперва с тобой, потом со мной. Каждый понемногу.

— Справедливо. — согласилась девушка, слегка ошарашенная тем, что трикстер так быстро согласился. — Когда начинаем?

— Прямо сейчас, не хочу терять время. Принеси ложку.

— А её-то зачем?

— Хочешь тренироваться на себе? Нужно начать с чего попроще.

Рейн не стала ничего говорить в ответ, просто молча взяла ложку из столешницы и села на диван. Мгновенье спустя Локи опустил по левую руку от неё и начал излагать свою теорию о трансформации предмета. Основную часть Рейн пропустила мимо ушей, все еще не веря тому, что «великий и ужасный принц» может вести себя вполне вежливо по отношению к другим. В общем, ей было даже скучновато без вечных перепалок, к которым она так привыкла. Хоть Рейвен и жаловалась на вечные интриги и подколы в их непростых едва ли союзнических отношениях, они закаляли муспелу.

— Надеюсь, все ясно. — заключил он, возвращая Рейвен к действительности.

— Ты мог бы объяснить попроще? — зажав ложку двумя пальцами и уставившись на неё нефритовыми глазами, спросила Рейн.

Локи издал такой вздох, как будто был готов закатить глаза, а потом расстрелять весь мир. Видимо он не привык объяснять что-то дважды. Ясное дело, Рейн с радостью убила бы Локи, попроси он повторить её уже сказанное.

— Где ты витаешь? Только не говори, что думаешь о «нелегкой судьбе капитана сосульки». — с каким-то необычным раздражением, спросил трикстер.

Рейн, хоть и не из числа трусливых, но всё равно не решилась посмотреть на его лицо.

— Что? Нет. Какая... капитана кого?

— Ладно. — оборвал трикстер, перехватывая ложку из руки Рейвен. — Просто представь какой-нибудь предмет четко и ясно: форму, цвет, вес, плотность... Подумай об

этом с минуту и позволь магии сделать всё за тебя. Не нужно менять сущность предмета, только его вид. Смотри.

Локи посмотрел на ложку, и её тут же обвилось легкое золотистое свечение, а когда оно растаяло, столовый прибор стал бронзовой зажигалкой с выгравированным львом на боковой стороне.

Глядя на развернувшееся прямо перед её глазами представление, Рейн как маленький ребёнок вновь не смогла сдержать восторженного вздоха. Локи подметил это, но, как и в прошлый раз, лишь улыбнулся одним уголком рта.

К счастью, сейчас муспела была полностью поглощена обратной трансформацией предмета и не подметила еще один лишний раз, что трикстер сегодня какой-то уж слишком добрый. Чуть ли не обаятельный, конечно, по сравнению со своей более ранней версией.

— Как я и сказал — на этом нужно сосредоточиться, а не заикливаться. — отнимая неудачный гибрид зажигалки и ложки у Рейн, сказал он.

В голосе ледяного принца так и чувствовался прилив энергии, вызванный ощущением собственного триумфального превосходства.

«Посмотрим как ты справишься с моей магией», — в своих мыслях Рейн уже представила, как йотун корчится от невероятного усилия, чтобы достичь хоть каких-нибудь результатов по части телепатического волшебства. Это было довольно забавно даже в мыслях, а в жизни Рейн предстояло помучить трикстера теорией.

— Твоей магии с меня на сегодня хватит... Пошли на крышу.

— Почему не потренироваться здесь? — слегка застигнутый врасплох, спросил маг.

— Нас ждёт длинная теория, а эта обстановка не очень ей благоволит.

«Неужели всё приходится объяснять?»

Муспела присела возле самого края крыши, скрестив ноги. На этот раз йотун пристроился справа от неё на расстоянии вытянутой руки. Рейвен молчала где-то с минуту, воскрешая в памяти успевшие истаскаться воспоминания о прочитанном когда-то томике по искусству магии.

— Как я и сказала, это не очень просто. У этой магии, честно говоря, не помню как она называется, несколько этапов обучения. На первом ты учишься читать мысли с помощью касания. Когда освоишь это мастерство, то учишься воспроизводить все из чужой головы в свою на расстоянии. А в завершение обучения, учишься концентрировать магию так, чтобы проникновение осталось незамеченным.

— И ты научилась управлять каждым процессом? За сколько? — скептически потянул трикстер.

— Кажется, ты не понял, о чем я говорю. Эта магия неоднородна, даже если освоишь все три этапа, тебе все равно придётся совершенствоваться. Чем больше практикуешься, тем меньше сил и времени это отнимает. В моём мире был колдун, который мог читать мысли на две лиги вокруг, никого не касаясь. Такого уровня, если кто-то вообще изучает магию, добиваются очень редко. Я могу читать мысли, но хорошо получается только через касание... И то не всегда.

Признать своё поражение на этот раз оказалось намного легче, чем когда бы то ни было. И хотя Рейн говорила «Это трудно для меня», она имела в виду «Это будет адский труд для тебя. Может быть, подумаешь, прежде чем приступать?».

Лицо трикстера оставалось непроницаемым. Он ждал продолжения лекции, поглощая знания как послушный ученик-ботаник.

— Чтобы залезть в чью-то голову, тебе нужно примерно знать что представляет из себя человек: о чем чаще всего думает, как ведет себя в разных ситуациях или какой у него образ мыслей. Это помогает ускорить процесс. Потом ты должен представить, что именно хочешь «прочитать» и освобождаешь свою естественную магию, пробираясь к нужным мыслям сквозь дебри из воспоминаний. И да, чем больше точек соприкосновения, тем сильнее связь.

— И всего-то? Я думал, что это будет сложнее, — трикстер ухмыльнулся, и Рейн тут же захотелось издать такой же измученно-яростный вздох, какой секунду назад издал сам Локи.

— Всего-то?! Ты хоть представляешь как это сложно?! Я ничего не сказала об эмоциональном переносе? Чтобы добраться к сокровенным мыслям, тебе нужно будет прожить кучу воспоминаний и почувствовать каждую эмоцию на своей шкуре. Если не научишься блокировать это, то будешь чувствовать всё, начиная моральной и заканчивая физической болью.

— Думаю, что сегодня мне это не пригодится. У нас нет подопытных, если конечно, ты не хочешь.

— Мне нечего скрывать. — махнула рукой Рейн, уверенная в истинности своих слов. От части потому, что делала все ставки на провал ледяного принца.

Никто с первого раза не может научиться читать мысли, если нет врожденного таланта или хотя бы его зачатков.

Локи придвинулся чуть ближе, чтобы взять Рейвен за руку. Секунду спустя их пальцы сплелись, от теплого незнакомого касания по коже девушки пробежались лёгкие электрические мурашки, но больше ничего не произошло. Какое-то время Рейн и Локи сидели в абсолютном молчании, затем Рейн разорвала физический контакт, вытирая вспотевшую ладонь о грубую ткань джинс.

— С первого раза ни у кого не получается. — изо всех сил скрывая триумф в голосе ради негласного перемирия, произнесла дева.

На что Локи спокойно ответил:

— Давай попытаемся снова.

— Ладно. Если ты задумал убить меня через рукопожатие...

Рейвен села на своё место, давая Локи возможность сплести свои пальцы с её. Йотун сосредоточено закрыл глаза, его губы превратились в одну тонкую линию. Настолько ровную, и совершенную, что в свете закатного солнца он казался фарфоровой куклой.

Рейн начинала пробивать до ужаса приятная мелкая дрожь от знакомого чувства победы, она уже было начала думать о чём-то вроде «Ты тоже ничего не смог», когда сознание затопили давно забытые картины из прошлого. Появились сперва едва уловимые, а затем вспыхнувшие ярким пламенем ощущения бесконечного одиночества, боли и тоски.

" Рейвен около тринадцати лет по календарю Мидгарда. Она никак не может уснуть в несоразмерно огромной с её хрупким телом каменной кровати с неудобной старой периной, а где-то за дверью слышатся громкие отчетливые шаги, затем металлический лязг старых дверных шурупов.

— Какое уродство! — возмущенно говорит Синмара, новая жена бывшего правителя девяти миров. Она и понятия не имеет о том, что предмет её насмешек совсем не спит и слышит каждое сказанное слово. Хотя, даже если бы и знала, изменило бы это хоть что-то?

— Маленькая розовая личинка... Зачем тебе оставили жизнь? Ты напоминание о позоре, который не смыть с нашей расы. Говори, что хочешь, маленькое чудовище, но во сне ты становишься как твоя Асгардская мать — вырождаком.

Каждое слово эхом отдаётся в мозгу, проносясь нестерпимой почти физической болью. К горлу подкатывает солёный ком, настолько крупный, что кажется невозможным сказать что-либо. Но единственное, что Рейвен ощущала тогда и сейчас — это ярость. Ей хочется крови Синмары и её вырождков...

"

— Прекрати! — настойчивым внезапно осипшим голосом, выпалила Рейвен.

Локи застал её врасплох, поэтому дева не успела вовремя заблокировать сокровенные воспоминания. В таком состоянии у неё это вряд ли получится, поэтому муспела решила разорвать физический контакт и тем самым оборвать и эмпатическую связь тоже.

Девушка выставила вперед свободную руку в тщетной попытке оттолкнуть йотуна, но он будто предвидел её действие и схватил Рейн за шею. Его холодные бледные пальцы разжигали настоящий пожар под кожей, заставляя пульс участиться. Это было неожиданно и приятно, в отличие от воспоминаний, которые Локи пытался откопать.

— *Я не подведу тебя, отец. Я поклянусь чем угодно, только позволь мне возглавить восстание в одном из миров. Доверь мне эту благородную миссию, и я приведу нас к победе, верну тебе законный трон.* — Рейвен склонила голову, замерев в ожидании ответа.

— *Лучше доверить это Мирхеймскому «червю», чем какой-то полукровке, отец.* — подал голос сын Сурта и Синмары Август. Он относился к своей миниатюрной сестре с таким презрением, не сравнимым по силе даже с ненавистью Синмары и её ехидной дочери Миропы. Каждый раз, глядя на него, Рейн могла думать лишь о ранениях, которые он наносил ей в детстве на тренировках.

— *Август прав. Мы не можем довериться тебе полностью. Воля миров сильнее твоей, они могут переманить тебя.* — молвил Сурт, каждый раз вставая на сторону своих родных детей и законной жены.

— Я сказала — хватит! — с силой толкнув Локи в плечо, крикнула дева.

Йотун с какой-то маниакальной жаждой поглощал каждое подвернувшееся под руку воспоминание, как назло выуживая из мрака самые болезненные и неприятные. Мужчина старался усилить количество точек соприкосновения, поэтому двигался всё ближе и ближе. От его тела исходил поистине адский жар: от кончиков его пальцев в волосах Рейвен и на её руке, от шеи, в которую муспела вцепилась в напрасной попытке оторваться от мага.

В перерыве между пережитками прошлого Рейн умудрилась вспомнить свой первый опыт чтения мыслей. Это было не так болезненно, но она тоже не могла остановиться — её мучила такая сильная жажда знания, какую пробуждает недельное отсутствие воды у обитателей пустыни. Скорее всего, с Локи происходило тоже самое. Его нельзя было винить, но все же...

Трикстер притянул девушку к себе, обжигая горячим мятным дыханием. Мгновение спустя их губы слились в страстном поцелуе, Рейвен моментально обмякла в руках мужчины, перестав сопротивляться. Это касание было таким приятным, таким нежным и непривычным. Девушка могла поклясться, что ощущает бесконечность течения времени и материю вселенной... Это было восхитительно, и даже больше того! Ей хотелось бы, чтобы это чувство не покидало её тело никогда. Но затем в голову Рейвен начала пробираться едва уловимая тень осознания: она напомнила ей, кто она сама и в чьих объятиях сейчас находится.

«Какого черта?!» — как только смогла прийти в себя, вспыхнула муспела.

Она заметила, что хватка Локи ослабла и тут же воспользовалась этим, чтобы

высвободиться. Дева медленно поднялась на ноги и что есть силы врезала Локи. Удар пришёлся ему на переносицу, но из-за того, что деву била крупная дрожь от только что пережитых кошмаров, видимых повреждений он не нанёс.

— Рейвен. — Локи тоже все еще не мог прийти в себя, но уже пытался подобрать оправдание.

— Я тебя ненавижу! — сиплым голосом прокричала Рейвен и бросилась к двери.

Не в её правилах убегать, но она знала, что если расплчется прямо на его глазах, то будет выглядеть еще более жалко и никчемно, чем уже есть.

«Мне нечего скрывать». — издевающимся тоном проворковал внутренний голос, и он же велел заткнуться.

До того самого момента, как у Локи получилось прочитать её, Рейн правда думала, что ей нечего скрывать — она ошиблась. Так не вовремя проснувшаяся человеческая сущность воспринимала всё намного острее и всё, что раньше казалось таким неважным и незначительным вдруг обретало свой вес. В том числе и боль.

Муспела захлопнула дверь в свою спальню, оседая на пол и поджимая колени к груди.

— Ты должна быть сильной... Перестань плакать. Хватит, хватит, хватит!

На тот момент, когда их руки соприкоснулись, Локи уже знал какие именно воспоминания и знания он должен вытянуть из головы Рейвен. Он знал и то, что она никогда в жизни не выдаст их добровольно, поэтому придётся действовать, руководствуясь лишь собственной хитростью, надеясь, что удастся скрыть свои истинные намерения. Лафейсону потребовалось приложить немало усилий, чтобы проникнуть в голову муспелы и еще больше, чтобы начать «читать» её память. Это было крайне проблематично, ведь вся сущность Рейн с раннего детства была приучена защищаться от любых посторонних воздействий.

«Здесь нужно что-то еще... Нужно что-то помимо воли, чтобы облегчить себе задачу», — прикинул он, снова сцепляя их руки и сконцентрировавшись на поставленной задаче.

Йотун сжал ладонь девы немного сильнее, чем следовало бы, и это сработало, отвлекая девушку и разрушая баррикады её защитного механизма. Локи уцепился за эту прореху, как за спасательную соломинку и немедленно вторгся в её сознание.

«Нужно повергнуть её в шок», — решил он про себя и тут же вытянул на свет одно из многих болезненных воспоминаний детства Рейвен, за которое только смог ухватиться. Он рассчитывал отвлечь её, пока будет копаться в хранилище знаний, но не ожидал, что прожить жизнь другого человека будет настолько больно и одновременно познавательно.

На какое-то время Локи будто бы превратился в Рейн: он видел, слышал и чувствовал все, как воспринимала это она. Трикстеру было безумно жаль разочаровывать своего правителя одним лишь своим существованием, он верил и надеялся, что если станет лучше, то отец полюбит его и сможет наконец-то принять как равного себе...

«Сосредоточься!» — скомандовал он и вдруг почувствовал ярость и гнев при виде своего... брата Рейвен.

Локи поспешил выбраться из этого воспоминания, заранее зная, что его будет недостаточно, чтобы Рейвен не обратила внимания на вторжение в самый охраняемый отсек памяти. Локи подался вперед, впитывая в себя каждое полученное знание, чувствуя себя сломленным и преисполненным гнева. Его губы жадно впились в губы Рейвен, и на те короткие мгновенья защита девушки обрушилась с оглушающим треском.

На свет выплыло воспоминание, которое удалось скрыть от внутреннего взора девы:

Локи... Рейвен, маленькая Рейвен засыпает на руках у своего пока еще любящего отца. Он рассказывает ей сказки о величии своего собственного народа и решается открыть секрет, за который ему, возможно, придется заплатить жизнью:

— Мы не бессмертны, дитя моё. Ты знаешь, что мы как и все доживаем свои тысячелетия, но запомни и еще кое-что, — Сурт обводит взглядом огромный красный лес с белоствольными деревьями, затем продолжает, — нас можно убить. Я говорю тебе это, чтобы ты знала, что именно должна защищать. Никогда не позволяй задеть своё сердце. У нас это самое уязвимое место, если вырвать его из груди, то великан умрёт.

Огненный царь кинул взгляд на огромную округлую арку из черного мрамора, что так явно выделялся на фоне белых деревьев с пламенно-алой листвой, потом снова посмотрел на девочку в своих руках и тяжело вздохнув, проговорил.

— Надеюсь, мне не придется заплатить за твою жизнь своей...

Сурт собирался сказать что-то еще, но звучный, пропитанный гневом и отчаянием голос настоящей Рейны прервал это воспоминание. Локи грубо вышвырнули в реальность и одарили очередным ударом по лицу. Трикстер даже не успел прийти в себя после тяжёлого экскурса, как вдруг нагрянули последствия.

«Так вот о чем ты говорила...» — чувствуя адскую боль в груди и ощутив невыносимый груз эмоций, подумал трикстер.

Ему хотелось бы почувствовать триумф от ощущения собственной маленькой победы, но... он не мог. Ему вдруг захотелось как-то выказать сочувствие Рейн, понять её лучше, чем на два коротких клочка из памяти. Трикстера до сих пор мучила жажда и любопытство. Впервые за долгое время ему стало интересно, как сложилось бы его будущее, если бы Лафей принял его и держал в своём ледяном замке как бастарда, выполняющего каждое его поручение и терпящего насмешки остальных. Что бы он чувствовал, будь он абсолютно идентичен Рейн? Была бы его ненависть еще острее? Хотел бы он убить Лафея?

— Рейвен, — через какое-то время, придя в себя, произнёс Локи.

Он чувствовал себя странно уязвимым, будто вновь пережил свою собственную жизнь, но только в искаженном варианте.

— Чего ты еще хочешь? У тебя прекрасно получилось освоить мою магию. Тебе больше не требуется учитель. — Локи не мог видеть лица Рейн, но судя по её голосу, она плакала и приложила немало усилий, чтобы голос звучал более или менее ровно.

Лафейсон уселся на пол у её двери, подтянув одну ногу к себе. Внутри него теплилось странное чувство, будто его вырвали из мыслей дочери Сурта, но какая-то часть её сознания сохранилась в нём и требует, чтобы он испытывал груз непомерной вины за свою наглость.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Моё детство было таким же. — Локи не верил собственным ушам, что говорит это кому-то помимо собственного внутреннего «Я». — Я бы тоже ненавидел своего отца...

— Я знаю, что ты чувствуешь? — перебила Рейвен, находящаяся по ту сторону двери. — Конечно, ты знаешь, что я чувствую... Асгардец. Это последствия связи, но не переживай, потому что наутро всё это пройдет! — голос девы прервался на короткое мгновение, а потом она заговорила, повысив тон. — Твоё детство было таким же?! Я сильно сомневаюсь! Ты ненавидишь Одина лишь за то, что он лгал тебе всю жизнь. Я не ошибаюсь? Ты слишком глуп, чтобы понять, что он защищал тебя от правды, что все защищали тебя от правды лишь потому, что любили! Меня никто никогда не любил... и вряд ли, проснувшись завтра, ты вообще вспомнишь это ужасное чувство! Вряд ли ты осознаешь, каково жить в мире, который тебе не принадлежит! Не смей мне говорить о том, что ты знаешь, что я чувствую!

Голос Рейн был полон яда и боли. Она не скрывала этих чувств, не считая их несвойственными или недостойными проявления. Локи не нашелся, что ей ответить и решил оставить девушку в покое, надеясь, что добытые таким способом знания не скажутся на ней слишком сильно и муспела не уйдёт. Трикстер достал кольцо, оставив его под дверью.

Ему было над чем подумать.

Её слова раскатистым эхом прошли по разуму, задевая каждый доступный нерв:

«Я знаю, что ты чувствуешь? Конечно, ты знаешь, что я чувствую... Асгардец».

— Асгардец, — странно-уязвленный этим словом, повторил йотун. Он лежал в своей комнате, разглядывая белоснежный потолок, и никак не мог уснуть.

Прогнать воспоминания оказалось намного проще, чем чувства, засевшие глубоко внутри, и поджидающие своего часа, чтобы утопить Локи в своей бездне. Поэтому, чтобы не

податься внутренним разногласиям двух спорящих сущностей, трикстер перебирал в голове людей, называющих его Асгардцем в последний раз с подобным отвращением:

«Один не в счёт и все остальные тоже, для них оно чуть ли не повод гордиться. А Лафей назвал так только Тора. — Локи ухмыльнулся, закрывая глаза. — Выходит только для Рейны это слово едва ли не ругательство».

Ослепительные лучи рассвета ударили девушку по глазам не хуже пощечины от руки облаченной в стальную перчатку. Рейн подняла голову с мягкой подушки, отчаянно пытаясь прийти в себя после вчерашнего опустошающего шквала эмоций, захлестнувших её с невероятной мощью. Странно, но сегодня ей казалось, что не стоило реагировать на всё так остро, но то были лишь предположения разума. Щемящая боль в груди и неприятный осадок от вновь пережитого несчастного детства так и норовили дать о себе знать. Прошое, как сильно муспела не старалась его переиначить, открывалось совсем в ином свете при наличии обострённых чувств.

Дева опустила босые ноги на холодный пол, избегая смотреть в зеркало. Она уже заранее знала, что не увидит там ничего кроме опухшего лица и покрасневших от слёз глаз.

При всей своей стойкости и желании, она не могла вечно отрицать то, что было ясно даже глупцу:

Сурт её ненавидит. Всегда ненавидел. Этого не исправить.

Локи удалось вытащить это наружу, и уже не имеет никакого значения, специально он это сделал или все получилось само собой. Трикстер видел её с не самой выгодной стороны, поэтому Рейн нужно было срочно собраться с духом и притвориться, что прошое ничего для неё не значит. Нужно сосредоточиться на поставленной задаче и отомстить.

Рейн подошла к окну и не торопясь задернула шторы поплотнее, затем кинула взгляд на нетронутые сумки и бросила те на кровать. Девушка свалила все содержимое в кучу и принялась перебирать вещи, разделяя их по категориям.

Примерно через пятнадцать минут в стопку понравившихся упали всевозможные футболки, джинсы, платья, туфли, кеды и балетки. Другую же кучу украшали все вещи зеленого цвета. Рейн непреднамеренно зашвырнула их туда, как это делают капризные дети, выбрасывающие на помойку в порыве гнева все, что купили им родители. Чуть позже девушка схватила майку с эмблемой щита «Капитана Америки» и тёмно-синие джинсы, и потихоньку приоткрыла дверь.

«Значит, все еще спит», — с облегчением подумала Рейна.

Её зеленые глаза наткнулись на серебристое кольцо с камнем в змеиной пасти, в котором дева тут же признала свой меч, объединённый с тессерактом.

— Довольно широкий жест, но такая нелепая попытка извиниться. — подражая голосу Локи, проворковала она, но все-таки взяла кольцо в руки.

Минутой позже, принимая горячую ванну, Рейн находила странным то, что Локи вообще планировал извиняться. К тому же, трикстер вряд ли бы согласился расстаться с залогом своего превосходства. Может быть, последствия связи были настолько сильными, а может быть, ему и правда было жаль? В тщетной попытке избавиться от этих мыслей, Рейн тряхнула головой.

Она вылезла из ванны и укуталась в махровое полотенце, очищая зеркало от маленьких водяных капель. Её взору предстало удручающее зрелище: нос распух и покраснел от частых потираний, лицо надулось как воздушный шарик, а под глазами засели маленькие мешки.

«Да уж. Быть человеком действительно тяжело».

Дева натянула на себя вещи, прихваченные из комнаты, и медленно прошествовала к исходной точке. С одной лишь мыслью — нужно привести себя в порядок, срочно.

Рейн залезла под кровать, точно помня, что там лежал еще один пакет со всевозможной косметикой и странным прибором, которые люди называют плойкой. Она выудила содержимое из пакета, не веря в то, что собирается сделать. И тем не менее она все-таки неплохо разобралась с Мидгардскими штучками: замаскировала все покраснения с помощью корректора, подвела глаза тёмным карандашом, что так кстати подчеркивал изумрудный оттенок её глаз и даже умудрилась завить волосы «щипцами». Десять минут спустя от утренней опустошенной Рейн не осталось ни следа. Она кинула взгляд на стопку зеленых вещей, решив разделаться с ними в своём фирменном стиле; девушка сгребла все в охапку, вышла из комнаты и сбросила всё на идеально отполированный кухонный стол.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Пора поупражняться... — Рейвен подняла вверх правую руку, сосредоточившись на своей цели.

Она буквально почувствовала, как что-то очень теплое золотым потоком поднимается вверх по венам, высвобождая скрытую внутри энергию. По пальцам девушки заструилось яркое пламя, постепенно охватившее всю ладонь. Одно ловкое движение и огонь слетел с руки, как легкая пушинка от дуновения ветерка, он охватил сперва одну кофту, затем другую и уже полсекунды спустя вся изумрудно-зеленая куча пылала ярким красным пламенем.

Дымовой датчик, маленький предатель, затрещал оглушительным писком, информируя своих хозяев о пожаре.

— Чудненько. — с садистским удовольствием, проговорила Рейн. Она открыла пустой холодильник, выживая на свет шоколадное мороженное. Взяла ложку и принялась за свой завтрак.

Где-то за мгновение до этого позади неё послышался заспанный голос Локи:

— Что случилось?

— Избавляюсь от лишнего мусора, — кивая на полыхающую кучу, сказала Рейн. Она пихнула ложку с мороженым в рот, одновременно усаживаясь за барную стойку.

«Нужно взять себя в руки и не казаться задетой...» — решила она, оглядывая утренний наряд Локи.

Трикстер выглядел едва проснувшимся: темные короткие волосы взъерошены, не по размеру подобранная футболка помята от вчерашнего сна, как и серые штаны. Йотун выглядел таким земным, что вся злоба Рейн на мгновенье приутихла.

Он прошел от двери своей комнаты до полыхающего стола, наполнил большой стакан водой и выплеснул содержимое на огонь. Локи проделал эту операцию два или три раза, пока пламя окончательно не погасло. Он посмотрел на Рейн, прикинувшуюся невиновной, и спокойным голосом проговорил:

— Я понимаю, что ты злишься. Но если ты включишь свою замечательную логику, то поймешь, что всё случилось помимо моей воли.

Рейвен сунула очередную порцию мороженого в рот, решив, что лучше всего промолчать.

— Я бы и рада тебя послушать, но я опаздываю. У нас миссия, помнишь? Кстати, прикупи чего-нибудь поесть. — девушка соскочила со своего места, проложив себе путь в комнату, чтобы взять сумку со спортивной формой и наконец-то покинуть этот шикарный обитаемый тартар. — Не привлекая внимания.

***

Рейн потянула на себя стеклянную дверь, словно тень, проникая внутрь спортзала.

Сегодня он был полон жизни: несколько парней тренировались на беговых дорожках, парочка девушек упражнялась со скакалкой, а кто-то избивал боксерские груши. А за всем этим многообразием следил новый старый знакомый Рейвен. Капитан Америка ходил по залу и неустанно давал всем советы. Работа ему, похоже, не сильно нравилась, но и особого отвращения он не испытывал. Казалось, что кэп просто проматывает безумно длинный день, довольствуясь человеческим обществом.

На какую-то долю секунды Рейн встретилась со Стивом взглядами, и его загорелое лицо озарила улыбка. Кэп двинулся в сторону Рейвен, пересекая зал в несколько стремительных шагов:

— Вы пришли, а я думал, что мой друг вас испугал.

«Чтобы меня испугать, этого недостаточно, хотя Фьюри действительно мрачноват», — подумала про себя муспела, а вслух сказала.

— Он странный, но жутким не показался. — девушка коротко улыбнулась, оглядывая спортзал. — В любом случае, я ведь пришла тренироваться. Не покажете где здесь раздевалка?

— Да, дальше по коридору, вторая дверь направо.

— Спасибо.

Рейн прошла в указанном направлении. Вдали от капитана её вдруг охватила жуткая уверенность в том, что подобный род общения выглядит уж слишком нелепо.

«Серьезно, — размышляла она, затягивая шнурки на кроссовках, — зачем люди вообще общаются, если нет какой-нибудь стоящей причины или повода? Глупо говорить друг другу ‘привет’ только ради того, чтобы задать уйму нелепых вопросов... В этом стоит разобраться, а божественно-важное задание Локи может подождать еще денек. Терпение — очень полезное свойство, вот пусть и учится его применять».

— С чего лучше начать? — спросила она, подойдя к Стиву.

Кэп кинул короткий взгляд на спортзал, не решаясь ответить на такой простой вопрос.

Рейн воспользовалась моментом его замешательства, чтобы определить о чём он думает. Аура Роджерса светилась блеклой радостью разбавленной с осторожностью. Он будто бы боялся порадоваться чему-то новому, старался найти несоответствие с привычным укладом в своем маленьком мире и был настороже... Почему он был так обеспокоен? Рейн попыталась проникнуть глубже в воспоминания, но не успела ворваться в память, потому что Стив черезчур быстро приобрел дар речи:

— Смотря, чего вы хотите добиться.

— Я уже говорила, — осторожно начала Рейвен, — мне нужно совсем немного навыков самообороны.

— Разве вас некому защитить? Я думаю...

Рейн уловила толику подозрения в его настроении. Оно смешалось с малой долей надежды, поэтому муспела знала куда именно нужно надавить:

— Боюсь, что природа не определила такого человека, — она снова коротко улыбнулась. — Приходится справляться самой. Может быть, боксерская груша?

Рейн прошла к освободившемуся тренажеру, взяла со стола пару синих боксерских перчаток и попыталась надеть.

— Помочь? — спросил Стив, не успевший далеко уйти.

— Да, если вас не затруднит.

Кэп подошел к девушке, аккуратно закрепляя липучки на положенных местах. На какое-

то мгновенно кожа его рук соприкоснулась с голой кожей на запястье Рейн и она смогла уловить причину его настороженности.

Внутреннему взору Рейвен открылся огромный мрачный зал заседания, напичканный всевозможными техническими новинками и мониторами, показывающими город Нью-Йорк в реальном времени.

— *Капитан, можно вас на минуту?* — после долгого обсуждения плана попросил директор тайной организации, именуемой Щ.И.Т.

Стив уже был на полпути к выходу, когда Фьюри нагнал его. Остальные мстители уже успели разойтись по своим домам, выполняя поручение Ника Фьюри не предпринимать никаких видимых действий, пока Локи и его посредники не покажутся собственной персоной.

— *Да, конечно, директор Фьюри.*

— *Вы знаете, что я не делаю особых ставок на то, что каждый новый человек в жизни мстителей может оказаться помощником Локи, но будьте избирательны в своем обществе.*

— *Что вы хотите этим сказать?*

— *То, капитан, что вам и всем остальным стоит быть начеку. Последите за этой Рейчел, пока я выясню, что она из себя представляет. Если Щ.И.Т. не найдет на неё ничего, то вы знаете что делать.*

— *В каком смысле «ничего»?*

— *В смысле, совсем ничего. Ни имени, ни даты рождения. Ничего. Я отправлю с вами агента Романофф и, если девушка объявится завтра, она её раскусит в два счета.*

— *Хорошо.* — с едва уловимым раздражением ответил Роджерс, прокладывая себе путь на выход.

— *И, кэп, мы не знаем что из себя представляет союзник Локи, а два бога в списке врагов это очень и очень плохо.*

— Ты не правильно бьешь. — послышался позади женский голос.

Рейвен обернулась и тут же увидела рыжеволосую девушку, в которой признала знаменитую Чёрную вдову. Лучшая шпионка за всю историю тайной организации и единственная девушка в инициативе «Мстители». Глядя на неё, Рейн почему-то ощутила лёгкую волну раздражения, которому не находила объяснения. И только потом поняла, что это чувство не принадлежит ей. Оно порождение разума смазливой рыжей шпионки. Её, казалось бы, напрягает необходимость простого общения, не приносящего никакой ощутимой пользы.

— А как нужно бить? — спросила Рейн, поддерживая разговор.

— Давай покажу.

Девушка взяла муспелу за локоть и развернула Рейн вполоборота, затем левой ногой отвела ноги Рейвен на расстояние равное ширине плеч и сказала:

— Импульс должен идти от всего тела, а не только от плеча. Так удар получается сильнее. Попробуй.

Девушка согнула руки в локтях, приложившись о грушу лишь в половину настоящей силы. Она нутром чувствовала, что Чёрная вдова изучает её и, как и все шпионы, пытается разгадать муспелу. Пусть Наташа ничем себя не выдавала, но её напряженный взгляд, отражающий россыпь из тысяч мысленных нитей, с головой выдавал шпионку.

— Круто! — восторженным тоном проговорила Рейвен. Она снова развернулась к

Чёрной вдове лицом, снимая перчатку.

— Ты, видимо, профи в этом. — Рейн в который раз за последний час улыбнулась, протягивая обнаженную руку. — Я Рейчел. Рейчел Граймс.

Наталья Романофф без опаски протянула руку в ответном жесте и тут же пожалала её.

— Брук Стоулл.

Дочь Сурта моментально растворилась в потоке мыслей и секретов Романнофф, нигде не задерживаясь надолго, но заглядывая во всё, что только можно узнать.

Её несчастливое детство, странный жизненный путь, который вдова выбрала по собственному желанию, несколько светлых моментов, встреча с Соколом, который привёл её в организацию Фьюри, её чувства к Бартону и...

— *Фьюри... вам кто-нибудь говорил, что вы бываете немного не вовремя?* — Наташа прижала к уху телефон, спрятавшись за перевернутый автомобиль. В правой руке она зажала пистолет, стараясь одновременно слушать и перестреливаться с викингами, в руках которых луки, секиры и мечи, излучающие магическую энергию.

— *Вы сильно заняты, агент Романофф?* — послышался голос директора по другую сторону линии.

— *Минутка найдётся. Не вешайте трубочку.* — Наташа перебралась ближе к грузовику, затем двинулась к капитану Америке и попросила его прикрыть себя. — *Что у вас?*

— *Говорю сейчас, потому что завтра информация будет засекречена. Старк нашел Беннера.*

— *Что? Как ему удалось?*

— *Понятия не имею, но они направляются в город. Будут через два дня. Постарайтесь, чтобы до этого времени никто не узнал об этом.*

Дважды повторять не пришлось. Наташа знала цену доверия Фьюри и старалась не предавать его. Не задавала лишних вопросов и делала то, что велено.

— *Хорошо.*

«Странно... Что заключенные делают в городе? Как они...? Ну, конечно, Локи. Кто еще мог их провести? Надеюсь, что это не его великая и ужасная армия».

— Очень приятно, — добавила Наташа, отцепляя руку. — А ты давно сюда ходишь? Я тебя что-то раньше не видела.

Рейвен перевязала перчатки шнурком и повесила их на специально-отведенные под оборудование брусья. Иногда она забывала, как быстро мелькает перед глазами целая жизнь, что в реальном времени проходит всего несколько секунд, пока ты смотришь на всё прожитые годы глазами другого человека.

— Вообще-то в первый раз.

— Вот как, — свойственным только ей одной тоном, выдала Наташа. В её голосе смешалось любопытство и безразличие, как будто её вопросы не значили ничего такого. — И что привело тебя в храм спорта?

— Я слежу за своим здоровьем. И по приезду в Нью-Йорк, решила позаниматься.

— Ты тоже не местная? — Романнофф, казалось, повеселела. — Я сразу это заметила. Я тоже приезжая.

— И откуда ты?

— Из Техаса. А ты? — Вдова слегка прищурилась, скрещивая руки на груди. У Рейн возникло странное чувство, будто девушка пытается вывести её из положения морального

равновесия, разбавляя дружеский тон подсознательно раздражающими манерами.

— Отовсюду... — непринужденно ответила Рейвен, что частично являлось правдой. Дева принадлежала двум мирам и одновременно не принадлежала ни к одному из них. У неё не было дома, такое утверждение было единственной доступной правдой. — Странно звучит, да? Тебе будет не очень интересно слушать мою, — Рейн изобразила кавычки, — длинную историю.

— Почему же? В нашей жизни редко предоставляется возможность познакомиться с кем-то новым. Вся жизнь как конвейер.

— Если хочешь... — кивнула девушка, мысленно съезжившись всем своим существом. Убивать было куда проще, чем отвечать на непрерывный шквал вопросов. Рейвен снова потянулась за перчатками, пытаясь вспомнить или придумать хоть одну правдоподобную историю. — Мои родители в прошлом были убежденными Хиппи. Верили в мир и всё такое. И они очень любили путешествовать, так что я родилась в дороге. Мама умерла, но папа все равно продолжил их общее занятие. Я побывала почти в сотне штатов Америки, но большую часть жизни прожила в резервациях. Так что, да, я отовсюду.

Муспела попыталась нащупать хотя бы одну негативную эмоцию, но не могла ничего найти. Романофф пожала плечами, кидая взгляд на свободную беговую дорожку.

— О, наконец-то. — выдала она, как будто все это время действительно ждала когда освободится тренажер. — Не возражаешь, если мы поговорим после? Я целую вечность жду.

— Конечно.

— Как можно быть такой умной и такой по-детски обидчивой? — прилагая невероятные усилия, чтобы не закатить глаза, вздохнул трикстер.

Он развеял иллюзию вокруг себя, как только дверь за спиной Рейны захлопнулась с предательским грохотом. Его земное одеяние растеклось в золотистой эфирной дымке, превратившись в уже привычный тёмно-зелёный доспех из металла и кожи. Локи кинул взгляд на кучи пепла, смутно различая в них остатки одежды изумрудного цвета, и не устоял перед тем, чтобы не скривить тонкие губы в усмешке.

«Полагаю, что над нашей ‘дружкой’ стоит еще поработать. — указательным и большим пальцами левой руки трикстер схватил уцелевший лоскут шелковой ткани и перемолол его в кучки черной сажи, которые незамедлительно развеял над столом. — Я уж начал забывать какова Рейвен в гневе, но... — Лафейсон окинул океаническим взглядом большую комнату, на мгновение задержав его на двери, ведущей в спальню дочери Сурта. В его голове ментально вспыхнули образы из воспоминаний муспелы, а где-то в отдалённом участке сердца вновь возродились все чувства, которые она испытывала в детстве, но в их изменённом многократно-усиленном виде. — ... это было далеко не гнев, скорее отчаяние, боль и очень глубокая обида. Мне не следовало так поступать, хоть я и нашёл подтверждение мифам... Одному из трёх нужных».

Размышления Локи прервал настойчивый звонок в дверь, заставивший трикстера на автомате растворить свою личность в иллюзии. Его образ растаял на глазах и уже через секунду вместо высокого темноволосого мага на кухне стоял кудрявый рыжий юноша в очках и с веснушками на носу.

Он подошел вплотную к двери, деланно неуверенным тоном спросив:

— Кто там?

— Утренняя доставка почты.

Локи потянул на себя ручку металлической двери, машинально поправил очки на носу и произнёс юношеским ломающимся голосом:

— Дома никого нет, но я могу расписаться.

Курьер поставил коробку на пол в широкой прихожей и протянул Локи планшет. Йотун быстро черкнул первую попавшуюся фамилию в блокноте и поспешил распрощаться с молодым амбициозным пареньком, чтобы принять свой настоящий облик. А примерно через минуту телефон в гостиной истошно запищал. Локи снял трубку, но ничего не произнёс. Он знал, что на этот номер может позвонить только Ёкай, если, конечно, Щ.И.Т. не научился предугадывать будущее и не нашёл трикстера раньше, чем он показался где бы то ни было.

— Я слушаю, — первым не выдержав неловкого молчания, заговорил йотун, — говори.

— Вчера мне не удалось вам ничего сказать, Фьюри привлек меня следить за порядком в восьмом отделе, поэтому я слышал не весь разговор. Директор распустил Мстителей. Он надеется, что если не будет искать Вас, то рано или поздно вы сделаете ошибку и выйдете на свет... В любом случае, я надеюсь, что ваше появление будет эффективным.

— Разумеется. Ты звонишь только ради этого? — со свойственной Локи холодностью, спросил трикстер, а затем добавил. — Можешь появиться, если боишься, что нас подслушают.

Ёкай без единого слова повесил трубку, но уже через тысячную долю секунды его

неаккуратная огромная тень зависла в дальнем углу помещения. Из сосредоточия мрака этого существа донёлся полумеханический низкий голос:

— Мне кажется, что Фьюри что-то скрывает ото всех. Шпион не доверяет никому, даже собственным советникам. Он держит свою группу в неведении... Я нутром чувствую, что что-то не так.

— Конечно, он держит свою группу в неведении. Он секрет внутри секрета. Что-то еще?

— Нет, на этом всё. — тень шевельнулась, собираясь исчезнуть, но Локи остановил Ёкаю прежде, чем тот растворился в облаке пыли. Ему в голову пришла великолепная идея, настолько гениальная и простая, что трикстер даже удивился, как она не посетила его голову раньше.

Как эта идея не поселилась в его голове до того как он собственными руками воскресил в своей памяти и в памяти своего союзника непосильный груз боли.

— Я давно собирался спросить тебя, как представителя древней и некогда могущественной расы. Что ты можешь сказать мне о великанах из Муспельхейма? Конечно, кроме того, что они уничтожают порождения вечной ночи и обладают могуществом. Что ты знаешь об их королях и обычаях?

— К сожалению ничего. Мой народ старался избегать этой расы, но это их не спасло. — нехотя проговорил Ёкай.

На секунду, всего на секунду, Локи уловил в его басистом тембре нежелание, смешанное с необходимостью ответить. Тень знал, что без Рейвен Локи не добыть непобедимую армию, но он и не подозревал, что Локи и сам не знает как повернуть Рейн против своего народа и как сместить Сурта с огненного трона. (Вернее сказать, Локи не знал как сделать всё это, вплоть до вчерашнего вечера). И еще он знал, что если трикстер не выиграет сражение, тени никогда не получить заветный тессеракт своего народа и не создать новых представителей собственного вида.

— Жаль. Тогда у меня к тебе другое поручение.

— Я вас слушаю, — напряженным тоном выдал Ёкай.

— Правда ли, что у твоего народа есть порошок забвения? Туман, заставляющий говорить только правду?

— Мифы не лгут, но тумана осталось не так уж и много. Я не могу попасть в свой мир, чтобы достать еще. Он очень дорого стоит.

— Принеси мне его, а после сражения ты сможешь взять столько тумана сколько считаешь нужным. Куб вернёт тебя в твой мир, когда я выиграю.

— Если... — начал говорить тень, но тут же исправился, поймав надменный, полный презрения взгляд. — Хорошо.

— Да, и еще, пришли ко мне домой курьера с лучшими яствами. Наш ключ к победе довольно капризен и требует особого ухода.

— Я сделаю то, что велено. Но не обольщайтесь, потому что как только я заполучу тессеракт, перестану быть вашей служкой.

— Переговорим вечером.

И он исчез, оставив в разряженном воздухе одно лишь смутное упоминание о себе.

Слова Ёкай обладали особенной оглушающей силой и, как это ни печально, имели собственный железный вес. Локи знал, что обладает властью уничтожить его, что тень недостаточно умен или стар, чтобы знать то, что знает Лафейсон, — тессеракт теней был безнадежно утерян в те тёмные времена, когда на сияющем троне Асгарда сидел дед Тора и

соответственно отец Одина.

«Я убью его, как только в нём исчезнет всякая необходимость», — решил про себя Лафейсон.

Он медленно подошёл к книжной полке и на ощупь отыскивал единственную книгу в кожаном переплёте. Локи еще раз окинул взглядом опустевшую комнату и вдруг почувствовал себя странно-одиноким. Без ядовитого, колкого, но при этом бесконечно разумного, уравновешивающего общества Рейн, ему снова стало скучно, как это было в темнице Асгарда до её появления там. Тогда трикстер, как за соломинку, ухватился за её окутанное тайной общество, смог распознать в приступах ярости рычаги давления на её личность и устроил все так, как хотел. С маленькими оговорками, но он, тем не менее, вышел на свободу и убедил капризную деву встать на свою сторону, предоставив её вниманию всего один вариант из множества.

Мечь — вот что двигало ею тогда и движет сейчас. Правда, спустя столько недель Рейвен стала мягче, изобретательнее и куда более непредсказуема. Если раньше рычагом давления на неё была ярость и желание мести, то, что эффективнее всего повлияет на неё сейчас?

«Её натура, её душа и образ мыслей — это тайны, покрытые пеленой мрака», — трикстер мягко приземлился на кресло, кидая взгляд на стеклянный кофейный столик, на котором разместились две стопки земных книг всевозможных жанров и форматов.

Локи вспомнил с какой неохотой Рейн перебирала «необходимые материалы для освоения Мидгарда», как её нетерпение на пару с отвращением медленно растворилось на спутанной карте из чернильных строк. Рейвен, кажется, без памяти влюбилась в земную литературу, даже не понимая, как это меняет её представление о мире. Когда Локи застал её утром, сидящей на диване с книгой в руках, он был поистине удивлён. Девушка с таким оживлением вглядывалась в печатный шрифт, не замечая ничего кроме несуществующего мира в своих руках. В тот момент Рейна казалась маленьким ребёнком, которому впервые купили по-настоящему стоящую игрушку.

Это заставляло задуматься.

Локи раскрыл заложенную страничку и начал читать, в попытке выкинуть деву из своей головы. Если думать о чём-то всё время, то вряд ли удастся понять это.

Тени — создания вечной тьмы, что порождает хаос. Бесплотная раса, созданная предводителем тёмных эльфов. Во время великого сражения, когда последний проклятый воин, подаренный царём пламени Суртом в те мрачные времена, когда шла бесконечная борьба за власть между Асами и их извечными соперниками Муспелами, пал в бою от руки Рагнара Великого, Малекит призвал грозное облако и создал из них бессмертных воинов. Создания получились настолько злобными, мстительными, алчными и мерзкими, что Сурт приказал Малекиту уничтожить их. Но на своё повеление он получил яростный отказ. Предводитель огненных великанов, оскорблённый и озлобленный, оставил тёмных эльфов сражаться с Асами в одиночку и возрадовался, узнав, что порождения хаоса покинули войска Тёмных Эльфов, как только запылал первый жертвенный огонь...

Так узнал Сурт, что тени более всего тянутся к свету и богатству, но это же и губит мстительных выводков хаоса...

— Огонь, — захлопывая книгу, проговорил трикстер. Он потер уставшие от рунического бессвязного чтения глаза.

«Если бы так же легко можно было бы узнать о муспелах, не пришлось бы совершать

неисправимых ошибок». — устало всплыло где-то на самой вершине айсберга из спутанных неясных мыслей.

Йотун провел бледной рукой по своим коротким волосам цвета воронова крыла, выдохнул и вслух поправился:

— Не приходилось бы тратить столько времени и сил на выяснение правды.

Это звучало намного убедительнее, ближе к натуре Локи и его мыслям. Поэтому принять это утверждение было гораздо проще, чем признаться, что ему действительно было жаль задевать чьи-то чувства.

«Конечно, ты ведь столько ждала. — язвительно прошелестела Рейвен спустя несколько минут. — Только чего именно?»

Кулак девушки, облаченный в эластичную боксёрскую перчатку, с силой врезался в грушу. Рука моментально пружинила от тренировочного орудия, но никаких видимых повреждений или мелких спазмов от инерции не наблюдалось, поэтому Рейн продолжила тренировку. Вернее сказать, она продолжила делать вид, что тренируется. На самом деле девушка украдкой наблюдала за Чёрной вдовой и Стивом: за эти полчаса кэп успел обойти каждого присутствующего в зале, но избегал общества Романофф, будто боялся узнать что-то неприятное; Наташа намеревалась пробежать адский марафон на своём тренажёре, никак не выдавая своих истинных намерений. На это короткое мгновенье, которое Рейвен наблюдала за рыжей девушкой, она даже усомнилась в том кто перед ней. Романофф казалась обычной земной женщиной с великолепной фигурой и смазливый личиком.

«Вот только это иллюзия, — с очередным ударом о грушу, подумала Рейвен. — Такая же, как и ложка, вдруг превратившаяся в зажигалку или кинжал».

Огненная дева медленно перевела взгляд на Стива Роджерса, который был занят борцами на ринге. Кэп перелез через ограждение из мягких поролоновых тросов и занял стойку бойца, напрягая огромные бицепсы и трицепсы, он резко дернул руку вперед, с первой космической скоростью разрезав воздух. Рейн всего на секунду залюбовалась его рельефными огромными мышцами, но не потому, что считала парня красивым или манящим. Девушка прикинула, как она выглядела бы, если бы родилась настоящим огненным великаном и полноправной наследницей Сурта.

«Ужасно... Это было бы ужасно», — наконец поняла она.

Раньше подобная перспектива радовала её и зачаровывала, как песни сирен и nereид из древнегреческих мифов. Сейчас же, когда Рейвен столько недель провела в своём непривычном обличье и свыклась с мыслью о том, что всегда будет похожа на человека. Пусть то и вызывало отвращение.

«Муспелы: — великий народ, но я всегда буду гордиться своей двойной сущностью. И не позволю... не позволю им использовать её против меня».

Девушка так и застыла в своих мыслях, даже не заметив, как где-то позади неё возникла Наташа и произнесла едва уловимым шепотом:

— Он ничего, верно?

— Что? — Рейн наконец отвела взгляд от ринга и повернулась к Наташе.

Поначалу дева слегка растерялась, она не поняла как получилось, что её застали врасплох. Вдова буквально возникла из воздуха, что оправдывало её истинное призвание.

— Ну да... — согласилась Рейн, чтобы избежать неловких пауз в их неожиданной беседе. — Но я любовалась рингом.

— Собираешься с силами, чтобы пригласить этот «ринг» на свидание после тренировки?

Голос агента Романофф звучал абсолютно непринужденно, но её сосредоточенный взгляд навевал на совершенно невеселые размышления. Хотелось бы Рейн прочитать её мысли или хотя бы чувства, но снимать перчатки во второй раз или пытаться коснуться её, было бы как минимум подозрительно. А понять настоящий секрет на расстоянии

практически непосильно.

«Придется положиться на свой мозг», — Рейн неопределённо пожала плечами.

— Знаешь, я давно здесь и заметила, что он очень одинок. — Наташа присела на край столика для гантелей, готовая вскочить на ноги в любой момент. Рейвен это не понравилось, но она постаралась не выказывать своих внутренних опасений. В тоне Романовф слышалась неподдельная заинтересованность в хорошем исходе, такое чувство невозможно сыграть даже при самом большом желании. Наташа переживала за Стива, — Рейн чувствовала это еще тогда, когда на несколько секунд растворилась внутри её сознания, — она хотела бы, чтобы Капитан Америка, гордость нации, освоился в чуждом ему мире как можно скорее, чтобы не чувствовал себя таким одиноким.

— Засиживается здесь допоздна, приходит раньше всех, даже по выходным и в праздники. И, ты можешь мне не поверить, но я впервые вижу Роджерса улыбающимся. Ты ему определенно нравишься. А он — тебе. Я разбираюсь в тонкостях.

«Это я знаю. Но ты кое-где ошибаешься».

— С чего ты взяла, что я?..

— Да брось, ты весь день смотришь в его сторону. — как бы невзначай бросила Черная Вдова и тогда Рейн окончательно убедилась, что проверка еще не окончена.

Шпионка была необычайно проницательна. Чего в последнее время не скажешь о самой Рейн. Ей хватало всего одной неверной фразы или случайного движения мышц лица, чтобы понять, что человек лжет. На первый взгляд Наташа задавала совершенно невинные вопросы, но на самом же деле девушка просто выясняла что из себя представляет тот или иной человек.

Муспела задержала эту догадку в голове, чтобы уж точно не выдать себя.

Она исполнит заранее заготовленную роль, во что бы то ни стало.

— Ну... — неуверенным тоном начала Рейн, затем дернула перчатку вниз и резко перевела тему.

— Не сможешь? Я все еще не понимаю как это снимать. — дева улыбнулась одной из тех извиняющихся коротких улыбок, которыми часто улыбаются неуверенные в себе книжные герои.

— Конечно.

Наташа в мгновение ока соскочила со столика, подошла к муспеле и расстегнула липучки. К несчастью, Рейвен не удалось прикоснуться к бархатной коже чёрной вдовы, пришлось обойтись маленьким всплеском спокойствия и облегчения. Только вот от чего первоклассная убийца может испытывать облегчение? Оставалось только гадать и радоваться, что всемогущий Щ.И.Т. пока не пустил на Рейвен своих натренированных псов.

— Я бы могла с ним поговорить, если хочешь. Мы старые знакомые.

«С чего она вдруг такая разговорчивая и милая? Не думаю, что это настолько плохо. Если бы она что-то узнала из нашей короткой беседы, то наверняка уже доложила бы своему начальству. В этом случае меня бы немедленно связали и уволокли в очередную тюрьму. Тогда что? Поверить в искренность намерений и беспокойство за друга? Чуть и вздор! Я уже выяснила то, что нужно Локи и могу спокойно удалиться, если только...» — перед мысленным взором промчались образы из прошлого Стива: грустные и печальные, пропитанные потерями и ужасами военных лет. Его слова раскололи металлический стержень муспелы, и с тех пор он весь изошел трещинами:

Да, но... моё свидание... я обещаю.

«Если только она говорит от чистого сердца» — Рейн повесила перчатки на старое место, коротко кивнула, собираясь с мыслями:

— Если тебе не трудно. Только... ненавязчиво.

Остаток рабочего дня Роджерса Рейн размышляла о том, что именно Наташа сказала кэпу. Посоветовала воспользоваться шансом и позвать кого-то на свидание или же сообщила ему о том, что раскусила муспелу и теперь Роджерс должен схватить её и привезти в штаб Щ.И.Т. А пока дева уязвима и ни о чем не подозревает? Конечно, второе утверждение было пропитано парами параноидальной мании преследования, но оно соответствовало тому, что Рейн была готова ожидать от агента Романофф.

Когда муспела находилась в голове агента, её не покидало чувство постоянной слезки и ответственности. Вся жизнь Наташи построена на лжи и сочащейся крови убитых ею людей. От этой женщины можно ожидать любой подставы и неожиданности. Девушка-головоломка — вот как её можно охарактеризовать вернее всего.

А вот Капитан Америка наоборот — образцовый экземпляр своей расы: сильный, в меру умный, добрый, честный, непорочный... Этот человек умудрился собрать в себе все возможные положительные качества героя, откинув в сторону надменность и тщеславие. Стив был таким... таким... "чистым".

За это чувство любой человек готов отдать даже свою жизнь. Целые десятилетия лишь для того, чтобы на краткий миг ощутить блаженство, почувствовав себя невинной жертвой мирских грехов и сложившихся обстоятельств. Рейвен старательно отрицала своё внезапное желание ощутить такую же лёгкость, не могла отделаться от мысли о проникновении в воспоминания Стива. Если бы таких людей было много, тогда можно было бы прожить тысячу жизней без страдания и боли. Можно было бы чувствовать себя таким же первозданным и совершенным через призму чужих переживаний.

«Каково это — никогда не лгать? Всегда следовать правилам? Соответствовать ожиданиям? Быть примером для подражания? Каково быть таким первозданным самому, а не переживать это через кого-то другого?» — эта мысль овладела сознанием Рейн настолько внезапно, что девушка даже не заметила как непрекращающееся журчание воды в душевых сменилось сверхъестественной тишиной.

Рейвен запихала потную форму в спортивную сумку и со злостью швырнула ту в шкафчик. Она знала, что как только последствия связи пройдут, чувство легкости и невинности исчезнет. Вместо добрых намерений и лучезарных улыбок в память снова ворвется старая добрая жизнь. Её устраивала роль одного из главных злодеев, но этого было мало. Всегда будет мало.

Жажда знания и маниакальное желание почувствовать себя кем-то иным необычайно прекрасны — это самое опасное последствие, но и оно тоже скоро пройдет.

Рейвен закрыла шкафчик на замок, не заботясь о том, что сумку могут украсть и, что она больше не вернется в это место. Девушка нащупала в кармане змеевидное кольцо и тут же нацепила на палец, чувствуя, как власть и могущество неторопливо растекаются по венам.

— Завтра спортзал открыт? — все еще играя свою роль, слегка помявшись, спросила Рейн.

Она взглянула на электронные часы на стене у ринга, они показывали около пяти часов вечера — время, в которое закрывается храм для тренировок патриотичного Капитана Америки.

Все уже разошлись, только Наташа собирала свою спортивную сумку в дальнем углу зала, а кэп стоял, сжимая в руках кожаную куртку. Он как-то странно уставился на футболку Рейн. Скорее всего, его немного ошарашила эмблема собственного щита:

«Одно очко в мою пользу. Кто будет принимать за злодея фаната одного из героев?»

— Да, но... Я. Вы. Вы не против сходить со мной, скажем, в кино? — Стиву, казалось бы, с трудом удавалось шевелить языком. Он выглядел таким уязвимым, будто бы все еще был тем двадцатилетним коротышкой, которого избивали на каждой улице в Нью-Йорке. Рейн неловко, но от души улыбнулась и дала своё согласие.

Рейвен никогда в жизни не была в кино и не видела ничего плохого в том, что Локи еще немного подождёт свою бесценную информацию. В плюс ко всему прочему, лучшая шпионка не раскусила её полностью фальшивую личность, что может случиться плохого за два часа?

— А как давно ты живешь в Нью-Йорке? — для поддержания разговора, решила спросить Рейн.

Они со Стивом остановились у края платформы, в ожидании следующего поезда. Муспела развернулась к кэпу вполоборота, все еще играя роль обычного жителя мегаполиса, но стараясь прилагать как можно меньше усилий для новой лжи. Говорить о чём-то постороннем вроде книг или новых телепередач было гораздо проще, чем обсуждать реальную жизнь. Наверное, по такому принципу живет большинство людей в этом удивительном, но до ужаса банальном однотипном мире. Все люди стараются говорить о каких-то незначительных мелочах, придавая им едва ли не космическое значение. Но вот реальную жизнь они стремительно обходят стороной, не понимая, что это рано или поздно сведет их в могилу.

— Я здесь вырос. — уклончиво начал Стив, отвлекая деву от странных мыслей.

Но, видимо, ему не очень-то хотелось предаваться воспоминаниям семидесятилетней давности и обличать свой настоящий возраст — это не самая лучшая тема на первом "свидании".

— Значит, знаешь почти каждую улицу?

— В каком-то смысле. — Стив улыбнулся. — Вообще-то в этом городе много чего изменилось, но большую часть я вполне способен запомнить. Если хочешь, я бы мог показать тебе Нью-Йорк... Если тебе удобно. Только не подумай, я не навязываюсь и...

«Тебе не помешало бы немного уверенности в себе. Нет, правда, совсем немного».

— Стив... Я с удовольствием.

***

Всего пара остановок метро почти свели девушку с ума. Говорить с кэпом и видеть его жизнь его же глазами — две абсолютно разные вещи. В бою мужчина был стремителен, оперативен, смел, а его давящая на психику обезоруживающая внешность накаченного громилы сотрясала дух. Но то был лишь капитан в действии, а вот реальная жизнь... Реальная жизнь и простые беседы доводили бравого солдата чуть ли не до ручки; ему трудно было сосредоточиться на одной теме, кэп без устали заваливал девушку вопросами, отчего казался таким незащитным, как котенок, брошенный в воду. В эти минуты Рейн даже не хотелось читать его мысли, чтобы узнать что именно сказала Роджерсу Чёрная Вдова: дева просто не выдержала бы такого обезоруживающего шквала эмоций, преимущественно состоящих из неловкости и смущения.

К счастью, Стива немного припустило, когда психологическая и физическая давка метро свалились с его плеч, сменившись бесконечным ожиданием в очереди за билетами.

— Давай я займу очередь в пятую кассу, а ты в третью? — произнес Стив мужественным басистым голосом.

У Рейн он вызывал увлекательную ассоциацию с мирными переговорами посреди сражения. Момент, когда обеим сторонам требуется передышка, поэтому они решают перейти на оскорбления или просто беспорядочные словесные перепалки.

«Неплохо было бы с кем-нибудь подраться...».

— Хорошо. — выдала Рейн, но её голос потонул среди общего гула.

Стив дружелюбно махнул девушке рукой, а затем растворился в толпе, оставив её

посреди огромного строя зомби-людей, погруженных в свои собственные мысли.

Когда первая волна благородных чувств, оставшихся осадком в её душе, наконец-то схлынула, Рейн так и подмывало сбежать обратно в чистенький шикарный номерок посреди Манхэттена и вытрясти из Локи информацию о его армии, заставить его действовать, а затем срубить пару-тройку голов.

Муспела лишь надеялась, что его величественное войско не состоит из варваров и бунтарей из других миров, потому что тогда можно считать сражение заранее проигранным.

«Это не читаури... Он им очень многое задолжал. Не йотуны: он их почти всех уничтожил, вряд ли после такого можно сотрудничать. Тогда кто? Кто это может быть? Если бы с самого начала понять это. Я слишком много времени провела, осваиваясь в Мидгардской шкуре, даже не задумываясь о самом главном».

— Рейчел, — послышался голос Роджерса где-то слева от оживленной толпы.

Рейн даже не сразу обернулась, услышав слегка напряженный голос кэпа. Непривычно было слышать, а уж тем более откликаться на чужое имя, произнесенное таким отстраненным тоном.

— Прости, я задумалась.

— Ясно. Я взял нам билеты в шестой зал. Пошли?

Что-то в жизнерадостном настроении Капитана Америки изменилось, и причину этого Рейвен не смогла проследить. Девушка машинально окинула осторожным взглядом просторный зал ожидания и кассы, но так и не нашла ничего странного или необычного. Если никакой опасности нет, то что вызвало в только что дружелюбном и ласковом кэпе такую перемену?

Муспела решила это выяснить:

— Что-то случилось? — спросила Рейвен, сравнивая его ощущения с действительностью. Ей хоть и хотелось верить, что человеческая раса не потеряна для искренности, но какая-то часть воспитанная Суртом просила проверить, усомниться и докопаться до сути.

Дева вышла из очереди, становясь рядом со Стивом, но этого оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в его голову. Когда человек сосредоточен на какой-то конкретной задаче, его не так-то легко подловить. А Роджерс сейчас был на взводе, он был готов в любую секунду кинуться в гущу сражения и голыми руками перебить всех своих врагов.

«Не нравится мне это...».

— Фильм не тот, который я хотел. Но, думаю, что хороший попкорн все исправит. — уже менее раздражительно проговорил Стив. Он держал в руках кожаную куртку, сосредоточившись на ней и не глядя на Рейвен, что, кстати говоря, тоже заставляло усомниться в истинности его слов.

— Давай я отнесу её в зал и займу нам места, а ты пока его купишь.

— Хорошая идея.

Муспела ленивым движением ухватила за куртку, как бы невзначай дотронувшись до руки Стива. Он, по всей видимости, не заметил этого мимолетного касания и удалился в сторону лотка с попкорном, пока Рейвен растворялась в его сознании:

Стива переполняло непривычное ощущение безмятежности и радости, когда к нему подошла Наташа и сообщила, что, насколько она может судить, Рейчел настоящая.

— *Вряд ли такая девушка стала бы помогать Локи. Она для него слишком хорошенькая. Наш божок предпочитает негодяев, насколько я знаю. — Наташа сняла пару боксерских*

перчаток со стены и швырнула одну из них Стиву в лицо. Наверное, подумала, что он её не слушал, хотя это было совсем не так. — Пригласил бы её на свидание, кэп.

— Что? Зачем? — вопрос Романофф слегка обескураживал, хотя было весьма приятно поговорить с кем-то, кто опережает ход твоих собственных мыслей. — Нет. Я, нет. Вряд ли она согласится. Да и стоит ли?

— Серьёзно? Вы весь день в гляделки играете: она на тебя посмотрит, ты на неё помотришь, потом снова она... Мне продолжать или ты сам догадаешься, к чему ведет такая «перестрелка»? Она будет дурой, если не согласится.

— Даже если согласится, о чём нам говорить?

— Пригласи её в кино. Там говорить не нужно.

Это приятное воспоминание польстило Рейвен, но долго задерживаться в нём дева не стала. Она воспользовалась короткой вспышкой раздражения, комком мрака в сознании Роджерса и проскользнула в следующее более свежее воспоминание.

" Кэп занял свою очередь у пятой кассы, с замиранием сердца ожидая, когда он всё-таки возьмёт билеты, и они с Рейчел усядутся на свои места, чтобы посмотреть новый исторический фильм о Джордже Вашингтоне. Стив решил, что Рейчел, как девушке прожившей в резервациях индейцев сознательную часть своей жизни, этот фильм точно понравится. Парень почти дошел до кассы, когда его мобильный завибрировал в кармане джинсов.

— Вы что-то хотели? — учтиво спросил он, выискивая среди серой массы знакомые зеленые глаза.

— Стив, я крупно ошиблась. — наперебой затараторила Наташа, что было ей совершенно несвойственно. Даже по её тону было слышно, что агент волнуется. — Только что звонил Фьюри, он сказал, что...

— Что-то случилось? Локи объявился?

— Да послушай же ты!.. Рейчел с тобой?

— Да, но причем здесь это? Я не понимаю. Ты ведь проверила её.

— Я ошиблась, слышишь меня? Рейчел это и есть союзник Локи. Фьюри подтвердил это. Он только что звонил мне — Фьюри ничего не нашел на неё. Абсолютно ничего. Этой личности не существует. Мы уже выезжаем, задержи её как можно дольше, слышишь?

«Как мило, очень-очень мило». — с несвойственной себе подавленностью и слабостью, прошептала Рейн сквозь зубы. Она сжала куртку Стива в руках, медленно двигаясь по направлению к шестому залу. Её нефритовые глаза вновь обшарили зал, с новой силой подмечая детали. Сейчас Рейвен обратила особое внимание на каждого посетителя кинотеатра, который мог бы оказаться агентом; например, парень, одетый в гавайском стиле, мужчина, разговаривающий по телефону битый час и активно жестикулирующий на каждое своё слово — все они могли бы сойти за сотрудников службы Щ.И.Т. Почему? Потому что слишком хорошо скрывались.

Более того, каждый из них мог в любую минуту сорваться с места и кинуться вслед за мусеплой, если бы та решила сбежать.

«Люди никогда не лгут... Они честнее, чем мы можем себе представить. Капитан Америка лучший образец человека. Что может случиться за два часа, если даже лучшая шпионка тебя не расколола? — глумился внутренний голос и, как всегда, он же велел этому многоликому диалогу заткнуться. — Интернет, кто бы мог подумать, корень всех зол!»

Рейвен взяла специальные очки для кино, медленно потянула на себя ручку двери и

погрузилась в полумрак пустого кинозала. Все эти по-мидгардски длинные тягостные секунды, она чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд со стороны и, кто знает, возможно, он был не один.

— А-а, мисс Граймс. — протянул знакомый металлический голос, в котором муспела тут же признала голос Ника Фьюри.

— Директор, — наконец-то высвобождая ухмылку, застывшую на лице, произнесла девушка.

— Или как вы хотите, чтобы вас называли? — добавил исполнительный директор секретной службы, будто разговаривал сам с собой. — Присаживайтесь, думаю, что нам есть о чём поговорить. — директор обернулся на муспелу, застывшую в дверях.

Интересно, что или кого именно он видел? Чудовище, прилетевшее с другой планеты, чтобы захватить его мир? Девушку в майке с эмблемой щита «Америки», пришедшую посмотреть фильм? Девушку, решившую завоевать его мир?

Столько вопросов, но всем им суждено остаться безответными. До определённого момента...

Рейвен постаралась подавить волну гнева и раздражения, так внезапно захлестнувшую её. Она подошла к последнему ряду, на котором пристроился Фьюри, затем кинула куртку на кресло между директором Щ.И.Т. а и собой. Всё это время Ник Фьюри смотрел на девушку своим единственным уцелевшим глазом, пристально следил за каждым её движением. Это позволило Рейвен вновь оказаться в своей стихии и сбить с себя слой из плотной корки человеческого сострадания, которым она покрылась за прожитые на Земле недели, вторгаясь в чужие жизни. Это позволило вспомнить какими жестокими бывают окружающие. Дочь Сурта не стала дожидаться, пока Фьюри заговорит вновь; дева положила руки на подлокотники и водрузила ногу на ногу, уставившись прямо перед собой.

— Не боитесь оставаться наедине со своим врагом? Вам не дорога ваша жизнь? — Рейвен цокнула языком, с трудом удерживаясь от того, чтобы не ухмыльнуться.

— Не думаю, что вы способны на убийство, Рейвен. Однако, допускаю такую возможность.

— Поэтому здание окружили ваши ребята, где-то за кулисами черная вдова, а у входа караулит Стив?

— Вы весьма осведомлены. Поэтому знаете, что находитесь в ловушке и пока мы не поговорим, вы отсюда никуда не уйдете. Так зачем вошли в здание?

— Я вижу тень удивления на вашем лице, агент Фьюри. Не ожидали, что ваши боги могут оказаться умнее собственных созданий? — сказала Рейн, снова довольствуясь выражением мгновенно вспыхивающего и исчезающего гнева на лице Ника Фьюри. По нему было видно, что разговор зашел совсем не в то русло. Он готовился завести Рейвен в другие дебри и сыграть по правилам, которые навяжет сам, а не по тем, которые навязывают ему.

«Добро пожаловать в родную среду обитания, милая Рейна!» — отчего-то внутренний голос вдруг приобрел ехидный тон Локи, от этого выражение в голове девы тут же приобрело более торжественный оттенок.

— Что-то не так, директор? — муспела нахмурила брови, переводя взгляд на одноглазого шпиона.

— Да. Я привык, что люди отвечают на заданные мной вопросы.

— По вам видно, что люди отвечают на ваши вопросы. Только вот ответы на них, я смотрю, дорого достаются. — на этот раз сдерживаемая ухмылка пришлась к месту. —

Хотите, чтобы я ответила на ваши вопросы, агент Фьюри? Что же, тогда вам придется лишиться второго глаза. Я бы смогла насладиться выражением гнева на вашем лице, когда вы бы вырывали себе его... Но, думаю, это невозможно. Вас слишком хорошо тренировали. Ведь так?

— Агент Романофф сказала, что вы неплохой человек. Вы чувствуете себя в ловушке, окруженной солдатами, но это необходимая мера. Как думаете, для чего мы здесь?

— Щ.И.Т. у нечем заняться кроме как прерывать свидания собственных агентов? — предположила дева, снова сводя брови к переносице.

— Мы призваны защищать нашу планету от угроз извне, а вы и ваш приятель как раз подходите под эту категорию.

— Ну, так схватите нас. Что мешает всемогущей корпорации?

— Чувство долга перед родиной.

— А также, — муспела принялась загибать пальцы сперва левой руки, затем перешла на правую. — Слабые люди, отсутствие должных ресурсов, отсутствие магии, недоразвитость науки и нехватка военных технологий, стратегий ведения боя, территорий для военных действий... О, смотрите, пальцы почти кончились. Надо же!.. Вы, люди, такие жалкие! Постоянно находите миллионы оправданий для того, чтобы избежать хорошего опыта для следующих поколений. Ума не приложу, что жалкие Асы нашли в вас!

— Надменности вам не занимать, однако, позвольте предоставить шанс на исправление.

— Попробуйте. — надменно фыркнула девушка, теребя кольцо на пальце.

Ей бы сейчас очень пригодилась магия перевоплощения или хотя бы доспех, чтобы вырваться из десятиэтажной высокопотолочной ловушки. Конечно, кинотеатр на первом этаже, поэтому выход расположен относительно недалеко, и все же... И все же на пути между свободой и этим залом стоит непреодолимая преграда из группы шпионов и воинственного гиганта Стива Роджерса, который скорее умрет, чем позволит вражеским силам испариться.

Выхода нет. Она попала в клетку собственной высокомерности и желания побыть свободной от угнетения. Глупая, глупая девушка.

— Что мы можем сделать, чтобы вы перешли на нашу сторону? Мстителем пригодился бы такой умный союзник.

— Неожиданно, — с неподдельным выражением удивления на лице, сказала Рейн. Дева медленно поднялась с насиженного места и заняла удобную позицию: прямо напротив Фьюри. — Думаю, это всего три вещи.

— Назовите их.

— Первая, — большая банка колы и чизбургер с двойным сыром.

— А остальные две? — спросил улыбающийся, ошарашенный неожиданным выпадом Фьюри.

— Минуту... дайте подумать. Придумаю что-нибудь попроще. — Рейн сняла змеевидное кольцо со среднего пальца правой руки и тут же принялась катать его между указательным и большим пальцами, поглядывая на Фьюри исподлобья.

— Как на счет головы Тора и Одина на блюдечке? И да, третье, — девушка высвободила весь свой гнев, вылив его в серебряное украшение. Оно в мгновение ока погрузилось в лиловую эфирную дымку, удлиняя предмет и обращая тот в сияющий меч с сапфировой рукоятью.

«Получилось! Получилось!» — не веря собственным глазам, вспыхнула муспела.

Дева приставила оружие к шее директора спецслужбы, не скрывая злорадного удовольствия проступившего на лице. — Девять миров в моё абсолютное подчинение. Вас устраивает такая цена, директор Фьюри?

— "Меня" она не устраивает! — подала голос Наташа Романовф, все это время скрывающаяся в тени.

— О, лучшая шпионка. Та, что не смогла раскусить меня! Как твои дела, Брук? Или лучше... Наташа? Хочешь поболтать за чашкой кофе на фоне саморазрушающегося Нью-Йорка?

— Боюсь, у меня другие планы.

— Поделись... — остриё меча впилося в шею директора Щ.И.Т. а, оставляя на шоколадной коже едва заметную царапинку, из которой сочилась тонкая струйка свежей алой крови.

— Пустить тебе пару пуль в лоб, а после выследить Локи и сделать тоже самое с ним.

— Мило, но без меня вы его не найдете. Как на счет отпустить меня и выследить позже? В этом есть смысл, согласись. — хватаясь за эту идею как за спасительную соломинку, предположила Рейн.

Попав в почти безвыходную ситуацию, муспела вдруг решила уподобиться Локи и применить на практике один из выученных уроков. Он звучал примерно так: «Дай людям иллюзию того что они хотят и получишь желаемое».

— Ни за...

— Пусть идёт. — Фьюри поднял руки, намереваясь перехватить огненный меч, но тут же одернул ладонь от сияющего лезвия. Металл раскалился добела, впитывая в себя ярость, раздражение и разочарование своего нынешнего хозяина.

Наташа послушно опустила пистолет, выжидая пока Рейн не сделает тоже со своим оружием.

— Приятное было знакомство.

— Далеко ты не уйдешь! — бросил Фьюри, когда муспела дергала ручку двери по пути отсалютывая надменный дерзкий поклон.

— Посмотрим!

— Посмотрим! — Рейн медленно отступила в сторону, все ещё держа перед собой меч.

Девушка толкнула металлическую дверь кинотеатра, пулей вылетая наружу. Пару секунд муспела находила очень и очень странным то, что Фьюри вот так отпустил собственного врага, но затем её взгляд метнулся в сторону туриста в гавайской майке, и Рейвен поняла — они схватят её раньше, чем дева успеет добежать до выхода.

«Считаете, что загнали лабораторную мышку в угол? Пришилили к стенке, Фьюри? — Рейн перехватила меч левой рукой, сделала пару шагов в направлении к нескончаемой очереди у кассы и даже не попыталась предпринять какие-либо попытки к бегству. — Вот только кто из нас двоих та самая мышка?» — с горечью и гневом во внутреннем голосе, подумала дочь Сурта.

В её черной скользкой душе все еще теплился тот самый светлый уголёк, полученный от воспоминаний Роджерса, но и тот стремительно угасал. Сперва Рейн не хотелось, чтобы в её препираниях с Щ.И.Т. ом погибли невинные люди, но по мере того, как последствия ментальной связи пропадали, муспела теряла свою убежденность в невинности людского рода.

«Они такие же как асы, помни. Лживые, лицемерные, алчные.... Невинных нет — только вечные враги и временные союзники».

Правая рука девушки взметнулась вверх, Рейвен развернулась по направлению к лоткам с попкорном и киоскам с бесполезными брошюрками, а затем пустила во всё это великолепие шар из магического огня.

Люди в панике разбежались по залу, забивая своими потными телами проходы и замедляя агентов спецслужбы на пути к их цели. По этажу раскатились перепуганные визги обывателей, оглушающий треск противопожарной системы и дымдатчиков. Лотки из дерева и пластика пылали не хуже рождественской ёлки, они плавилась, заполняя помещение угарным газом и наполняя лёгкие тяжёлым смогом.

Зрелище расходящегося во все стороны не тухнувшего (даже от воды) пламени на краткий миг заставило девушку позабыть о своих преследователях. Она отдавалась во власть зловещего триумфа, который ей доставляли гневные выкрики отца на своих родных детей за, какой бы то ни было, провал.

Но, к несчастью, всему радостному и хорошему в нашей жизни суждено закончиться.

Триумфальное настроение муспелы сошло на нет, когда чьи-то руки крепко обхватили Рейн за локти, заставляя выронить меч на пол. По решительному настрою, улавливаемому в сумбурной каше из паники и страха, дева догадалась, что это руки кэпа.

— Не дергайся, иначе пожалеешь об этом! — подтверждая догадку дочери Сурта, высказался Стив.

— Иначе что? Ударить меня, лживый патриот?

— Я никогда не бил женщин. И сейчас не собираюсь.

— Даже после такого? — Рейвен закрыла глаза, сиюсь найти ту небольшую часть себя, которая все еще сохраняла истинный облик муспелы. Это не заняло много времени — всего секунда, и кожа девы воспламенилась, покрываясь мелкими красными шипами на локтях и запястьях.

Стив Роджерс вскричал от боли, его хватка ослабла, чем муспела тут же решилась

воспользоваться. Она соскользнула на пол, хватая меч и порываясь к выходу. К несчастью, пожар, устроенный ею пару минут назад, уже успели потушить. Беспорядок утих, а агенты заняли свои места у всех выходов из здания по два человека на каждый.

«Проклятье!» — вспыхнула девушка, не прекращая двигаться к ближайшему проходу.

Она кинула еще один разочарованный взгляд на Стива, успевшего чудесным образом регенерировать и буквально загореться маниакальным желанием выиграть эту схватку.

— Без жертв не обойтись... Ну ладно. — муспела обхватила рукоятку меча обоими руками, затем что есть силы крикнула. — С дороги!

К несчастью, мужчины у дверей не послушали разумный совет. Перед ними стояла задача, которую каждый готов был выполнить даже ценой своей жизни.

Рейвен рванула к главному входу на всей доступной ей скорости, пригнулась, когда один из агентов попытался схватить её за плечо, и тут же вонзила меч своему неудавшемуся захватчику в живот.

— Ничего личного приятель. — муспела высвободила меч, без промедления развернулась на сто градусов и срубила второму службисту голову, увернувшись от брызг крови.

У неё не было времени на раздумья, на то, чтобы слушать людские вопли и наблюдать за новой волной хаоса. Рейвен просто дернула на себя ручку двери и выбежала наружу. Только когда ослепительные лучи солнца ударили её в нефритовые глаза и привели в чувство, она поняла, что все еще в своём истинном облике; наполняет воздух магией и плавит на себе свою собственную одежду.

Дева закрыла глаза, сосредоточившись на возвращении к призрачной человечности. Затем, когда это получилось, Рейн спрятала меч тем же способом, который использовал Локи — она погрузила его в туман иллюзии, снова обращая оружие в кольцо.

«Кажется, я поторопилась...» — оглядываясь на главный вход и видя через огромную витрину спешащего в сторону муспелы Стива, подумала она.

Девушка снова перешла на бег, но, к сожалению слишком поздно, потому что великий и ужасный «Капитан Америка» уже догонял её. Расстояние между Роджерсом и Рейвен стремительно сокращалось, а бежать босиком было не самым приятным занятием. Рейн медленно сдавала позиции. Дева могла лишь быть благодарной расступающейся толпе, которая стремительно облегчала задачу обоим врагам.

— Тебе не убежать! — крикнул вдогонку Стив.

Его голос прозвучал ближе, чем Рейн рассчитывала услышать. Ноги уже саднили от соприкосновения с асфальтом, но воительница даже не думала сдаваться. Она заглотнула воздуха, сворачивая на оживлённую улицу Нью-Йорка:

— Помогите! Помогите! На помощь! Он хочет убить меня! На помощь! — давась одышкой, кричала она.

Это был довольно опрометчивый, но одновременно и действенный способ привлечь нужное внимание. Два копа у лавки с хот-догами выхватили пистолеты, озираясь по сторонам. Должно быть, Рейвен действительно выглядела жутко испуганной, потому что полицейские даже не остановили её, когда муспела проносилась мимо них с криками о помощи. Один из офицеров выхватил дубинку и огрел ею Стива, когда тому пришлось остановиться.

«Старые привычки подчиняться властям до добра не доводят, кэп».

— Поднимите руки вверх, сэр... — это было последнее, что Рейн услышала позади себя.

Она свернула в переулочек, радуясь минутной передышке. Пока Стив будет выяснять отношения с властями, она уже будет далеко отсюда. По крайней мере, дочь Сурта на это надеялась.

«Нужно обязательно запомнить этот день и не быть больше такой наивной». — Рейвен прислонилась к ветхому кирпичному зданию в переулочке, сгибаясь пополам от отдышки и содрогаясь от невыносимой ярости.

Подумать только, если бы не желание отомстить Одину и быть признанной Суртом, с ней бы ни за что не случилось бы такой глупой истории! Не пришлось бы убеждать в подлости и хитрости человеческой расы, разочаровываться в собственных способностях и... Много чего еще, если углубляться в хитросплетение жизненных нитей.

— Так, все, вставай... Необходимо сказать Локи, что мстители в полном составе. — Девушка подперла стенку рукой, вновь принимая строго вертикальное положение.

Дева смахнула прядь тёмных длинных волос с лица, заправила их за ухо и опустила удручающий взгляд на то, что когда-то было джинсами. Ткань на ногах расплавилась от высоких температур, она затвердела подобно пластику и скрючилась до самых бёдер, оголив значительную часть ног. Та же участь нагнала и футболку с эмблемой щита кэпа: рукава подгорели, и одеяние теперь представляло собой укороченную версию корсета из пластика и дешевых тканей.

«Я не попаду домой в таком виде... Только не по обычным дорогам». — дева сняла с пальца кольцо, возвращая орудию первостепенный вид.

За сегодняшний день ей пришлось прибегнуть к магии больше раз, чем за всю свою жизнь. Это придавало духовных сил, но очень сильно истощало физически. Тело девы пробила мелкая дрожь, когда она читала заклинание поиска, способное помочь ей отыскать ближайшую ветвь Иггдрасиля — тайной тропы, ведущей в один из девяти миров.

Когда она закончила, платиновое лезвие меча украсили витиеватые узоры из соединённых меж собой рун. Рейвен прошла вперёд, наблюдая за переливающимися всеми цветами радуги письменами: они становились ярче или бледнее в зависимости от направления, в котором двигалась дева.

«Путь будет долгим». — не успели эти слова слететь с уст, как вдруг позади послышались чьи-то шаги, а откуда-то сверху донёсся звук характерный для движущихся лопастей вертолёт.

«Слишком много людей для одного дня. Как же я устала от вас!»

Рейвен пришлось пересилить себя и снова перейти на бег. Девушка сорвалась с места, перебирая руками и ногами в бешеном ритме. Ей не хотелось ждать, пока кто-то из зомбированных суперсолдат нагонит и схватит её снова.

«Черт. Черт. Черт. Черт. Черт!» — срывалось с языка и всплывало в голове практически с одинаковой частотой, когда Рейн не успела затормозить и со всей скорости врезалась в металлическую сетку. Обе щеки и ладони обожгло до ужаса знакомой режущей болью. Муспела позволила панике одолеть себя и снова едва не выронила меч из расцарапанных сетью ладоней.

«Да что с тобой?! Хватит думать, перестань сопереживать людям! Прекрати думать о чувствах! Просто действуй. Действуй, даже если не привыкла убегать! В этом мире все непредсказуемо... просто беги».

— Тебе больше некуда бежать! — подал голос Стив. Он замер всего в двух шагах от Рейвен, предоставляя деве выбор: сдаться самой или же быть схваченной. Чертов лжец!

— Ты уже хочешь меня ударить? — как яд, выплеснула дочь Сурта.

Она не понимала, почему её так разозлил тот факт, что кэп не ответил на её вопрос правдой. В конце — концов он не обязан был. Наверное, Рейвен злила собственная безумная вера в чистоту души, вернее, что эта эфемерная ускользящая надежда оказалась лишь мечтой. Каждый мир, каким бы красивым и величественным он ни казался, обречен прозябать свои дни в бесконечном потоке лицемерия и лжи.

— Я никогда не изменяю своим принципам.

— Я тоже! — рука девы соприкоснулась с металлической поверхностью сетки. Перегородка расплавилась от всего одного короткого теплового импульса, так что Рейн даже не пришлось напрягаться. Дева развернулась на сто восемьдесят градусов и направилась к грузовым докам с контейнерами.

«Умоляю... пусть это не то о чём я думаю». — Рейвен с горем пополам, но все же добралась до места, где руны светились ярче всего. Дева застыла у платформы, разделяющую сушу и мутную гладь неизвестного ей водоёма.

— Ненавижу плавать.

Она устремила свой взор в непроглядную водную тьму, сделала очередной вдох и несгибаемым солдатиком нырнула в воду.

Грязная мутная жижа моментально проникла в лёгкие, забила уши, нос и рот. Всё существо муспелы желало выбросить груз из рук и грести к берегу, но Рейн усиленно этому сопротивлялась, медленно погружаясь на самое дно. Она уже почти лишилась кислорода, когда вокруг тела закружилась тёмно-синяя воронка, а затем деву выбросило на чёрный мёртвый песок неизвестной ей планеты.

Рейвен носом уткнулась в землю и провела зажившей ладонью по безжизненному песку, напоминающему на ощупь крупные хлопья пепла.

— О боги... Швартальвхейм — Царство Тьмы.

Муспела поднялась на ноги, свободной рукой пощупала окровавленную щеку, царапины на которой уже затянулись. Странно, но, даже находясь в полном одиночестве посреди пепельной пустыни мира тьмы, Рейвен чувствовала потребность в осознании своего внешнего облика.

— Ну ладно, пошли. — Дева посмотрела на руны, бледно мерцающие в свете зелёного солнца тёмного мира.

Девушка выставила меч перед собой, подобно факелу, чтобы знать в каком направлении двигаться. Холод, исходящий от земли, нежно ласкал кожу на её обнажённых ступнях.

Она не могла понять сколько времени потратила на поиск тайной тропы между мирами, но её тело к тому моменту уже отказывалось подчиняться. Ноги подкашивались все чаще, дышать было настолько больно, что пару раз за двадцать шагов, она обязательно падала ниц и утыкалась лбом в земляную сажу.

— Попаду домой, обязательно узнаю что значит фраза «напиться до чёртиков», — усмехнулась она, когда лезвие в руке уже знакомо накалилось до бела возле одной из многочисленных пещер в скале, до которых пришлось ползти, наверное, целую вечность.

Рейвен облокотилась спиной о гладкую стенку пещеры, а в следующую секунду её уже выбросило на влажную зелёную траву. Муспела распласталась на шероховатой поверхности, даже не заботясь о том, куда именно попала. Этот мир казался таким тихим.... Буквально тысячную долю секунды. Не успела Рейн прикрыть глаза, как где-то справа раздался шум боя и отзвуки Ванакхеймской речи.

«Нет, черт. Почему мне так везет на неприятности?»

Девушка одним рывком поднялась на ноги, уклоняясь от воина, пролетевшего мимо неё с воинственным видом и непонятным восклицанием.

— Чужак! — крикнул мужчина с золотой секирой в руках. Его лицо было расписано всевозможными рисунками красного и черного цветов, на торсе красовалась стеганная рубашка, а плечи украшала багрово-красная мантия-плащ. — Чужак! — рывкнул воин, теперь обращаясь непосредственно к Рейвен.

— О нет-нет-нет. Стой. Стой!

— Чужааак! Убить!

Не требовалось много ума, чтобы догадаться, что за этим последует. Рейвен инстинктивно отпрыгнула в сторону как раз в тот момент, когда над тем местом, где была её голова, просвистело лезвие двустороннего топора. Она с огромным удовольствием сожгла бы этого тугодума, но в её теле осталось слишком мало сил для физических действий, стоило ли говорить о магии?

Ванахеймский воин вновь занёс свой топор над телом девы, ей ничего не оставалось кроме как опять отпрыгнуть в сторону. Рейвен пригнулась к земле, сделала кувырок в сторону, возвращаясь к первоначальной точке приземления. Она схватилась меч и вонзила его кончик в прореху между доспехом и плотью. Воин не издал ни звука, лишь молча повалился на землю, истекая кровью.

Меч девы угодил в одну из пяти артерий в теле человека.

— Я это возьму... — муспела утерла пот со лба, затем приблизилась к павшему воину, и сняла с него багровую мантию.

***

На улицы Мидгарда уже давно опустилась глубокая ночь, когда Рейн наконец-то удалось попасть в Нью-Йорк. После Ванахейма её забросило еще в три мира: Йотунхейм Райхейм и снова в Царство тьмы. Забавно, если бы заклятие на мече было бы достаточно сильным, то девушка могла бы попасть домой еще в первый свой переход. Но... не бывает худа без добра, верно?

Так или иначе, но муспела побывала во всех мирах, в которые её тянуло в детстве. Правда вот, если бы путешествие было совершено при более благоприятных обстоятельствах, было бы куда приятнее. Она бы чувствовала радость, а не раздражение и усталость.

Грязная, измотанная дорогой и боем, Рейвен даже не потрудилась спрятать меч в магической иллюзии. Она натянула капюшон на глаза и весь путь до здания на Манхэттене проделала пешком.

— Стойте! Погодите! — выкрикнула девушка, увидев молодого парня, вошедшего в лифт. Сама только мысль о том, что ей придется подниматься на сотый этаж пешком, заставляла содрогнуться. На счастье девушки, парень не обратил внимания на внешний облик незнакомки и задержал дверцы лифта.

— Спасибо... — с облегчением вздохнула она, водрузив меч на левое плечо. — Нажмите последний этаж, пожалуйста.

— Ага... — краем глаза Рейн заметила как парень раскрыл рот, ошарашено глядя на соседа по помещению. Он осторожно подошел к циферблату и нажал указанный этаж, ни сказав ни слова.

Человек молчал где-то около минуты, потом всё-таки решился что-либо предпринять и забился в угол.

— Что? — спросила муспела как ни в чем ни бывало. — Тот еще видок, правда?

— Ага... — парень медленно кивнул, но все еще не решался подойти.

— Я просто Толкиенист, только что с ролевой. — нелепо солгала девушка. Ей не очень-то хотелось, чтобы паренёк впал в ступор или вызвал полицию. График приключений итак был переполнен.

— Ааа...

К счастью, двери лифта открылись, чему дева несказанно обрадовалась. Она выскочила наружу, направляясь к их с Локи квартире. Двери лифта закрылись, но даже сквозь толщу из стали и дерева, Рейвен расслышала что-то вроде: «Нужно было спросить адресок».

— Где она пропадает? — третий раз за вечер, вспыхнул йотун. Он описал не один круг по квартире, с каждым новым шагом чувствуя себя всё более напряженным.

В его голову то и дело закрадывались странные мысли о том, что Рейвен, возможно, уже не вернётся или она планировала прийти, но Щ.И.Т. раскусил деву и одноглазый прохвост схватил её.

Каждая новая идея была хуже предыдущей, более странной, более абсурдной и дикой.

Локи кинул взгляд на настенные часы в тщетной попытке остановить нескончаемый поток из мыслей и сомнений, которые трикстер даже и не чаял обнаружить в своём истерзанном разуме. Неужели весь план пойдёт под откос только из-за одного неверного шага? Из-за того, что йотун слишком горд, чтобы извиниться? Из-за того, что ему хватило наглости ворваться в чужие болезненные воспоминания?

Вопросы, одни только вопросы — вот что Рейн оставляет за собой лёгким эфирным шлейфом. Каждый её шаг и каждое произнесённое ею слово постоянно заставляют задуматься над чем-то. С самой первой встречи эта девушка сыплет новыми задачками на голову трикстера. Сперва её взрывное враждебное поведение ко всему что дышит или движется, а затем резкая перемена по отношению к другим расам... Её душу невозможно разгадать. По крайней мере, это будет не так легко, как получалось с другими.

«И что она предпримет на этот раз? Что ж, видимо, остаётся только гадать...»

***

— Я чувствую себя какой-то домохозяйкой! Приготовил ужин, расставил чёртовы свечи, даже её доспехи отнёс в комнату! А что в ответ? Никакой благодарности... Час ночи, а где она? Полдня ожидания, а её все еще нет.

Он подцепил левой рукой бутылку с шампанским, перевернул её на бок и сосредоточенно закрыл глаза, раскатывая сосуд вперед-назад на каждый удар собственного сердца.

Нет, ему нельзя терять над собой контроль. Только не тогда, когда всё падает на самое дно.

«Она придёт, — успокаивал внутренний голос, — любопытство сделает своё дело. К тому же... куда Рейн двигаться без доспехов и...?»

— Меча... — начал было Локи, словами догоняя поток собственных мыслей.

Он почти забыл, что еще отдал Рейвен тессеракт и меч, оставшись тем самым совсем без оружия. Опрометчивый шаг. Вот почему нельзя повиноваться эмоциям и терять над собой контроль.

Йотун поставил бутылку на место, проведя холодной рукой вдоль лица:

«И когда ты стал таким сентиментальным, Локи? С каких пор ты ставишь чьи-то эмоции выше всякой цели?»

— Какие-то проблемы? — прозвучал насмешливый, но участливый голос тени, стоило Локи закрыть глаза на одну краткую секунду.

— Ёкай... как всегда вовремя. — уклончиво ответил трикстер.

Он обогнул угол стола, приближаясь к материализующейся фигуре из темноты.

— Следишь за мной или соблаговолил принести туман?

— Ах да! Туман... — Ёкай, превратившийся в федерального агента средних лет, махнул

рукой в сторону бутылки с шампанским и коротко кивнул. — Он уже у вас, я лишь пришёл сообщить как он действует. Если... наш уговор все еще в силе.

Сейчас голос тени походил на шипение змеи, готовящейся к атаке. Он смотрел на Локи, будто надеясь, что сможет уловить сомнение или задумчивость на его лице. Что ж, сегодня у него это вряд ли получится. Локи коротко кивнул в обычной надменной манере, давая Ёкаю понять, что он помнит об уговоре, но напоминать об этом сто раз на дню не стоит.

— Хорошо... Тогда слушайте, внимательно. Туман поможет вам узнать все, что вы пожелаете, но действует он не сразу. У того, кто его выпьет, напрочь отнимаются все представления о мире, добре, зле или лжи. Он начинает говорить то, что думает на самом деле: без скептицизма и самообмана. Дурман обнажает истинную сущность, заставляет слова слетать с языка со скоростью света, но...

— Что «но»?

— Но с таким человеком нужно быть осторожнее, потому что он также не способен контролировать свои чувства. Словно маленький ребёнок, она расскажет вам все, что только пожелаете, но вам же хуже, если рядом окажется человек, которого она ненавидит или же если её душа соткана лишь из злобы и ярости. Как я уже сказал — туман обнажает истинную сущность.

— И как потом заставить забыть о том, что я сделал? — спросил Локи, невольно воскрешая в памяти вчерашний весьма насыщенный вечер. Который, к слову, ему не очень-то хотелось повторять.

И, если быть совсем откровенным, то Локи был почти не прочь провести еще десятки лет в темнице, чем попытаться успокоить плачущую вооруженную магией девушку, которая готова сжечь тебя при любом удобном случае.

— Дурман сделает все сам... — как всегда, загадочно вымолвил тень, растворяясь в воздухе.

В этот самый момент позади Локи раздался слабый хлопок, означающий, что кто-то всё-таки заглянул в гости. Йотун обернулся с самодовольной многозначительной ухмылкой, не зная, что ожидал увидеть. Наверное, рассчитывал на обычную версию Рейвен: колкая, но одновременно спокойная, любящая подколоть трикстера время от времени. Вместо такой Рейвен его взору открылся настоящий воин. В том самом смысле, будто бы муспела успела побывать на поле боя несколько раз прежде, чем дошла до квартиры. В красном атласном плаще, босая, от части грязная, будто её валяли в грязи, окровавленная, её одежда частично опалилась, оголяя большую часть тела (ноги, руки, живот).

— Что с тобой...? — с неподдельным удивлением в голосе спросил йотун, но дева тут же выставила вперед руку и оборвала его на полуслове.

— Ни. Единобо. Слова. — сказала она так, как будто выговаривала своего непослушного ребёнка.

— Ты... — Локи позволил себе короткую ухмылку, за которую тут же поплатился вымученным полным тихой ненависти взглядом.

Рейвен прошла на кухню, оставляя за собой ряд из пыльных следов на коврике в гостиной. Девушка схватила первую попавшуюся под руку губку и открыла кран на полную, не заботясь о том, что выплескивает воду мимо раковины.

Все это время Локи стоял на перепутье между гостиной и кухонным углом, все еще немного ошарашенный внезапным появлением Рейвен или, скорее её внешним видом.

«И снова вопросы...» — язвительным шепотком мелькнуло в голове.

— Не хочешь помочь? — укоризненно спросила муспела.

— Только если ты расскажешь, что с тобой случилось.

— Боже... Сейчас?

— Почему бы и нет? — трикстер уселся на один из стульев за барной стойкой, развернулся лицом к Рейн, согнувшейся пополам над раковиной и активно отмывающей лицо от сажи и пыли.

— Тебе когда-нибудь надоедает быть настолько невыносимым? У тебя ровно столько же обаяния, сколько у земляного червя, выбравшегося на поверхность.

— Вот они — язвительные комментарии огненной воительницы. Лишь услышав их я понял, как соскучился по тебе, Рейна. — рассмеялся йотун.

Он подошел к муспеле со спины, приподнимая её волосы и позволяя девушке очистить своё лицо более тщательно. И, конечно же, трикстер не смог сдержаться от того, чтобы не закатить глаза:

«Подумать только, я — нянька. И когда я позволил собой так легко управлять? — взгляд Локи вперился в красный атласный плащ, красующийся на спине Рейвен. — Кто-то усвоил первый урок плетения интриг, верно?»

— Помоги снять плащ, — Рейн выпрямилась в полный рост.

Без туфель или большущего самомнения она не казалась такой уж высокой. Всего лишь девушка, достающая своей макушкой до носа Локи. Стоп... когда это он начал задумываться о её росте?

— Сейчас. — отрезал ледяной принц, его тонкие пальцы нащупали застёжку на левом плече и расстегнули её. Красная гладкая ткань плавно упала на пол, открывая взору йотуна кусочки черного непонятного пластика, прилипшие к коже на спине муспелы.

— Ты что прыгала в костер или умудрилась найти вулкан с кипящей лавой? Потому что...

— Заткнись и помоги это отодрать. Мне это немного проблематично сделать, если не заметил.

— Только потому, что ты выглядишь хуже, чем тот же самый червь на земле, я воздержусь от комментариев и возражений. Мы же, в конце-концов друзья.

— Друзья? Если ты называешь объединение для захвата мира дружбой, тогда ладно...

Десять минут спустя, когда все следы пребывания Рейвен в яме с грязью исчезли, а она сама вышла из своей комнаты в чистой одежде (заставив Локи ждать лишние несколько минут, хочется заметить, что специально), трикстер наконец-то смог услышать всю историю.

Рейн ходила по комнате взад-вперед, активно размахивая руками и повышая голос всякий раз, как речь заходила о сражениях или о Капитане Америке. Иногда девушка делала остановку, но лишь для того, чтобы вздохнуть и продолжить повышать голос дальше. Трикстер даже не ожидал, что Рейвен так привяжется к людскому роду и уж тем более не рассчитывал на то, что эту привязанность и хорошее впечатление можно так же легко покрошить на кусочки.

— ... Я никогда еще не была так зла! Никогда! Этот гнусный лживый предатель...

Так продолжалось до тех пор, пока муспела не кинула случайный взгляд на бутылку с шампанским и не двинулась в сторону кухни, чтобы её взять.

— Знаешь что? Я очень надеюсь на то, что твоя армия не состоит из сброда викингов, потому что если так, то проще доверить мне одной разрушить все до основания. Что-что, а я

сейчас и не на такое способна. Надоело отсиживаться здесь, когда рядом целый мир, жаждущий быть разрушенным. Меня бесит этот мир! Бесят эти люди! Никчемные лжецы, не способные защищаться. Я устала от Земли. Мне надоело путаться в хитросплетениях их жизнью.

Голос Рейвен звучал слегка надрывно. Он был полон агрессии, такой же, которая слышалась в её голосе в несколько первых дней их знакомства. Вряд ли это было хорошо. Если задуматься, то за пару недель муспела существенно изменилась в лучшую сторону, она будто выросла, а теперь снова становилась прежней.

— Меня радует твое боевое настроение, но если ты хочешь действовать, то не стоит пить это. — трикстер выдернул из рук Рейн бутылку, отставив её слегка назад, чтобы дева было трудней дотянуться.

— Стоит. Или я кому-нибудь сейчас нос сломаю. Клянусь. — дева выставила вперёд свою руку, требуя, чтобы Локи отдал отобранное. Трикстер самодовольно ухмыльнулся, снова награжденный гневным молчаливым взглядом.

— Тебе это не нужно пить, поверь.

«С тебя на сегодня хватит».

— А вот теперь я еще больше этого хочу. Дай сюда.

— Как пожелаешь. — Локи перекинул шампанское с руки на руку и оттянул бутылку еще дальше. — Попробуй создать иллюзию себя и тогда мы поговорим. Это и тренировка и веселье.

Девушка недоверчиво прищурила зеленые глаза, в её голосе и даже взгляде сквозила одна многозначительная фраза: «Ты пожалеешь».

Ей хотелось выпить это только из принципа. Если что-то запретили — обязательно это сделай. Что ж, может Рейвен и не такая взрослая, какой порой кажется. Странная смесь оптимизма, наивности, острого ума и воинственности. Она выставила руки вперед в примирительной манере и выдала то, чего Локи никак от неё не ожидал:

— Ладно. — прозвучал её тихий нежный голос. Рейн развернулась в сторону гостинной, но как только оказалась позади Локи тут же рванула на себя бутылку изо всех сил, не понимая, что приближает к себе забвение. Локи лишь хотел отсрочить неизбежное. Странно, но ему хотя бы один день в своей жизни захотелось побыть хорошим (после рассказа Рейвен о своих приключениях он довольно быстро переосмыслил и собственное поведение за прошедшие три дня) и дать муспеле отдохнуть от «хитросплетения жизнью».

Реакция йотуна оказалась намного лучше, чем Рейн могла предположить. Он схватил девушку за запястье и прижал спиной к себе, сразу же получив локтём в бок:

— От алкоголя болит голова. — рассмеялся трикстер, сжав локоть девы.

— Решил поиграть? Тогда получи.

Рейн отступила на шаг назад, сокращая расстояние между их телами и заряжая воздух электричеством, затем вывернула руку так, что трикстеру пришлось выпустить муспелу из крепкой неуязвимой хватки, а напоследок нагнулась, перекидывая трикстера через плечо с секундной задержкой. От её тела так и разлило жаром, таким приятным, что трикстер позволил себе забыть, что его только что повалил маленький зверь, который раздирает все и вся на части.

— И вот он — властитель душ и хозяин вселенной. Лежит на полу, побежденный девушкой. — подначивала Рейн, затем протянула руку к бутылке и взяла её. — Тебе повезло, что мы друзья по захвату мира. Выпьешь?

— Думаю, что твоя маленькая победа немного не считается.

— Правда?

— Я позволил тебе победить себя. Должна же была эта игра закончиться в чью-то пользу.

— Да, конечно.

Рейвен разлила предполагаемый напиток по бокалам, лишь слегка пригубив.

— Какая гадость... — закашлявшись, выдала она, дав Локи повод для оправдания.

Трикстер поправил галстук, присел на край дивана и внимательно посмотрел на девушку.

— Я ведь говорил, что сделал это специально.

— Специально? — сонно спросила Рейн. Она оторвалась от разглядывания золотистой жидкости в прозрачном бокале лишь для того чтобы уставиться непонимающим взглядом на трикстера. Секундой позже, муспела присела рядом с ним и задала вторую часть вопроса. — Что это значит?

По зелёным непонимающим глазам, по резкой смене настроения и по тому как Рейвен держалась в присутствии трикстера он понял — туман начал действовать. Осталось задать нужные вопросы, а дальше дело за малым.

— Рейн? Как ты себя чувствуешь? — с примесью любопытства и лёгкого участия спросил йотун.

На всякий случай он выждал ещё несколько минут, прежде чем что-либо говорить или спрашивать. Этот вечер она не должна запомнить, определённо.

Локи обратил взор на непонимающее лицо, выражение на котором быстро потеряло безмятежность и исказилось лёгкой злобой.

— Я чувствую себя так, будто готова убить каждого агента Щ.И.Т. а, который попадётся мне на пути! Я хочу действовать! — воскликнула она с едва уловимым оттенком обиды и злости.

У трикстера сложилось впечатление, будто Рейвен вот-вот подскочит на месте, помчится к двери, а затем исполнит желаемое. Но муспела лишь подтянула коленки к груди и обвила их руками. Женщины, кто их поймёт?

— Я хочу вырвать механическое сердце Щ.И.Т. а и уничтожить эту организацию... Еще мне...мне так грустно. — слетело с её уст, но не смотря на сбивчивый темп и скорость её речи Локи решил, что Рейн тяжело говорить это.

Может быть, в её голове слишком мало тумана? Или, может быть, это особенность человеческой природы, её природы?

Лафейсон не стал задавать глубокомысленные вопросы ни себе, ни Рейн. Вместо этого он отдался неуёмному коварному любопытству и решил подойти к желаемой теме медленно, узнавая по пути сущность той, с кем знаком относительно недавно. Его мучила странная, едва уловимая жажда, жажда разгадать этот запутанный клубок из разноцветных нитей мыслей, идей, ощущений. Такую сильную жажду испытывает разве что житель пустыни, потерявшийся среди дюн песка и так и не нашедший вожделенную воду.

— Почему? — как можно более хладнокровно спросил Локи.

Он расположил свои руки на спинке дивана, создавая максимально дружелюбную атмосферу. Ему совсем ни к чему, чтобы Рейвен металась вокруг, размахивая пламенным мечом направо и налево.

Рейна тем временем сменила позицию, она придвинулась ближе к Локи, дотронулась правой рукой до его волос и пропустила короткие пряди сквозь свои тонкие пальчики.

— Твои волосы такие тёмные... чёрные, как и твоя натура. — уклончиво проговорила дева, так и не соизволив ответить на поставленный вопрос. Вот и еще одна особенность муспелы — даже под туманом стараться увернуться от обличающих расспросов, переводя стрелки на незначительные посторонние темы.

Признаться честно, это малость раздражало Локи, непривыкшего ждать результатов собственных стараний слишком долго.

«И что же влияет на неё сильнее: алкоголь или туман?» — едва сдерживаясь от того, чтобы не закатить глаза, подумал трикстер. Рейн не отставала от его волос, по крайней мере целую минуту, то и дело пропускала прядки через пальцы. Это движение получалось таким мягким, спокойным и таким знакомым, что йотуну тут же захотелось одёрнуть руку и начать требовать ответы на свои вопросы, а не просто задавать их. Ему хотелось быть менее восприимчивым к случайным прикосновениям и не испытывать неловкости, не чувствовать себя глупым как сейчас.

Одним лёгким движением он обхватил запястье Рейны, а когда ему снова удалось завладеть её вниманием, трикстер посмотрел на девушку со всей строгостью, с которой только мог смотреть в остекленевшие мутные глаза:

— Ты не ответила на вопрос... — поучительным тоном, содержащим лишь тысячную долю обычного саркастического яда, спросил трикстер.

— Потому что... — начала она, высвобождаясь из его некрепкой хватки. — Не смотря на все мои усилия и старания, меня постоянно обманывают. Я устала от лжи, лицемерия, постоянных шуток и оскорблений... Потому что, я столько лет училась ненавидеть человеческий род, а в итоге просто не знаю как это делать. Я просто злюсь из-за лжи, но не хочу их смерти... Я не знаю... Потому что — её же слова, казалось, удивляют девушку не меньше чем Лафейсона. — я совершенно потеряна. Я не знаю чему и кому верить и как поступить. Я не хочу убивать всех только ради Сурта, я больше вообще не хочу убивать ради него. Столько лет... — Рейвен соскочила с дивана так быстро, что даже Локи не успел отреагировать на её молниеносное движение.

Девушка встала напротив йотуна, с её уст слетал бесконечный поток слов, как лавина обрушивающаяся на сознание. Огромная снежная лавина.

— ...Столько лет я вымаливала прощение за то, что мне оставили жизнь, я верила и надеялась, что если сделаю что-то стоящее, если кину миры к ногам Сурта, он наконец-то примет меня такой, какая я есть — неполноценным уродом, не принадлежащим ни одному миру целиком — и перестанет меня ненавидеть.

В другой ситуации Локи уже всеми способами попытался бы остановить муспелу, перестать слушать или увести подальше от этой опасной краеугольной темы, но не сейчас. И дело вовсе не в том, что Рейвен в его глазах снова становилась ребёнком лишенным нормального детства полного любви и понимания и точно не в том, что ему до ужаса хотелось слушать всё, что она скажет. Её просто "нельзя" было останавливать.

«Пусть выговорится: она этого не запомнит, а значит и не придет в ярость... А мне полезно будет знать её слабые стороны» — решил он для себя. Но в глубине своей «тёмной, как и своя сущность» природы Лафейсон знал, что их истории слишком схожи, чтобы игнорировать их. Часть его сущности "хотела выслушать Рейн". И она слушала, как бы это ни было странно.

— Я не знаю... Не знаю почему, ясно?! Я слишком привыкла к этому чувству, чтобы знать почему именно мне грустно. Потому что я не способна принимать самостоятельные решения? Потому что не знаю кому верить? Потому что мне не хватает сил, чтобы признать, что всё это время я мстила не ради Сурта, а ради матери, которую никогда не видела? А что, если бы она не полюбила меня такой?! — девушка схватилась за голову обеими руками и села на пол, подтянув ноги к груди. Она обвила их руками, отчаянно желая спрятаться от всего за завесой из длинных тёмных волос. Рейн, казалось, вот-вот заплачет, но она всё-таки держалась. Даже сейчас, когда все эмоции, чувства, инстинкты в принципе невозможно было сдерживать. — Потому что... — продолжала она — Мне не хватает сил, чтобы признать — я ненавижу Сурта. Я бы с радостью вырвала его гнилое сердце и скормила Мирхеймскому червю... Но даже здесь я проигрываю. Я не смогу подобраться к нему настолько близко: его армия муспел, армия проклятых, Мироба, Август, Синмара... Они не настолько верят мне, чтобы подпускать ближе, чем на тридцать шагов. И... я бы вернулась домой, но... не после того как выкрала меч. Я бы вернулась убить его, но... меня тут — же схватят за измену. Я бы могла с помощью твоего тессеракта, но... он обжигает мои руки.

В подтверждение своим словам Рейн подняла голову и посмотрела на свои ладони. Это продолжалось всего секунду, прежде чем туман увёл её в дебри из эмоций. Рейн посмотрела на Локи зелёными глазами нефритового оттенка, на которых в любой момент могли бы навернуться слёзы.

— Ты всё еще хочешь знать... знать, почему мне грустно? — с укоризной спросила она, постепенно срываясь на тихий крик — Потому что я очень долго могу перечислять!

И она заплакала.

Тихим, безмолвным, почти незаметным плачем: слезы просто стекали по её щекам солёными дорожками, вырисовывая на них прозрачные витиеватые мокрые узоры.

«Нет, не нужно этого делать, Рейна. Только не это».

Этого трикстер уж точно не ожидал. Он был готов проигнорировать все те мысли, украденные из её головы, все те эмоции, лишь для того, чтобы поверить — её сущность гораздо устойчивее, она закалённый и беспощадный воин (потому что Локи уже довелось однажды видеть в бою: злобная, жестокая, беспощадная). Сейчас трикстер видел перед собой отчаявшуюся запутавшуюся в хитросплетениях нитей жизни душу. И он бы мог пожалеть её, как Фрига когда-то жалела его самого, если бы йотун знал, что делать и ему не было бы так неловко в подобной ситуации.

«Можешь гордиться собой, Локи — ты смог довести девушку до истерики всего одним лишним вопросом. Теперь успокаивай!»

— Рейна... — Локи опустил руку по левую сторону от девушки, осторожно положил руку на её плечо, при этом вновь окунаясь с головой в знакомое ощущение идиотизма. Что нужно говорить, когда кто-то плачет? Гораздо проще уйти и подождать пока всё пройдет и проблема решится сама по себе.

«Боже...» — Локи тяжело выдохнул, так и не решив с чего начать.

Ледяной принц просто выдал первое, что пришло в его голову:

— Насколько сильно ты хочешь смерти Сурта? На твоём месте я бы желал этого больше жизни. Он заслуживает смерти. Убить его было бы справедливо, верно?

Услышав его, муспела вытерла слёзы тыльной стороной ладони, Локи удалось завладеть её неуравновешенным сумбурным вниманием, подобрать нужный ключик к замку на двери здравомыслия.

— Но я не смогу этого сделать, если рядом будет его семья... Они все время рядом с ним и не позволят вырвать его сердце... — начала она спокойным тоном, как-будто бы и не плакала всего мгновение назад. — Это единственное уязвимое место муспел. Сурт состоит из чистого огня, все они из чистого сгустка огня и лишь небольшой доли плоти, которая слишком быстро восстанавливается.

— И только так можно убить их? — спросил трикстер. Он убрал руку со спины девушки, затем помог ей подняться, чтобы вновь рассестись по своим обычным местам.

«Легенда подтверждается... Любопытно»

— Да... Только так. Всех, кроме проклятых, потому что до их сердца добраться практически невозможно — их тело состоит из затвердевшей лавы, а кожа защищена доспехами из камня, поэтому они практически бессмертны. Их можно лишь обезглавить.

«Наконец-то удалось выудить что-то стоящее!» — обуреваемый легкой эйфорией и новой волной жажды, подумал он, а затем спросил:

— Кого еще ты ненавидишь так сильно, что готова убить?

— Я ненавижу всех агентов Щ.И.Т. Я хочу, чтобы они умирали долго, медленно и

мучительно. Я устала ото лжи и хочу, чтобы они пали. Я ненавижу того, кто отнял моё детство. Хочу чтобы Один страдал... Я не стану убивать его, я просто вырву его мечты о наследии и королевстве. Я не убью Одина лишь до той поры, пока не разрушу его маленький мир до основания. Я хочу их смерти так сильно...

Говоря это, Рейвен вновь стала похожей на саму себя: уверенная, сильная, несгибаемая. Трикстер даже позволил себе пропустить маленькую ухмылку, даже позволил проскользнуть в их разговор маленькой язвительной шутке:

— А меня? Меня ты ненавидишь? Если нет, то почему так быстро ушла с утра: я так плохо целуюсь?

— Что? — глаза девушки на секунду вспыхнули осознанием, но то была лишь секунда.

Потом Рейвен взяла в руки маленькую подушку с дивана и принялась подергивать края кружева:

— Я хочу тебя ненавидеть, но просто не знаю как... — она дала совершенно серьёзный ответ на абсолютно не серьёзный вопрос.

Это слегка обескураживало, но Рейн, как и всегда, не дала Лафейсону в волю поудивляться такому повороту событий, как уже вновь окунула его в новый оттенок этого неуютного чувства.

Девушка умастила подушку на его коленях и легла спиной вниз, так, чтобы видеть лицо трикстера.

— Твой... поцелуй... — начала она, пытаясь сосредоточиться на одной единственной мысли вместо тысяч других. Муспела дотронулась до своих губ кончиками пальцев левой руки и посмотрела на Локи, заставив его пожалеть о случайно выроненной шутке.

— Это...

«Я ничего не хочу знать... в этой комнате слишком душно». — категорично вопил внутренний голос.

— Мне было больно от того, что ты крадешь мои воспоминания... В этот момент, я клянусь, мне хотелось оборвать эту связь, но я не могла... До меня никто не дотрагивался "так".

Слова в её руках — назойливые маленькие мошки, то и дело снующие у лица и жужжащие у ушей, иголки, вонзающиеся в кожу и проникающие под ногти, стрелы, пущенные прямо в грудь, бьющие на поражение.

Будь Локи сердобольной девицей, то уже зарделся бы от подобных слов, но к счастью он тот, кто есть, поэтому трикстер позволил себе лишь замереть в бездействии на несколько секунд, обдумывая следующий вопрос, плавно уплывающий подалее от подобной темы. Туман работает лучше, если у тем есть общий знаменатель, связь.

— Расскажи мне о своём мире. Он такой же как и описывают легенды? — спросил йотун, готовый выслушать длинный рассказ.

Рейвен закрыла глаза, вероятно представляя Мирхейм во всём его величии, затем начала повествование своим мелодичным голосом:

— Существует много легенд о мире, появившемся раньше остальных восьми. Многие из них это лишь призраки правды, другие же содержат не больше истины, чем слова о том, что змеиный яд не способен причинить вред человеку. Но существа, написавшие все эти легенды, вряд ли были в Муспельхейме до того, как Сурт запечатал Звёздные врата и закрыл наш мир на вход и выход для всей системы. На самом деле там очень красиво. Мой мир представляет собой обитель всего живого, что есть в системе Иггдрасиля. Он разделён на 3

части, 2 из которых не имеют между собой чёткой границы. Первая из них и самая далёкая это Мюрквид — единственное место, где царствует вечная ночь, тёмный лес с деревьями, листва которых имеет цвет оникса и драконьего камня из сказок. Посреди этого леса расположен наш портал, способный доставить в любой мир за секунды... Этим он похож на Биврёст, разве что более неуязвимый. Вторая часть — Город вечного огня, царство Чёрного короля. Он состоит из вулканической почвы, временами переплетающейся с обычной травой, землёй, деревьями... — Её рассказ только-только начинался, голос убаюкивал своей мелодичностью, усыплял бдительность Локи. Трикстер облокотился на спинку дивана, подставив правую руку, сжатую в кулак, к подбородку и упёрся на него. Мир, который описывала Рейвен был абсолютно противоположен тому, что йотун читал в сказаниях Асгарда.

— Реки, вытекающие из маленьких вулканов, огненные озера и замок из застывшей лавы на дне настоящего вулкана. Внутри него вечно горят огни, но не смотря на это, там всегда темно: внутри нет окон, а свод потолка уходит настолько далеко ввысь, что даже великаны кажутся маленькими внутри мрачного замка. К нему можно спуститься по каменным лестницам наверху или же пройти через врата, охраняемые вечными бессмертными стражами из армии проклятых. Они беспрекословно подчиняются Сурту, а их верности можно лишь завидовать... Они лишены собственной воли, поэтому без промедления пойдут на смерть ради правителя Мирхейма. Всегда знают, когда ему грозит опасность, потому что связаны друг с другом и с ним древней магией. А третья часть...

Рассказ девушки резко оборвался. Её зелёные глаза распахнулись, все еще подернутые тонкой прозрачной пеленой тумана. Рейн дотронулась до кулона с синим камнем, висящим на её шее, выражение её лица приобрело лёгкий оттенок задумчивости.

— А что касается третьего мира? — спросил йотун, ненадолго усыпленный длинным повествованием.

— Я не хочу о нём говорить. — отрезала муспела. — Он был создан не для меня.

Она поднялась на ноги, развернулась в сторону двери в комнату и без малейшего зазрения совести покинула общество Лафейсона.

«И снова вопросы...» — уже привыкший к тому, что последнее слово остаётся не за ним, подумал Локи.

На какую-то минуту его одолел короткий приступ раздражения, который с лёгкостью удалось подавить.

Ждать осталось совсем чуть-чуть.

Она почти готова. Нужно лишь слегка надавить.

Голова девушки едва коснулась подушки, когда сквозь магическую дымку из тумана в её голову закралась странная, тяжёлая, как грудa металлолома, мысль:

«Почему Локи так интересуется моим миром, когда мы должны завоёвывать Мидгард? Он не должен...»

Рейвен прикрыла глаза, затем медленно подтянула ноги к груди. Собственное тело казалась ей слишком тяжёлым, чтобы подняться, а мысли были слишком запутанными, чтобы разобраться во всём, что происходит последние несколько дней...недель.

И тем не менее, уставшая от игры слов, запутавшаяся в паутине интриг, она почти физически ощущала ту мысль, даже попыталась распутать воздушный клубок, но не смогла, как бы сильно этого не желала. Стоило всего на секунду сосредоточиться на чём-то, как мир перед глазами терялся на фоне эмоций и самых сокровенных желаний; этот мир таял как кубик льда под палящим солнцем, был гоним семью морскими ветрами, как несчастная горстка пепла.

Многие из странных мыслей были знакомы и ощущались очень просто, о других же Рейн пока не догадывалась или старалась скрывать даже от себя самой. Почти на всё, что дева уже успела узнать, у неё находились определённые чувства и ассоциации, но когда Рейн попыталась вспомнить, почему до сих пор помогает Локи и зачем рассказала ему так много, то не смогла ответить на вопрос. Всё что касалось ледяного принца, было либо слишком сложно и недостижимо, либо находилось слишком близко и лишь поэтому оставалось незамеченным. Иногда казалось, что даже воздух вокруг него окутан осторожной двусмысленностью. Общась с подобными ему, никогда не знаешь, врет этот человек или говорит правду, уважает или ненавидит.

Как бы там ни было, но мысли о трикстере были слишком утомительными. Когда ты не знаешь ответа ни на один из поставленных вопросов, это клонит в сон, заставляет отключить мысли и погрузиться в то состояние, где правит воображение.

У муспелы это почти получилось: её веки смежились под внешним давлением, тело почти обмякло на огромной мягкой кровати, но тут дверь в комнату открылась с лёгким поскрипыванием, и Рейн услышала сквозь полусон голос Локи:

— У нас большие проблемы, просыпайся.

Его тон отдалённо напомнил Рейвен настороженность, но в нём едва уловимо витало раздражение и усталость. Интересно, что так разозлило трикстера?

Девушка с неохотой открыла глаза, медленно поднимаясь в кровати.

«Неприятности? Что может быть хуже спутанных мыслей?» — подумалось ей, а затем Рейна непроизвольно дополнила полумысль вслух.

— Я пленник своего разума... Всё слишком сложно, чтобы что-то понять, распутать. И я не понимаю почему мы должны избегать боя, когда на нашей стороне магия?

— Ну, хорошо. — произнёс трикстер терпеливым, почти заботливым тоном. Почти.

Он обогнул кровать, схватил муспелу за руку чуть выше локтя, поднимая ту на ноги. — У нас есть пять минут, чтобы подняться на крышу и уйти раньше, чем нас найдут. Ты мне веришь?

— Нет.

— Вот и отлично. — Лафейсон закатил глаза, затем сделал едва заметное движение

кистью, и в его руке возникла до боли знакомая черно-пурпурная ткань из кожи и металлических эластичных вставок.

«Доспех!» — какой бы тяжёлой не была бы голова Рейн, но эту вещь она узнает где угодно.

Еще одна лёгкая вибрация воздуха и он оказался на обладательнице одеяния, что не сильно её удивило. Конечно же, магия трикстера более элегантна и натренирована, чем магия Рейн.

— Пойдём. — он без колебаний потянул девушку вперед и она, гонимая странным инстинктом, подчинилась ему.

Никаких вопросов, никаких сомнений. Только один простой инстинкт — всё время двигаться.

Они с Локи почти добрались до выхода, но в тот самый момент, когда рука трикстера мягко легла на металлическую ручку двери, в квартире на последнем этаже в центре Нью-Йорка раздался оглушительный вой сирены и такой же оглушительный мужской голос, смутно напомнивший Рейн голос Фьюри озвучил типичную для каждого блокбастера речь:

— Бежать некуда, вы окружены. За дверью мои ребята и еще отряд на крыше, на выходе вас ждут «Мстители». Советую сдать или кто-то обязательно пострадает.

Взгляд нефритовых глаз муспелы метнулся сперва на лицо Локи, так и блестящее выражением: «Нужно было действовать быстрее» или чем-то в этом роде; затем к двери, ставшей прикрытием для Фьюри и его «солдат».

Дева почти физически ощущала как шевелятся тонкие губы трикстера, выдавая слово смутно напоминающее: «Дьявол».

— Фьюри... — полурыком произнесла Рейн. — Я хочу убить его.

— Не сейчас, Рейвен. — настоящим тоном, произнёс ледяной принц и еще сильнее сжал руку огненной девы.

Она в свою очередь попыталась вырваться, сыпя проклятьями и высказывая вслух все мысли, рождающиеся в сознании в тот самый момент:

— Почему? Я хочу его смерти, и мы не имеем права упускать данный нам шанс... Я должна. Ты не понимаешь... Не понимаешь.

Голос муспелы звучал надломлено и удивительно жалко. Так, будто кто-то отнимал у неё самое дорогое, что было в жизни.

В сознании всплыл образ мёртвого Фьюри, который она надеялась притворить в жизнь, но затем всё резко погасло.

Дверь, подле которой муспела и трикстер стояли, взорвалась, в комнату ворвался ослепительно белый туман. Он источал ядовито-кислый запах, постепенно проникающий в лёгкие.

Локи закрыл рот рукой, гонимый окружающим их отрядом, он вместе с Рейвен отошёл ближе к центру помещения.

Сердце муспелы заколотилось с удвоенной силой, когда до неё дошло, что они окружены. Дула автоматов устремились прямо в их лица, и с этим уже ничего нельзя было сделать.

Девушка вышла вперед, инстинктивно заслоняя собой трикстера, но не потому, что хотела защитить его и принять весь удар на себя, нет, она собиралась подорвать их оружие.

Один вид солдат внедрял в сердце девы ярость, она чувствовала себя преисполненной гневом, поэтому освободить скрытую энергию было намного проще, чем в первые дни

пребывания за пределами собственного мира.

За доли секунды зрачки Рейвен увеличились в диаметре, заливая весь глаз, её руки напряглись, выпуская огненный шквал прямо в людей, окруживших их. Рейвен чувствовала, как потоки обходят стороной её и Локи, нанося ощутимый урон по агентам Щ.И.Т.а. Они попадали навзничь выронив своё оружие, но Фьюри среди них не было, что очень расстроило огненную деву.

Она обернулась через плечо, выискивая знакомый силуэт, но муспеле удалось встретить лишь изумрудные глаза Локи.

— Прекрасно... — сказал он, затем положил руку на её плечо, и деву окутали золотые витиеватые потоки магии. — А теперь нам пора.

***

— Вы уверены, что это хороший план? — сквозь дебри сна муспела слышала незнакомый голос.

— Более чем. Она готова, но нужно еще немного времени... Нужно напомнить ей с жестокости. — этот голос принадлежал Локи. Высокий и в тоже время басистый, мелодичный и звучный, как резонирующий хрусталь.

Рейвен попыталась открыть глаза, но это простое движение далось ей с трудом. Голову обременяла вселенская тяжесть, а каждое движения казалось невыносимым.

Рейн шевельнула рукой, отыскивая тумбочку с настольными часами, но не смогла отыскать её. Вместо привычной утвари ей в руки попала лишь пустота.

Стоило Рейн пошевелиться, голоса смолкли, опустошая воздух вокруг неё. Она даже начала думать, будто это всё лишь приснилось ей.

— Что?.. — попыталась произнести муспела, но её собственный язык отказывался подчиняться воле разума.

Невыносимо яркий свет ударил в глаза Рейвен, когда ей наконец-то удалось открыть их. Первым, что дева увидела, был Локи, облаченный в свой зелено-черный доспех с металлическими вставками из золота. Он сидел на подоконнике прямо напротив девушки и делал вид, что изучает пейзаж за окном:

— Смотрите кто проснулся. Я уж думал, ты...

— Умерла?

Его взгляд устремился к лицу Рейвен, она приподнялась на локтях, не уверенная, что сможет встать на ноги.

«Синие обои... у нас были белые. Этот диван и окно напротив... Это не наш дом», — огненная дева осторожно огляделась вокруг и вдруг поняла, что совершенно не помнит вчерашний вечер.

— Что произошло? Где мы?

— Долго объяснять. Могу сказать лишь одно — ты у меня в долгу. Нас выследили Щ.И.Т пока ты пребывала в алкогольном беспамятстве и вынудила меня защищаться в одиночку...

«Я пропустила бой и теперь должна ему...больше никогда не буду пить земные напитки», — удручено подумала Рейн.

Если бы она не была собой, то уже несколько минут пыталась бы вымолвить прощение, залившись краской от стыда, но Рейн лишь вскочила с дивана, схватившись левой рукой за голову и силясь вспомнить вчерашний вечер.

— Я не помню... Почему я не помню? — девушка попыталась направиться ближе к

окну, чтобы вновь ощутить запах мидгардских улиц и проветрить мысли, но мир перед глазами пошатнулся, стоило ей приказать напряженным мышцам пошевелиться.

Она думала, что упадёт самым нелепым образом, но сильные руки Локи вовремя успели поймать её. Ледяной принц обхватил Рейн за талию и потянул на себя, не дав ей упасть.

— Спасибо. — слегка ошарашено вымолвила муспела.

Она подняла голову, встретившись взглядом с Лафейсоном, и тут же почувствовала, как тысячи невидимых мурашек расползаются по нервным окончаниям. Муспела ощущала мягкость его пальцев даже сквозь толстый слой одежды и слышала как надрывно бьётся его сердце под её ладонями. Вселенная вокруг замерла на мгновение, а затем трикстер поспешил отстраниться от девы, обрывая невидимую нить связывающую две сущности.

Рейн не должна была, но отчего-то почувствовала обиду и злость за этот отказ.

— Тебе стоит быть осторожнее. — трикстер вернулся на исходную позицию.

Он повернулся к окну и затем сказал не глядя на Рейвен:

— Сегодня вечером мы отправляемся в Лондон... есть одно дело, требующее вмешательства оружия.

— Перестань говорить загадками, ладно? Я сейчас совсем...

— Ты умеешь танцевать?

«Без загадок, конечно без загадок... Спасибо»

— Не доводилось.

— Жаль, тогда мы отправляемся на приём в Лондон ради того, чтобы убить министра обороны. Он обеспечивает Щ.И.Т. оружием. В каком-то смысле он его сила...

— ...Тогда лишим их этой силы. — закончила за Локи Рейвен.

Она присела на диван, ментальным касанием ощупывая каждый дюйм воздуха в новой квартире. Муспела не спрашивала себя как она здесь оказалась и перестала пытаться восстановить в памяти упущенные сутки, она вновь поднялась с мягкого сидения и спросила:

— Где ванна?

— К чему она тебе? Ты выглядишь... По коридору направо. Слева комната — там платье на вечер и твой меч.

— Куда мы идём? — Рейвен была очень настойчивой, и трикстер ценил это качество в ней, но порой подобное его попросту выводило из состояния равновесия.

Например, прямо сейчас Лафейсон искренне жалел, что действие тумана не окончилось еще час назад.

— В новое убежище. Старое мы благополучно упустили. — терпеливо ответил он, опустив тот факт, что их выследили по неосторожности Рейвен. Ни к чему лишний раз тревожить затуманенный разум.

— Мы могли бы добить их... Так почему ты бежишь как трус?! — Рейвен вырвалась из крепкого захвата йотуна, уставившись на мужчину непонимающим взглядом. Её голос выражал неприкрытую первородную злобу. Самое неприятное в этой ситуации было то, что трикстер даже не мог прикрикнуть на деву, разозлиться в ответ или обратить всё в язвительную надменную шутку. Он остановился вместе с ней, развернувшись к огненной деве лицом.

«Ты еще дотошнее, чем кто-либо способен представить», — сдерживая ухмылку, подумал он.

— Это очень умный ход. Мы хотим сразиться с главными врагами и нам совсем ни к чему умирать сейчас, верно?

— Да... — эти слова убедили её слишком быстро, по мнению Лафейсона, но он был рад, что это вообще сработало. Или почти сработало. — Верно, но ты всегда руководишься лишь своими желаниями, тебе плевать на то чего хочу я... Кого я хочу убить и вообще. Почему я вообще тебе помогаю?

— Хорошо, чего ты хочешь? — спросил он, глядя на растрёпанные тёмные волосы своей спутницы. Её нефритовые глаза около минуты изучали задумчивое лицо трикстера, всё это время она молчала на радость его ушам, кидая загадку для напряженного мозга.

«Почему ты так долго думаешь?»

— Я не знаю... Возьми меня за руку.

Ответ ошарашил йотуна. Как и всегда, он думал, что знает истинную натуру девы, но вновь ошибся. Что ж, все получают то, что заслуживают. Он опоил деву туманом в надежде услышать правдивые ответы на свои вопросы — вот один из них.

Локи, снова окунаясь с головой в знакомое чувство, дотронулся до мягкой кожи на запястье Рейн и тут же почувствовал жар, расплзшийся по телу. Желваки его заметно напряглись, Локи отпрянул от ладони девушки как от кипящего масла и повернулся по направлению к двери высокоэтажного здания.

— Нам пора. — отрезал он, нажимая кнопку последнего этажа.

Тень любезно предоставил Локи квартиру бывшего агента, чью внешность тот перенял, и теперь она должна была стать новым временным убежищем.

Всю остальную часть пути Локи и Рейвен проделали молча. Дева смотрела прямо перед собой, шепотом сыпля проклятьями, обращаясь ко всем кого ненавидит. Это продолжалось до шестого этажа, затем туман окончательно окутал её разум и поверг во тьму. Она прислонилась к одной из стен лифта и закрыла глаза.

Трикстер не стал ничего говорить по этому поводу, он лишь устало вздохнул, затем перекинул Рейну через плечо и понёс в комнату.

Её обмякшее тело казалось таким лёгким и хрупким, что трикстер даже позволил себе удивиться тому, что это аккуратное существо может кому-либо навредить.

— К счастью, магия компенсирует недостаток силы. Верно?

Лафейсон открыл дверь в единственную комнату в квартире, но кровать там едва ли была пригодна для сна: из матраса торчали пружины, а всё пространство комнаты наполнил собой запах затхлости, там давно никого не было.

Тени не спят — они ждут момента, чтобы проникнуть в мир, поэтому кровати им не нужны.

— Отлично... — саркастично вздохнул йотун.

Он понёс спящую девушку в гостиную, где уложил на диван и только собирался умастить своё тело на соседнее кресло, Рейн схватила его за подол плаща и проговорила.

— Сядь рядом... Здесь холодно.

— Хорошо. — из его уст это прозвучало как «Никогда», но тем не менее, трикстер приподнял голову Рейн и сел у её изголовья.

— Спасибо... но я всё равно тебе не верю....

— Аналогично.

— ...И ты меня бесишь. — девушка скрестила руки на груди, вновь становясь абсолютно беззащитной.

Трикстер взглянул на её безмятежное юное лицо и не смог не улыбнуться одной из самых редких настоящих улыбок. Этот непринужденный тон заставил йотуна подумать о матери, готовой принять его таким какой он есть, поддержать в любой ситуации, и сказать правду что бы не произошло.

***

Проснувшись утром, трикстер первым делом взял тессеракт в руки и призвал с его помощью тень.

Йотун знал, что нельзя больше медлить. Ещё несколько дней и он сам поверит в то, что прибыл в Мидгард дабы просто освободиться от оков и обрести свободу, а не чтобы завоевать этот маленький никчемный мир в надежде подчинить их все и отомстить тому, в чьей тени был вынужден жить на протяжении многих лет.

Поскольку Рейвен так и не удалось вспомнить события прошедшего вечера, она решила сосредоточиться на их с Локи миссии. Ей не хотелось думать, что она чем-то обязана йотуну, поэтому дева просто закинула эти мысли подальше вместе с лёгким чувством вины из-за того, что не смогла быть полезной, проявила себя с худшей стороны во время боя...

Им обоим предстояло обсудить план действий:

«Первое совместное задание... даже не верится, что мы наконец-то действуем сообща. Скажите мне об этом неделю назад, я бы сожгла безумца, не моргнув глазом»

Девушка облокотилась о шаткую белоснежную раковину, улыбнувшись себе одним уголком рта. То, что Локи и Рейн не убили друг друга за всё это время, лишь доказывало, что если объединить двух непохожих существ одной целью, они обязательно справятся.

Рейн прошла в единственную комнату в квартире (помимо гостиной) в поисках хоть каких-нибудь вещей. Первыми, что зацепил её взгляд, оказались до боли знакомые и родные доспехи; дева присела на край кровати и тут же схватила своё одеяние.

«Неужели?» — с осторожной радостью проблеснуло в её голове.

Кончики пальцев нащупали холодный металл, затем опустились ниже и принялись изучать тонкую, но удивительно прочную кожу до тех пор, пока не нащупали металлические нити в том месте, где должна была быть зияющая дыра.

— Итак, какой план? — спустя несколько минут спросила Рейвен.

По привычке она опустилась на диван напротив трикстера, который теперь сидел на обшарпанном старом кресле. Рейн так и не спросила его, что это за место и какой вообще город, ей и не требовалось это знать. Она предвкушала предстоящую битву, по которой, как оказалось, успела ужасно соскучиться.

— Всё очень просто. — в своей обычной спокойной манере начал йотун. — Как я уже и говорил, мы временно лишим Щ.И.Т. глаз и силы. Прoberем на бал под видом гостей; устроим представление и убьём его. Конечно, нам попытаются помешать, но с этим... — Локи достал спрятанную в магическом кармане знакомую цепочку и направил её по воздуху к Рейн. Огненная дева взяла её в руки, ощущая как каждая клеточка её тела наполняется силой и властью. — Кто нас остановит? Даже Фьюри с его так называемыми «Мстителями» вряд ли справятся с подобной мощью... К тому же на нашей стороне не только эта магия.

— Настоящий праздник. — выдохнула Рейн, раскатывая кулон между указательным и большим пальцами. — Устроим эффектное представление, но дадим «Мстителям» немного форы... иначе будет не интересно.

***

По парадному залу музея разливалась неторопливая приятная мелодия, звуки каждого из инструментов сливались воедино с голосом девушки, одетой в тёмное длинное платье. Она пела о том, что нужно попытаться измениться к лучшему и о том, что она уже устала бороться, потеряла веру, перестала извлекать уроки из своего прошлого...

Рейн не особо разбиралась в Мидгардской музыке, но даже она сочла странным, что на выставке играет современная группа, а не классическая скрипка. И тем не менее, муспела наслаждалась этой мелодией. Каждая нота будто вливалась не только в её сознание, но затрагивала тонкие струны души, перемалывая кости в мелкие кристаллические песчинки.

Её рука произвольно коснулась шероховатой деревянной поверхности перил, пытаясь

ухватиться за остатки реальности как за спасительный плот, с помощью которого можно было бы поплыть против течения и перестать проникаться словами этой песни.

— Неужели она молчит... — как всегда полный холода и сарказма, подал голос Локи.

Рейвен моментально распахнула глаза, изо всех сил пытаясь изобразить, будто бы её только что не застали врасплох. Судя по широкой улыбке на лице йотуна, попытка была тщетной.

— То же самое могу сказать о тебе, ваше высочество. — девушка подобрала шлейф своего тёмно-синего платья и приклонилась в демонстративном реверансе.

Нефритовые глаза Рейвен с вызовом заглянули в глаза трикстера, в ожидании более остроумной шутки. Но трикстер лишь превратил жезл в кольцо и надел то на палец, затем протянул муспеле руку, как это делали кавалеры в далёком семнадцатом веке и задумчиво произнёс:

— Раз уж я принц... Не желает ли моя дама потанцевать?

Обычные слова, но сколько в них надменности и чрезмерного яда. Рейвен захотелось треснуть его чем-нибудь посильнее, но она приняла его руку с таким видом, будто бы не заметила интонации трикстера.

Они прошествовали вниз по лестнице прямо к центру зала. К этому времени музыканты, играющие печальную глубокомысленную мелодию, уже покинули угловую сцену, на смену им пришел небольшой оркестр из восьми скрипачей. Их мелодия наполнила зал так же мгновенно, но уже совсем другой музыкой.

Большая часть гостей, танцующих до этого, сменила темп ходьбы, и сошлась в странном танце. Сперва они едва касались правых ладоней, шествуя друг за другом, затем проделывали то же самое с левыми и на финал наконец-то сходились в классическом вальсе.

Очень странный танец, смысл которого вряд ли можно понять простым наблюдением.

— Зачем мы тратим время на эту глупость? — шепотом спросила Рейвен, глядя в глубокие зелёные глаза Локи. Его вид был абсолютно серьёзен, но йотуна выдавал взгляд — он чуть ли не смеялся.

— Мы не выделяемся из толпы, пока Министр не покажется. Таков план.

Трикстер отошел на шаг назад, протянув муспеле руку.

— Я не понимаю смысла.

— Я думаю он в глазах. — спокойно сказал он.

Рейвен подняла правую руку так же как это сделал Локи, изо всех сил желая вновь оказаться посреди толпы агентов окруженная собственным огнём. В отличии от ледяного принца, которого вся эта ситуация развлекала.

Девушка подняла взгляд на сосредоточенное лицо Локи, затем повторила те же движения что и он, касаясь холодных ладоней Лафейсона и вдруг почувствовала, что время вокруг них как-будто замедлилось, эта планета сбавила обороты и пожелала остановиться ради одного единственного мгновения. По телу огненной девы пробежала лёгкая электрическая волна, значение которой она не могла понять. Только почувствовала, как Локи разрывает этот контакт и от всей души почему-то возненавидела его за это.

Её взгляд метнулся к изумрудным глазам ледяного принца, от части улавливая такое же странное настроение и вопрос, застывший в глазах обоих.

— Пора. — только и сказал он, когда звуки музыки стихли, а по залу раскатилось хрустальное эхо удара металлической ложки о бокал.

— Дамы и господа. Рад, что вы все собрались здесь и надеюсь, что мне достанется

бокал этого чудесного шампанского. — весело прогремел коренастый мужчина в смокинге таким тоном, будто все вот-вот должны засмеяться над его словами: гордый и уверенный в том, что все его слушают.

По сути, так всё и было.

Почти.

К тому моменту Локи и Рейвен уже успели разойтись по разным сторонам зала и почти приблизились к своей цели. Нужно лишь дождаться момента, чтобы нанести решающий удар. Дева вернула взгляд в сторону трикстера, не понимая, откуда взялась эта странная пустота, когда он разомкнул их ладони и отшатнулся от Рейн, почему её тело так реагирует на прикосновения — это прекрасно и пугает одновременно; он кивнул, дав сигнал к началу представления.

Муспела тут же отбросила в сторону все мысли и сосредоточилась на своей задаче. Она стрелой метнулась к министру, а он никак не мог утихомириться и продолжал толкать скучную речь, даже не заметив её до тех пор пока дева не взошла на сцену, встав прямо позади него; зал мгновенно зашелся в удивленных охах. Впрочем, уже через тысячную доли секунды они сменились воплями ужаса, потому что Локи заморозил всю охрану вокруг «важной персоны».

Рейвен в это время схватила мужчину за горло и поставила на колени, готовая в любой момент воспламенить его плоть.

Люди — огромная смертоносная толпа, утонувшая в панике — метнулись к запасным выходам, но к их несчастью иллюзорные копии Локи уже перекрыли доступ. Единственным проходом для них оставалась витражная крыша из разноцветного стекла, но насколько муспела могла судить, люди не умеют летать.

— Как я обожаю это. Вы мните себя героями, лидерами, богами... Но как только вам предоставляется шанс — вы бежите, поджав хвосты. Люди — жалкая раса, вы не достойны власти.

«Как же он любит выставлять себя на показ...» — про себя отметила дева, но продолжала молчать, чтобы ненароком не нарушить эффект появления.

Люди в панике, и совсем неважно какими способами они с Локи этого добились. И какие безумные речи ледяной принц не толкнет на пике всеобщего внимания.

— Ну что же... — в руках трикстера засверкал золотой жезл. — Сделайте то, что естественно для вас — на колени!

В голограммы Локи уткнулись потупленные взгляды. Люди никогда не понимали что-то с первого раза, поэтому Рейвен сжала пальцы вокруг глотки министра безопасности чуть сильнее и медленно начала обугливать его плоть, магией удерживая мужчину на весу, чтобы тот не рухнул в обморок от боли.

— Намного лучше. — праздным тоном произнёс Локи, но в этот момент его голос пересилил механический лязг от летающего прототипа мини-крепости.

— Советую вам оставить граждан в покое, потому что в этот раз просто так сбежать не получится.

«И снова шоу начинается».

«Как всегда с опозданием», — подумал трикстер за секунду до того как витражный потолок с треском обрушился на пол, а люди, столпившиеся в центре зала с глупым напуганным видом, разбежались по углам прикрываясь от осколков чем ни попадя. В ход шли дамские сумочки, длинные шлейфы платьев, стулья и дорогостоящие скрипки с прочими музыкальными инструментами. Бедную толпу всецело поглотило смятение: они не знали куда деться от падающих осколков и как спрятаться от людей, посягнувших на их безопасность и комфорт.

Лафейсон коротко кивнул Рейвен, перехватывая жезл правой рукой; муспела, в свою очередь, сжала горло министра еще сильнее, на какое-то время пламя заняло всё его тело, но уже через секунду от мужчины не осталось ничего кроме жалкой горстки тёмно-серого пепла.

В её простом прикосновении столько мощи, а эта девушка все еще борется с совестью, с самой собой! Она спокойно может убить любого, кто встанет у неё на пути, но предпочитает сражаться обычным оружием. Это восхищало и одновременно злило сына Лафея. Но не ему судить Рейвен за её своеобразную совесть.

Люди снова бросились в рассыпную, подобно крысам, бегущим с тонущего корабля. Даже вид появившихся «мстителей» не смог подавить эхо криков и воплей, разнесшихся по помещению. Музыка стихла, тонкий аромат фиалковых распылителей вытеснил едкий запах топлива от ускорителей на железном костюме Старка. Его невозможно ни с чем спутать, Лафейсон никогда ничего не забывал. Особенно, если дело касалось Мстителей.

— Надо же... вы почти в полном составе. Где вы потеряли еще двоих? — обратился трикстер к группе из четырех человек, готовых потратить время на то, чтобы попытаться убить бессмертных богов.

Глупые, глупые людишки.

Конечно, прежде чем начинать драку они должны были поговорить — это своеобразный обычай всех «героев», готовых сразиться с наглыми «злодеями», которые осмелились посягнуть на драгоценную Землю.

Первым, естественно, вышел Тор, затем Старк с его своевременными замечаниями и самолюбивыми шуточками.

«Отвлекающий манёвр», — тут же отметил трикстер, привыкший делать то же самое во время боя.

— Прекрати это, Брат. Хватит этого безумия... Или ты снова хочешь гибели невинных людей?

— Не наигрался в прошлый раз, ковбой? Тебе было мало одного поражения, ты соскучился и пришел за добавкой?

Пока агент Романофф и благородный Капитан Америка пытались, как они думали, быстро и незаметно вывести людей из зоны боевых действий, Старк и Тор продолжали толкать бессмысленные речи.

И это уже начинало надоедать. Не только Локи, но и Рейн тоже. В её глазах полыхало то же пламя, которое опалило министра. Дева поравнялась с Локи, она жаждала битвы, и её терпение было на исходе.

— В этом мире невинных нет, сын Одина! — с полузабытой для трикстера ненавистью,

произнесла Рейн. В её ладони вспыхнул маленький тёплый шарик света, разрастающийся с неумолимой скоростью. Муспела обрушила его на западную стену у лестницы, блокируя запасные выходы по правую и левую сторону от подъёма.

Это простое действие привело механизм боя в действие. Та тонкая грань между почти мирными переговорами и началом битвы была разорвана.

«Умница», — едва сдерживая ядовитую улыбку, подумал Локи. Несколько недель назад он бы и представить не смог какое удовольствие можно получить, сражаясь бок о бок с муспелой. Она будто читала его мысли и знала когда стоит ввязываться в драку, а когда оттягивать неизбежное.

Не медля ни секунды, Рейвен развернулась к лестницам у парадного входа и выпустила огненного дракона из своих ладоней. Люди, которых Черная вдова и капитан Америка так усердно

пытались спасти, вспыхнули как спички. Одежда, украшения, они сами, — все — расплавилось как мягкий воск свечи. Жестоко, но на войне и правда не бывает невинных.

— Вот вам ваши невинные! — угадывая мысли трикстера, выплюнула муспела.

«Мстители» были в бешенстве, все до единого.

Воинственный Тор с воплем полным отвращения и ненависти метнул Мьёлнир в сторону Локи: трикстер увернулся, краем глаза улавливая как Рейвен отражает механизированный огонь Старка и направляет его к своему хозяину.

«Огонь вытеснять огнём... смешно».

Электрическое пламя ненадолго пришилило Железного Человека к ближайшей колонне, но к несчастью Рейвен ускорители в костюме Старка были немного, но всё-таки, сильнее магии девы.

Лафейсон вновь увернулся от Мьёлльнира сводного брата, пользуясь случаем, чтобы отметить возвращение слегка помятой обвалом Черной Вдовы и абсолютно здорового Капитана Америки в строй. Они спешили на помощь Тору, в то время как на Рейн приходился всего один противник.

Они сильно недооценили возможности огненной воительницы. Зря.

Трикстер занёс жезл над головой и со всей силы ударил им в грудь Тора. Тот и не пошатнулся, все еще продолжал свою душераздирающую тираду о родстве.

— Локи, прекрати битву! Наша мать отпустила тебя не за этим... К чему тебе бессмысленное кровопролитие? Вернись домой, этим ты ничего не докажешь!

— Прибереги свои речи для того, кто в них верит, сын Одина!

Громовержец подался вперед, замахиваясь молотом выкованным из ядра звезды, он целился прямо в лицо трикстеру.

«Ох, Тор. Ты так предсказуем. Снова падаешь в объятия гнева».

Лафейсон увернулся от очередного удара, растворяясь в золотистой дымке. Затем йотун метнул в железного человека, все еще оттесняемого огнём Рейн, ледяную стрелу, извергнутую из жезла. Металл на костюме уже начинал плавиться, когда Локи решил помочь муспеле, а потому, соприкоснувшись со льдом, он зашипел подобно змее. Тем не менее, это сработало, — погребенный внутри куба льда, Старк был выведен из игры.

Мстители быстро поняли это, поэтому великолепная четверка быстро разделилась на две команды. Тор и подоспевший Роджерс занялись богом лжи и огня, а Черная вдова устремилась на бой к Рейвен. Наверняка, забавное зрелище. Но при всем желании ледяного принца, ему не суждено было увидеть его.

Спустя несколько минут боя дамы исчезли в восточной части зала, уставленного древними почти разрушенными экспонатами, а трикстер вновь был вынужден отвечать на выпады своих противников. Короткая передышка закончилась.

— И это всё, на что вы способны? — бахвально выкрикивал Локи. Из его жезла вылетела очередная снежная стрела, попавшая, к сожалению, лишь в щит звездно-полосатого солдата.

— Довольно! — выкрикнул Тор.

Он оказался позади сводного брата, в то время как Капитан Америка попытался сбить трикстера с ног и пригвоздить к полу металлическим щитом. Ему удалось проделать это, но к сожалению лишь с одной из многочисленных копий Лафейсона.

Как только эта растаяла, на её смену пришла другая, более правдоподобная и изворотливая. Мстители хотели подраться — рассуждал Локи — пусть сперва поймают его.

Жажда битвы заглушала все остальные чувства Рейвен; недавно пережитое и неизвестно откуда взявшееся чувство обиды, утомление от бесконечных ожиданий и даже то мимолетное тепло, растекшееся по телу.

В своем мире Рейн уже давно устала от бессмысленных кровопролитий и постоянной необходимости доказывать что-либо силой, но несколько недель проведенных без дела казались деве намного хуже. Ведь о днях, проведенных в бесконечных беседах и обсуждениях планов, вряд ли кто-то станет вспоминать с таким же пылом как о времени затраченном на битву. В прошлый раз муспела не была готова, но сейчас... Сейчас ей больше всего на свете хотелось обмакнуть «великих героев Земли» в их собственную кровь. К несчастью, лидера всех праведных мошенников здесь не было, — насколько дева успела понять, он лишь отдавал приказы и редко выходил в свет — а благородный Стив Роджерс не стремился нападать на девушку.

***

Когда Старк был повержен совместными усилиями трикстера и Рейвен, в игру вступила Наталья Романов.

Рыжеволосая девушка, с грациозностью смертоносной пумы, возложила палец на курок пистолета и нацелилась прямо в грудь Рейвен.

— Да ладно тебе... — выдохнула дева, отходя в сторону. — Я думала, будет веселее.

— Я не большой любитель отрываться на работе. Сдавайся, на нашей стороне бог. — Наташа кивнула в сторону сражающегося Тора, затем вновь сосредоточила своё внимание на Рейвен. — И парочка ребят покрепче. Вам с Локи не победить. Без армии, уж точно.

«Посмотрим», — игриво прошелестело в голове огненной девы.

Она подняла руки в примирительном движении, произнеся:

— Это мило, но ты забываешь кое-что еще. Я и Локи — боги стихий.

Рейн медленно повернула ладонь против воображаемой часовой стрелки, нагревая тёмную сталь пистолета. Уже через минуту оружие начало плавиться в руке Наташи, заставив шпионку выпустить его из рук.

— Умно, но я считала тебя лучшим человеком. Это ведь так. Я знаю подобных тебе: ты думаешь, что тебе нравится убивать, но на самом деле просто привыкла к этому. Убийство и грубость — способ выжить, но не более. Я разбираюсь в людях.

— А я думала, что ты не очень разговорчивая. И что мне достанется кто-то посильнее... Ну знаешь, не тратящий время, — муспела легким движением руки сняла сперва одну туфлю, затем вторую. Она завернула за угол очередной колонны, отдаляясь от западной обрушенной части и все ближе подходя к скандинавскому каменному столу. Девушка отбросила неудобную обувь в сторону, готовая в любой момент обратиться в плоть подобающую Мирхеймскому жителю, — на разговоры!

Рейвен метнулась вперед, занеся кулак, нацеленный в грудь шпионки. К сожалению, той удалось увернуться в самый последний момент, и Рейн тоже пришлось развернуться, чтобы не упасть.

— Почему же ты не воспользуешься магией? — спросила агент будничным тоном, будто только что не отскочила от кулака огненной девы. Разговоры о чести были напрочь позабыты.

— Банальная женская драка куда интереснее. Разве нет? — Рейн улыбнулась, нутром чувствуя подвох в этом вопросе.

Удалиться от огненного меча, находящегося в руках трикстера, было не лучшим решением. В мире, где магия едва ли не на нулевом уровне, этот артефакт был единственным средством подпитки. Нужно было вернуться к нему как можно скорее, пока слабость от недостатка магии не расползлась по телу, а сама муспела не была застигнута врасплох.

Наташа проскользнула по поверхности стола, выставив ногу вперед и больно ударив Рейвен в живот. Девушка отступила назад, пытаясь увернуться от нового потока из комбо шпионки. Мысли о магии слишком сильно занимали её сознание, не дав сосредоточиться на реальности. К сожалению, та крупица магии, с таким трудом накопленная со дня последней битвы, была уже израсходована, и слабость понемногу давала о себе знать.

— Что такое? — спросила Наташа, отходя вправо, чтобы обойти противницу со стороны. — Ваша армия опаздывает?

— Она прибудет вовремя, не сомневайся. — огрызнулась муспела. Этот разговор не ведет ни к чему хорошему. Нужно срочно прекратить всё это.

Девушка подставила подножку Наташе, но та увернулась и от неё тоже. Шпионка сделала выпад вперед, целясь в висок, но Рейн перехватила руку Романофф, пользуясь мимолетным преимуществом, потянула ту вперед и что есть силы ударила девушку ладонью в переносицу. Горячая соленая кровь залила половину симпатичного лица Наташи, девушка была в ярости. Она мгновенно отреагировала на удар; вывернулась из захвата в своем фирменном стиле — подставила подножку Рейвен, затем обхватила талию девы ногами, и та уже через мгновенье оказалась пригвожденной к полу. Капли крови из носа агента Романофф капали на бледную кожу и одежду муспелы, мгновенно впитываясь в шелковую ткань платья.

— И кто же представляет вашу армию? Надеюсь, не тот сброд, вышедший на улицы неделю назад? Иначе можете считать, что вы уже проиграли. Впрочем, так и есть.

«Кто её представляет?.. Хотелось бы и мне об этом знать», — с сомнением подумалось Рейн.

В руках Романофф появился миниатюрный шокер, которым она собиралась воспользоваться, но медлила. Почему она медлила? Видимо, уловила какую-то долю сомнения в глазах огненной девы и решила дать этому зернышку прорасти в её сознании. Вместо того, чтобы улучшить момент и поймать Рейн, Наташа придавила её горло коленом и спросила:

— Вижу, твой хозяин держит тебя на коротком поводке. Верно? — сказала она, приводя механизм ярости в действие.

— Он мне не хозяин! — выдохнула Рейвен настолько громко и гневно, насколько это было возможно.

Крохотный огонек сошел с её пальцев, опалая ткань костюма. Наташа выдернула ногу из-под руки муспелы, даруя той чудный шанс, чтобы оглушить шпионку. Рейвен прогнула спину, в момент оказавшись на ногах, она пнула лежащую Наталью Романофф в живот. Как ни странно, она улыбалась, еще сильнее зля этим Рейвен.

— А кажется, что наоборот... — утирая кровь капающую из носа, произнесла рыжая. Она не поднималась, просто продолжала говорить. — Ты бегаешь по его заданиям как послушная собачонка, он держит тебя на короткой цепи... не дает знать всю суть плана, ты

даже об армии ничего не знаешь. Только палишь во все стороны, когда он этого пожелает.

— Ох, заткнись. Я знаю что ты делаешь. У тебя ничего не выйдет. — совершенно спокойно произнесла Рейвен.

Но было поздно. В её душе уже вспыхнул давно потушенный огонёк ненависти к Локи.

Она ненавидела Наташу, но на сей раз не из-за того кто она, а из-за того, что была права. За все эти недели Рейвен ни разу не поинтересовалась "как" они будут захватывать власть, "чьими" силами.

«Мы поговорим об этом, но сперва я расправлюсь с ней», — решила про себя дева.

Наташа улыбнулась, будто услышала её мысли.

— У меня получилось. Поверь, если ты уже об этом говоришь.

— Слова ничего не значат.

В руках Романоф блеснул короткий нож, девушка нацелилась на босые ноги своей противницы. Рейвен, все еще погруженная в сомнения и ярость, отпрыгнула в сторону, оказавшись позади лежащего агента.

— Нож? Я ожидала от тебя большего. Почему ты не сражаешься?

— Я уже победила. — произнесла она.

Почти в ту же секунду в спину Рейвен прилетела стрела, а позади послышался мужской бас:

— Я немного задержался... думал сколько стрел прихватить.

— Соколиный глаз, видимо. — Рейвен вынула стрелу из плеча, не обращая внимания на зудящую боль и хлещущую кровь, окончательно испортившую платье. — Приятно познакомиться.

Девушка позволила гневу овладеть собой, а глазам засверкать черным ониксом. Её кожа стала бронёй цвета языков пламени, повергая в едва уловимый шок обоих убийц. Они вряд ли успели что-то сообразить, когда Рейвен подняла агента Романофф за волосы и приложила головой к стене. Девушка моментально обмякла, её глаза на какое-то время закатились и только потом закрылись.

— Нат! — приглушенно выкрикнул Сокол. Теперь его голос не был столь бодрим как секунду назад.

Он воздел лук, но тот вспыхнул, обжигая пальцы.

И одного гнева хватило лишь на несколько секунд, затем Рейн вновь приобрела привычный для Мидгарда образ. Подол её платья слегка обуглился, но то не стесняло движений.

— Ты сделал мне больно... — прошептала муспела, подходя к Бартону со спины. — Я сделаю больно тебе.

Ногти Рейн вцепились в шею Соколиного Глаза, его кровь тонкими струйками стекала на белоснежный мраморный пол, сперва касаясь плоти, а затем и мыслей своего обладателя.

Перед внутренним взором Рейвен предстала ясная картина, от которой она поспешила оградиться. Ей нужно было лишь прочесть чувства, но не переживать их вместе с хозяином.

Вместо обычного приёма, она воспользовалась другим видом магии. Тем, который питался именно гневом.

Дева проникла в воспоминания Клинта Бартона, омрачая каждое из них своим гласом. Её голос разрывал сознание наёмника изнутри, заставляя его преклонить колени и кричать от невыносимой боли:

— Ты убивал невинных и виновных. Тебя пытали, чтобы лишить способности любить...

Но не смотря на это ты все равно любил ту, чьё сердце пропитано сочащимся ядом. Почему? Она ведь никогда не полюбит тебя так, как тебе того хочется... Ты всегда будешь одиноким, что бы ты не думал. Ты всегда будешь убийцей, что бы ты не чувствовал. Ты всегда будешь желать себе смерти, что бы не произошло... Каким бы героем ты ни стал бы в будущем, тебе никогда не исправить прошлого. Спаси ты хоть миллионы жизней, ты не искупишь грехи прошлого. Ты не вернешь десяткам детей их родных и близких. Тех, кто пострадал от твоих рук. Зачем ты сражаешься с собой, если заранее проиграл? Зачем просыпаешься каждый день, если хочешь умереть? К чему тебе жизнь, в которой ты вечно грешник и никогда спаситель? Ответь мне.

— Я не знаю... — голос Бартона казался надломленным, когда Рейвен выпустила острые как лезвие ногти из его глотки. — Я не знаю... — повторил мужчина, опуская руки.

Он стоял на коленях с помутнённым взглядом, обращенным в никуда.

Этот приём, в котором Рейн не была уверена, сработал. Она не знала насколько, но пока что лучник был выведен из строя. Суть заключалась в том, чтобы поднять всю душевную боль на поверхность и заставить Клинта прочувствовать её вновь, в одно мгновение. Весь тридцатилетний груз обид и страданий вывалился наружу и сломил его. Эффект быстро проходит, — но это зависит от того сколько пережил человек за свою жизнь.

Муспела оглянулась на Наталью Романофф; её грудь еле заметно вздымалась и опускалась, к величайшему сожалению агент была жива, просто находилось без сознания.

«Лежачих не бьют...» — хмыкнула Рейвен, оглядываясь на шум боя.

Локи всё еще сражался с Тором и «Мистером Благородство», наловчившись атаковать и отражать удары обоих почти с космической скоростью.

Рейвен хотелось вмешаться в бой, но какое-то тёмное злобное чувство внутри говорило не делать этого. Ей хотелось бы посмотреть как трикстера ударят, ей самой хотелось бы это сделать. Но на этот раз повинуюсь не мимолётному приступу раздражения, нет, чему-то более мрачному и серьёзному.

Девушка без лишней суеты прошествовала к центру зала и заняла одно из винтажных кресел на выставочном пьедестале:

— Ты скоро? — спросила Рейвен в обычной разговорной манере, будто они престарелая пара собирающаяся в театр. Ничего необычного.

— О, еще пару минут! Ты уже закончила? — произнёс Локи, выставивший жезл перед летящим в его сторону молотом.

— Да. И мне уже скучно.

Из тессеракта Лафейсона вырвался вихрь, ненадолго заморозивший Тора. Только тогда Локи ответил муспеле:

— Присоединяйся.

Вместо ответа Рейн метнула в кэпа огненную сферу, чтобы обратить внимание «заступника человечества» на себя.

— Ты все еще не бьешь женщин, Стив? Потому что после того, что я сделала с твоими друзьями, я бы тебя ударила.

Капитан обернулся на Рейвен, не в самый подходящий момент. Локи занёс жезл и ударил мстителя по голове. Капитан потерял равновесие и выпустил щит из рук.

Секундная разминка позволила Рейн и Локи исчезнуть из зала, оставив после себя хаос и разруху, как подобает злодеям.

«Долго же Щ.И.Т. у придется размораживать Тора и Старка. еще дольше водить по

врачам Клинта и Наташу... — Рейн посмотрела на трикстера недовольным взглядом — и еще дольше кому-то придется объясняться со мной»

— Как?! Как такое возможно?! — голос Ника Фьюри грозным эхом отразился от стен штаба, тут же короткими предательскими шепотками разносясь по всему зданию.

Кулак лидера секретной службы обрушился на стеклянный стол, казалось бы, еще больше подпитывая гнев директора.

— Бог, лучшие убийцы, легенда... Как эти двое смогли победить вас?!

— При всем уважении, директор Фьюри, эти ребята вообще-то боги. — произнесла Наташа.

Если бы Тор не знал свою сотрудницу вот уже несколько лет, то вряд ли бы мог сказать что женщина, сидящая в зале переговоров, это она; губа Романофф распухла, у носа все еще оставались следы запекшейся крови, а на затылке красовались только что наложенные швы, умело скрытые бинтами.

«Хотелось бы и мне знать, откуда в моем брате столько мощи, — с горечью подумал сын Одина и тут же поправил сам себя, — в человеке, которого я считал своим братом».

Тору было что сказать, но полубог решил, что будет лучше, если сперва выговорятся остальные. Время, когда он любил влезать в чужие споры и еще больше усугублять ситуацию, уже давно прошло. Сейчас громовержец хотел целиком и полностью обратиться в свои мысли, понять, что именно он упустил из виду, и почему победа далась Локи так легко.

В прошлый раз трикстер знал всё наперед благодаря тому, что оказался в эпицентре событий и имел безграничную возможность подслушивать разговоры их команды. Что он предпринял на этот раз? Как он мог знать абсолютно все, находясь в тени?

В руках брата была сила двух миров, закованная в жезл. Но только силы было недостаточно. Здесь было что-то еще... кто-то еще, кто докладывал Локи обо всех планах. Конечно, плут не сомневался, что Щ.И.Т. выследит его, но он будто знал сколько времени на это уйдет.

— Именно. — преисполненный чувства ущемленного достоинства, произнёс Старк. Он сидел во главе стола, не стесняющийся своего неподобающего встречи внешнего вида; Тони Старк был обмотан в тёплое одеяло и не вылезал из него уже около часа, с тех пор как его в буквальном смысле выплавили из куба льда. — Из вас когда-нибудь делали мороженное на палочке, директор? Вот из меня делали — поверьте, чувство не из приятных. Правда, Роджерс?

— Довольно! Хватит с меня этих оправданий! У нас был превосходный шанс прекратить войну, но мы его упустили вместе с нашим лучшим лучником... Кхм. Кстати об этом. Что случилось с Клинтом?

— Он побывал в когтях союзницы Локи. — отозвалась Наташа. Она хотела сказать что-то еще, но Стив перебил её.

— Да уж, девушка не с самым лёгким характером. Вы-то уж знаете.

— Как и вы Роджерс. — на фоне общих разногласий опять возник Старк. — Подождите пару дней, может быть, представится еще один шанс, чтобы пригласить её на свидание.

— Мы снова возвращаемся к нашим прошлым ошибкам. Снова ссоримся, но на этот раз уже по собственной инициативе. — Наталья Романофф приложила руку к затылку, оглядев всех присутствующих настойчивым взглядом. — Пока вы не порвали друг друга на части, я хочу сказать. В их союзе не все так надежно и гладко как всем нам кажется. Локи как всегда

строит козни, но делает это лишь на свою выгоду. Не знаю каким образом, но ему удалось убедить Рейчел... Рейвен — не важно — действовать так как ему хочется. Но благодаря мне, девчонка начинает осознавать это... Думаю она часть его плана... Подумайте и вы — у неё может быть армия, но пока недоступная для них обоих. Тогда всё становится на свои места, обретает ясность. Если мне удалось донести это до девушки, то вполне возможно, что...

— ...голубков ожидает ссора. Так? — подхватил Старк, ему вторил голос Стива Роджерса, и напоследок самого Тора.

— А это в свою очередь значит...

— Что мой брат не получит армию и нового вторжения не будет.

— Видите? Все гениальное просто. С этого стоило начать раньше, но я поняла только сейчас.

«Не все настолько просто, насколько порой хочется», — с едва уловимой примесью грусти подумал Тор.

Он помолчал какое-то время, и только убедившись, что никто больше не собирается говорить, начал.

— Я много думал над всеми вашими словами... В частности, касательно Сокола и армии. Магия, которой воспользовалась муспела очень древняя, но она быстро выветривается из сознания, если не дать Бартону совершить неизбежное. Еще я помню кое-что из мифов... Если спутница моего сводного брата наследница, то чтобы заполучить армию ей необходимо убить своего отца Сурта — хозяина Мирхейма — и всю его семью. Вряд ли кто-то согласится на такое...

— Так вот разгадка! — снова перебил Старк. Он воодушевленно хлопнул по столу ладонью и слегка подскочил на стуле. — Все это время мы пытались выследить их обоих, а нужно было просто подумать над простой загадкой. Всего один вопрос — и вуаля! — кусочки пазла собрались в единую картину.

— Какую картину? О чем вы, Старк?

— Ну же, капитан. Вы не видите? Все эти погромы в городе, кучка несчастных варваров, попытки узнать «секретную информацию» через вас, вылазка для убийства министра — все, все это... Для отвода глаз! Локи несколько недель оттягивал лямку на себя лишь для того, чтобы подвести к черте ненависти к своей семье ту, с помощью которой можно получить армию и целый мир в свое распоряжение. Все очень просто! Все до безумия просто! Пока мы пытались понять непостижимое, Локи опять надул нас — помахал красной тряпкой у самого носа быка, а он и не заметил. Нужно было подождать с налётом на их штаб или убить девчонку пока была возможность. Теперь снова придется их выслеживать.

— И желательно быстро. — закончил за всех Фьюри.

Не медля больше ни секунды, он вылетел из зала заседаний. Как понял Тор, чтобы отдавать распоряжения и вновь поднимать тайные архивы для доступа к камерам на каждой улице страны.

— Только одно мне не понятно. Когда Локи после года заключения бежал из тюрьмы, он должен был действовать быстро и искать союзников... Но выходит, что у него они уже были. Здесь, на Земле. Он бог, но даже он не способен так быстро склонить кого-то на свою сторону.

— Выражайтесь точнее, Капитан... Никогда не могу понять, что за чепуху вы мелите.

— Мистер Старк...

Так и не начавшийся спор остановил звук открывающейся двери. В комнату вошел

седеющий и почти облысевший мужчина; в руках он держал увесистую черную папку и кружку с кофе. Тор раньше не видел его, но судя по выражению лица Натальи Романовф, он был знаком ей.

— О, простите. Вы еще не закончили?

— Агент Андерсон... Что вы здесь делаете?

— Директор Фьюри попросил меня передать, что вы нужны ему в комнате 24 «Дельта». — спокойно ответил престарелый мужчина. Он аккуратно положил папку на стол и затем так же быстро как и вошел удалился из кабинета.

— Все в порядке? — спросил Тор.

— Да. Видимо, у меня просто паранойя из-за удара. — сказала Наташа.

Тони Старк потянулся к папке, с любопытством разглядывая её содержимое:

— А что за проект «Забвение»? Довольно любопытно. Военные технологии или снова суперлюди? О, какой странный почерк.

— Эта папка из восьмого отдела. У Андерсона нет доступа к ней... что-то не так. Нужно задержать его, быстро.

Стив тут же соскочил со стула и метнулся к выходу. Тор выбежал вслед за ним, оглядываясь по сторонам в поисках старика. Долго искать не пришлось. Мужчина без лишней суеты шел вдоль коридора, прокладывая себе путь к выходу.

— Стоять! — Тор воздел руку вверх, его верный молот прилетел к богу грома и молний уже мгновение спустя.

Как ни странно, Андерсон остановился даже не пытаясь бежать. Мужчина поднял руки в притворной попытке сдаться и тут же широко улыбнулся.

— Долго же до вас доходило... — шипящим шорохом донеслось до ушей Тора прежде, чем шпион Локи растворился в воздухе смолистыми ядовитыми парами.

— Тень. Вот кто помогал ему всё это время!

«То как они сражаются почти смешно. Зная Тора, я мог бы сказать, что он бился лишь в половину силы. Все еще считает меня своим братом, глупец», — много позже, когда звуки битвы уже стихли, а Локи и Рейн преодолели расстояние от Лондона и обратно до Нью-Йорка за четыре с лишним минуты, благодаря порталу обнаруженному с помощью магии меча, думал Локи. Трикстер пытался понять, что движет его братом, но неожиданно наступившая тишина сводила его с ума. Раньше бог не мог сосредоточиться на своих планах из-за назойливого общества Рейвен, всеми силами старающейся разрушить или ограничить его личное пространство. Было странно, что когда Лафейсон получил желаемое (хотя и не просил,) мысль ускользала из его тонких длинных пальцев.

Слегка обеспокоенный и отчасти настороженный взгляд Локи опустил на муспелу. Она по обыкновению прислонилась к серебристой стене лифта в ожидании, пока огромная механическая коробка довезет их до нужного этажа. Еще немного и ездить на лифтах в подобном виде войдет у них с Рейн в привычку. Особенно у Рейн: вновь в почти обгоревшем платье, босая, израненная и до безумия злая. Рана на её плече уже затянулась, но от гнева в её глазах вряд ли получится избавиться так же легко.

— Ты сегодня необычайно молчалива. — склонившись вбок ближе к девушке, отметил трикстер. Он выдавил из себя обиденную для их разговоров улыбку. — Тебе нужно почаще участвовать в сражениях.

Рейвен деликатно промолчала, но что-то в её взгляде обращенном к йотуну изменилось. На то краткое мгновение, когда их ладони соприкоснулись, пробуждая откуда-то извне странные ощущения, взгляд девы был полон смятения и от части боли. Сейчас же в этих бездонных нефритовых глазах можно было отыскать разве что огромный айсберг, о который если не разобьешься вдребезги, то уж точно очень больно ударишься и замерзнешь насмерть.

Выражение бесконечной усталости тысячелетнего старца не сходило с лица Рейвен, и это тоже не могло не вывести из себя даже такого человека как трикстер. Он всегда проявлял терпение ко всему, что способно вывести обычного человека из себя, но подобное отношение со стороны муспелы почему-то причиняло неудобство... раздражало, если не сказать большего.

«Очередная провокация? Или занавес тумана спал, она всё вспомнила? Не нравится мне это»

Дверцы лифта разъехались в стороны, открывая проход двум странникам. Локи прошел вперед, затем распахнул входную дверь квартиры, первым пробираясь в узкий коридор. Рейн без лишнего звука вошла следом. Её молчание, как затишье перед бурей — неизбежно нагнетает и вместе с тем утомляет.

— Ладони все еще болят? — наконец-то спросила она, закрывая дверь на ключ. Локи хотел было удивленно поднять брови, выражая крайнюю озадаченность, но Рейвен не дала ему и этой возможности. — Даже если нет, все равно отдай меч. — дева протянула руку вперед и разомкнула пальцы еще недавно сжатые в кулак. — Магия противоположной стихии плохо влияет на нас обоих.

— Ты так заботишься обо мне. — ухмыльнулся трикстер. — Я польщен.

Он выудил из кармана смокинга змеевидное кольцо с камнем и тут же отделил артефакты друг от друга, протягивая огненный меч Рейвен.

— Ты... — начал было он, но как только меч исчез в руках девы, оковы приличия разомкнулись и подарили свободу своей хозяйке.

Рейвен выступила вперед, стремительно сокращая расстояние между их телами. Её нефритовые глаза уставились прямо в глаза Лафейсона с таким пылом, какой невозможно передать словами. Она повысила голос почти до крика, толкая его кончиками пальцев к стене. Все произошло так быстро и неожиданно, что Локи даже не видел смысла сопротивляться:

— Слушай меня... и не смей перебивать! Не в моих правилах обличать слабость союза перед противником, поэтому я выскажу все сейчас. Мне наплевать на то какую игру ты ведешь и с кем. Но со мной, со мной ты больше играть не будешь! Довольно! — нежный, даже на повышенных тонах и преисполненный отвращения, голос Рейвен перешел на ядовитое шипение. Дева прищурила глаза, все еще не отрываясь от разглядывания его лица. — Я слишком долго пробыла в неведении, изучая этот мир, пока ты строил свои бессмысленные планы. Я хочу знать всё. Прямо сейчас. Ясно?! Прямо сейчас ты расскажешь мне, кто входит в состав твоей армии, какую роль я играю во всём этом безумии и почему, во имя Мюркvida, мы медлим?! Но предупреждаю тебя, ледяной принц, попробуешь что-то утаить... я узнаю это. И способ тебе не понравится.

Злобная, сильная, невыносимая. Локи терпеливо ждал окончания её тирады, наслаждаясь гневом в голосе. Рейвен вновь оказалась на поле боя, но трикстеру совсем не нравилось то, что девушка была против него. Все, что он столько дней выстраивал, разрушалось за считанные секунды. Разрушение было неизбежным, но сохранить хоть что-то было необходимостью, а не привилегией.

«Отрицай. Отрицай. Отрицай все и вся», — крутилось в его голове.

Лафейсон сделал шаг назад. Его пальцы обхватили запястья Рейвен, взгляд стал тверже как только почти интимное расстояние между их телами перестало путать его мысли:

— Не понимаю, что на тебя нашло, но лучше успокойся и хорошо обдумай каждое свое слово. Мне нет смысла скрывать от тебя что-либо, моя милая Рейна. Сама подумай.

— С меня хватит... — вздохнула девушка, даже не вслушиваясь в слова.

Огонь на её коже заставил трикстера ослабить хватку, чем муспела немедленно воспользовалась. Она ударила бога лжи и огня под коленной чашечкой, заставив пасть перед ней на колени. Как только огненная дева почувствовала своё превосходство, она вцепилась в незащищенную кожу на шее ногтями.

— У тебя был шанс. И ты им не воспользовался. — вот что он услышал прямо перед тем как погрузиться в сладостный ад из своих воспоминаний.

В груди девы предательским пламенем загоралась злоба, она медленно, но верно выжигала все внутренности и заставляла принимать поспешные решения. Когда это случалось прежде, Рейн даже не пыталась контролировать себя — дева просто бралась за оружие и уничтожала препятствие, возникшее на тернистом пути. Но на этот раз всё было иначе. Она сильно изменилась, теперь решение, как и предпринятые действия, оказались верными. Единственной ошибкой был расчет силы.

Серебряный витиеватый вихрь уже уносил муспелу сквозь сознание трикстера, когда "она" осознала эту ошибку. Каждое его воспоминание, каждое чувство и мысль, когда-либо всплывающую в "его" голове, дева прочувствовала на себе с небывалой яркостью и осознанием. Их разумы будто слились воедино, а сама Рейвен превратилась в Локи...

За какое-то мгновение её личность растворилась в лабиринте воспоминаний, не оставляя выбора и хозяину сознания и его гостю.

Рейн... Нет, то был Локи. Маленький, но уже успевший натерпеться насмешек взрослых из-за того, что больше был поглощен знаниями о магии, чем боевыми искусствами, Локи устремил свой взор на магическую сферу, переливающуюся всеми оттенками синего. Она вызывала у него чувство безграничного любопытства, давала понять — каждый из миров полон не только монстров и опасностей, о которых раньше рассказывала Фригга, он в равной мере полон тайн и загадок. Каждую, из которых, ему немедленно хотелось разгадать. В это же время Всеотец продолжал вещать им предание былых времен, свою собственную историю победы над Йотунами и их отказом от дальнейших битв. Но трикстер не слушал его, все его мысли и сознание занимала лишь эта таинственная сфера со сгустком бледно-голубого и изредка насыщенно синего света. Маленькому принцу Асгарда хотелось прикоснуться к её мощи всем своим существом, но даже в самых смелых мыслях он не решился бы на этот шаг. Сфера была в двух шагах от него — так близко и так далеко.

Один ходил по залу артефактов, поглядывая на своих сыновей, но не замечая, что не только Локи слушает отца в пол-уха, но и Тор.

В тот самый момент Локи подумал, вдруг его горячо любимый брат разделяет это желание? Тогда они хоть в чем-то могли сойтись по-настоящему, а не потому, что младший сын Одина вечно соглашается и идёт на уступки... Но когда трикстер с едва уловимой улыбкой на лице повернулся к Тору, то к величайшему (но далеко не последнему) своему разочарованию узрел в его глазах лишь страстное желание схватить молот выкованный цвергами и тут же начать размахивать им во все стороны. Все это время, пока отец рассказывал братьям о ледяных великанах и Йотунхейме, Тор был поглощен мыслями о Мьёльнире, он думал о будущих битвах, расписывал наперед каждую победу.

«Вечно он лезет в драку, не задумываясь о последствиях», — с усталостью взрослого человека подумал Локи, но лишь улыбнулся светловолосому мальчику и тут же перевел взгляд на Одина.

— Довольно! — отрезал полный безразличия хрипловатый голос.

Рейн не смогла понять из какой реальности он доносился, лишь ощутила "чьи-то" холодные тонкие пальцы, обхватившие её запястья, с каждой долей секунды смыкающиеся

всё сильнее.

«Нет, я должна узнать...» — с настойчивостью и упорством таранной башни из средневековья подумала Рейн.

Её зрачки расширились, заволакивая весь глаз черным дымом. Взор был направлен на ментальную реальность, встраивающуюся в хаотичный ряд из зданий и лиц, магии и сражений... Она видела перед собой целую вселенную, но не могла пошевелиться, ощущая странную тяжесть несуществующего тела странника.

— Прекрати... — выдавила муспела на полувздохе, но не была уверена как именно, и где именно прозвучал её голос. Частью сохранившегося отдельно от ледяного принца разума, она понимала, что каким-то образом Локи удалось поймать поток дыма, ворвавшийся в его тело и остановить его. Он мешал ей путешествовать в своих воспоминаниях, что еще больше выводило деву из себя. Ей хотелось вырвать свои руки из цепкого захвата трикстера и закричать на него голосом полным разочарования и гнева. Ведь кто как ни он виноват в том, что сейчас происходит? Это он, ведя двойную игру, скрывал правду от своего союзника и заставил себя возненавидеть.

У Рейвен были лишь догадки и смутное напоминание о том кто Локи на самом деле... от шпионки, пытающейся спасти свой жалкий мир. Но и этого было достаточно.

— Ты сам напротился...

Вихревой поток из огня взвился вверх по её запястьям, превращая кожу в кипящую лаву Мирхейма, раскалённые узоры разошлись по всей плоти, высвобождая истинную суть Рейвен. Муспела услышала отдаленный тихий вздох, когда её взор с новой силой обратился к воспоминаниям. Теперь они представляли из себя лишь отражения на поверхности озера: потеряли четкость и ясность, обостряя эмоциональное восприятие.

— **Мудрый Царь никогда не ищет войны, — заключил Один, глядя на Тора. Затем медленно перевел взгляд на Локи и добавил, будто бы ни к кому не обращаясь. — Но он должен быть готов к ней.**

— **Я готов!** — торжественной бравадой вскрикнул Тор.

— **Я тоже!** — подхватил Локи, глядя прямо на отца.

Что-то в его тоне говорило трикстеру — «Он говорил о тебе. Он тоже считает, что ты не готов. Докажи обратное!»

Картинка исчезла, оставив во рту горький привкус пепла и чувство неполноценности, обиды, даже злости. Эти чувства обострялись с каждой секундой в геометрической прогрессии. Рейн почти физически ощущала каждый «шрам», полученный трикстером, но в отличии от него самого, она не могла относиться ко всему как к соревнованию, не могла не принимать все близко к сердцу. Она превратилась в Локи, но в более чувствительную и мрачную его версию, ту, которая реагировала на всё на уровне животных инстинктов.

Когда он падал, она падала вместе с ним. Но когда Локи находил в себе силы, чтобы подняться или подшутить над побеждающими противниками, Рейвен не находила в себе сил даже для того чтобы открыть глаза. Она всегда считала себя воином, но эта история была слишком близка ей самой, от того было сложнее пережить её... по второму кругу.

Одно дело, когда ты проживаешь жизнь, к которой привык. Но совсем другое, когда видишь, что такая жизнь не только твой удел. Это еще вечная участь человека, которого ты полю... знаешь, которому ты верил и которому позволил изменить себя до неузнаваемости.

Что-то острым копьём вонзилось в самый центр сердца и заставило его остановиться, когда перед глазами, подобно вспышкам на солнце, появлялись новые воспоминания.

Она была сперва взрослым хладнокровным манипулятором, затем маленьким не лишенным сострадания ребенком, снова взрослым и коварным, затем подростком мечущимся между добром и злом.... Это сводило её с ума, будто трикстер сам выливал поток информации на её сознание. Она могла бы так подумать, если бы не то сокровенное, что пряталось от её магии до последнего неприятного воспоминания.

— У меня никогда не получится также хорошо как и у тебя. — разочарованно вздохнул маленький трикстер.

Он сидел на ступеньках беседки в саду своей матери, изредка поглядывая на вход в замок. Отсюда здание казалось Локи таким далёким, маленьким, подобно муравейнику, до краёв заполненного трудящимися насекомыми. Но если забраться на крышу мраморной беседки, то замок Всеотца походил скорее на воронье гнездо, полное не только трудяг, но и хвастунов, то и дело притаскивающих в жилище трофеи с очередных «прогулок».

— Глупости. Ты уже многого достиг, просто нужно проявить немного терпения. — Фригга отпустила стражу к входу в ежевичный лабиринт, а когда они ушли, присела рядом с сыном и обняла того за плечи. Её голос был таким нежным, таким успокаивающим и пронизательным. Когда мать говорила, её словам действительно хотелось верить. Порой она казалась Локи самым мудрым человеком во всех девяти мирах, умнее Всеотца Одина и даже книг, написанных до сотворения Восьмого и Девятого миров великой вселенной. — Смотри.

Фригга провела воображаемую вертикальную линию в воздухе сверху вниз, затем перевернула ладонь и в её руке оказалась маленькая книга в белом кожаном переплёте, инкрустированная такими же белыми жемчужинами. Предмет в руке Фриги был столь же изящен, как и сама царица.

Локи поднял взгляд, улыбаясь не только губами и глазами, но и душой.

— У тебя тоже получится. Просто для этого нужно верить.

— Но я верю!

— Нет, милый. Ты знаешь наверняка, что что-то должно получиться. Но знание и вера — не одно и то же. И порой, нам приходится полагаться не только на свой ум, — она дотронулась указательным пальцем до груди Локи и сказала. — но и сердце.

Разговор был не окончен, но это всё, что деве удалось узреть. Совсем в другой реальности и в совершенно чужом теле, годы и годы спустя, она почувствовала как замедляется пульс и как всё внутри начинает медленно замерзать. Босые ноги оторвались от поверхности пола, а позвоночник соприкоснулся с шероховатой поверхностью стены. Рейн не чувствовала боли, по крайней мере физической. После неожиданного путешествия, девушка не чувствовала себя... собой. Она не могла даже пошевелиться и заставить себя дать отпор, будто бы её сдерживали тонны цепей из небесной стали. Но, не смотря на это, воспоминания продолжали плясать перед глазами, извиваясь в неведомом никому танце. В конце-концов внутреннему оку попало именно то с чего следовало бы начать, чтобы не терпеть всю ту боль.

"Где-то за тысячи световых лиг палящее солнце описывало очередной круг возле одного из девяти миров. Когда оно восходило на вершину небосвода в Асгарде, весь остальной ряд миров был погружен в ночную мглу. И все же... теперь та мгла казалась трикстеру чернично-сладкой, манящей и в некоторой степени привлекательной. Она была намного лучше дневного черно-белого света космоса с его недолговременной синевой, лишь временами переливающейся фиолетовыми и голубыми оттенками.

«Ты хотел бороздить миры, хотел приключений

Так насладись же в полной мере», — раздосадовано подумал про себя Локи, пытаясь разглядеть лицо своего спасителя в этой непроглядной пустынной тьме, наполненной такой же пустой и мрачной тишиной.

Локи грела лишь одна мысль — он пал в бездну между мирами, но остался жив. Тёмная яма, сулящая погибель и смерть в полном забвении, оказалась его спасением. Она пронесла его сквозь световые года и миллиарды созвездий к неизведанному и таинственному миру. Легенда о таинственных воинах космоса, почитаемых во всех девяти мирах, оказалась правдой. Это заставляло трикстера задуматься о том, какие еще мифы правдивы, но эту мысль прервал грубый голос посланника «Черного Императора» читаури.

— Много лет нога человека не ступала на мёртвые земли без разрешения повелителя. Знаешь ли ты какое преступление совершил?

«Я не человек, я бог и законный царь Асгарда!» — хотел сказать Локи, но вовремя остановил себя.

Трикстер все еще не мог оправиться после минутного падения длиною в вечность, не мог также и позволить себе осознать своё поражение и, конечно же, в его голове по-прежнему не укладывалась мысль о существовании других миров кроме девяти существующих.

— Я осознаю свою вину и готов понести наказание, но прежде чем это произойдет, я хочу аудиенции у вашего повелителя. У меня есть к нему предложение, которое, я уверен, устроит нас обоих.

— Складно говоришь, человек.

Как правило, Локи никогда не упускал своего.

Ему устроили аудиенцию у короля читаури, предварительно завалив вопросами о его происхождении и о том, как ас сумел забраться так далеко за пределы Биврёста, не погибнув. Трикстер не спешил выкладывать все карты на стол, но, тем не менее, кое-какую часть правды он позволил узнать своим невольным спасителям. Уже неделю спустя, ему удалось добиться расположения короля и склонить его к войне с остальными мирами. Локи сказал, что лучше всего начать со слабого мира, где магия находится почти на нулевом уровне, а развитие населения настолько низкое, что большинство даже не поймет что их драгоценную свободу уже давно отняли. Он предложил начать с самого дорого Тору мира, и предводитель читаури поверил Локи на слово, пообещав дать в командование армию, если тот добудет ему кое-что взамен.

Правда, читаури были не так глупы и наивны, как можно было бы подумать с самого начала. Они собирались использовать его как своё орудие в то время, пока Локи намеревался сделать то же самое. Днями напролёт лучшие воины темных созданий учили его магии и тренировали как предводителя своей армии, но как только небо над головой становилось еще темнее, а на земли безымянного мира опускалась завеса черного тумана, предвещающего долгую ночь, воины читаури запирали его в подземных темницах мира.

В одну из таких ночей йотун познакомился с тенью...

Высокий тонкий человек с белой кожей сжимал в руке кинжал, он вертел его в руках и заморожено наблюдал как свет лунного диска отражается от гладкой металлической поверхности.

— Они лишь используют тебя. — шепнул долговязый, не отрывая бесцветных глаз от металла. — Они используют всех, кто полезен им в какой-то мере.

— Забавно. — не лишенный чувства собственного достоинства с легкой ноткой тщеславия, произнёс бог лжи и озорства. Он подошел к каменной решетке своей темницы, чтобы внимательнее рассмотреть своего тюремщика, стоявшего теперь лицом к Локи; его глаза казались пустыми, лишенными зрачков, а губы были слишком тонкими, настолько тонкими, что трикстеру показалось будто их вообще нет. Он разговаривал с призраком, никогда более не увидевшим солнечный свет и от того мертвенно бледным. — Читаури знают, что наше сотрудничество выгодно для нас обоих. Им достанется тессеракт, а я встану во главу восьми из девяти существующих миров. По мне, это честный обмен.

Трикстер невольно ухмыльнулся, следя за реакцией тюремщика. Тот убрал кинжал в ножны, изображая на лице подобие улыбки.

— Мне они обещали найти тессеракт моего мира, если я найду планету, на которой их раса сможет жить свободно от законов нового Всеотца. Мне оплатили этим... — мужчина задрал рукава балдахина, обнажая скованные цепью запястья. — Я был вольным ветром, когда они сделали это. Мог летать, перевоплощаться в кого угодно и быть в стольких местах в скольких пожелаю... А теперь я лишь отголосок.

«Еще один любитель заговаривать зубы. Будто бы на этой планете никто не в состоянии решить свои проблемы, не прибегая при этом к помощи гостя из Асгарда». — трикстер мысленно закатил глаза, унимая любопытство. Возможно, но только возможно, у него получится найти еще одного союзника, которым можно воспользоваться.

— И кем же ты был? Воином? Магом? — без особого энтузиазма спросил Локи, но на самом деле ему было очень интересно.

— Я был тенью, милорд. Тенью, имя которому Ёкай. Моя история скучна в той же мере, что и многогранна, и длинна. Вряд ли вам захочется слушать её....

— Ты прав, вряд ли. И что же ты хочешь от меня, Ёкай?

— О, лишь немного. Вы могли бы снять цепи. — теперь тон Ёкая сменился. Он привлёк внимание тоном заговорщика, но теперь превратился в льстеца.

Трикстер оглядел долговязого тонкого человека с ног до головы, взвешивая все «за» и «против». Ёкай тем временем, поднял цепи вверх и затем просунул сквозь каменные прутья решетки, говоря тихим шепотом:

— Никто не в состоянии снять их, кроме повелителя льда или же огня... Свободным я пригожусь вам больше, а если вы пообещаете мне одну услугу, то можете не сомневаться в моей преданности. Я буду служить вам до конца ваших дней, господин. И ни за что не предам...."

— Застывший огонь... ты снял с его рук застывший огонь... — задыхаясь, прошипела Рейвен, понимая что она кипит от ярости и замерзает ото льда в одно и то же время.

Её лицо соприкоснулось с шероховатой деревянной поверхностью пола, пахнувшего кленовым лаком и моющим средством с ароматом лимона. От этого запаха Рейвен стало дурно; её всю трясло, даже натренированные многочисленными боями пальцы дрожали, как тонкие ивовые прутья во время бури. Дева прикоснулась к посиневшим губам, все еще глядя в бездну воспоминаний, но уже постепенно возвращаясь в реальность.

— Зачем ты это сделал?! Читаури должны были... Ты даже не представляешь что натворил... Какую опасность несут в себе тени, что представляют из себя...

Слова слетающие с уст путались как и мысли, блуждающие на самом дне сознания. Она потерянный и забытый ребёнок, которого не предупредили как опасна долговременная магия. Она истощает хуже ненависти и рубит на кусочки не хуже меча. Хотя нет... хуже,

гораздо хуже. Мечи ранят и убивают, но воспоминания и чувства остаются жить в сознании до смерти его обладателя, терзая каждый миг.

За эти несколько минут Рейна прожила целые десятилетия, чувствуя всё — от ненависти до нежности, от зависти до возвышенности. Она едва не уничтожила Нью-Йорк, успела возненавидеть Тора и саму себя, как бы это ни парадоксально звучало. Муспеле столько раз хотелось ответить на свою грубость грубостью, взять в руки нож и выпотрошить свои внутренности до основания, вырвать глотку вместе с болтливым языком... в общем, убить себя всеми возможными способами. Но ровно столько же раз Рейвен в сознании Локи сдерживала себя от этого опрометчивого поступка. И не только потому, что она могла бы пригодиться себе, нет. Рейвен в лице Локи считала это неправильным.

Сперва ей нужна была собственная армия, ради которой она была готова заставить убить себя своего отца, поэтому не спешила в принятии решений. О нет, она основательно подошла к поставленной задаче, по крупице собирая ненависть и превращая её в нечто большее чем просто слова... Но потом... потом...

«Нет, это слишком много для одного человека! Даже для бога...» — чувства нескончаемым потоком вылились на деву, будто кто-то взорвал динамит на вершине гор Гималаи, и теперь весь снег с их вершин валился прямо на неё. От этого негде было спрятаться, но можно было выбрать, с какой стороны встать и встретить снежную смерть.

Рейвен предприняла тщетную попытку подняться на ноги, только сейчас заметив, что Локи лежит рядом с ней на полу. Он был неподвижен, на его лице крупными каплями выступил пот, а руки покраснели от ожогов. Рейвен подползла к трикстеру, схватив его за грудки и пытаясь приподнять ледяного принца. От его тела исходил жар, а она замерзала....

Они обменялись магией? Как бы не так. Стоило Рейн прикоснуться к Локи и его кажущиеся мертвым тело вновь ожило; жар спал, ожоги начали заживать, а лицо приобрело привычную бледность. Локи поднялся на ноги, увлекая за собой Рейвен.

— Ты использовал меня! Ты освободил тень! Ты!.. Ты!.. Как ты мог?! — столько слов готовы были сорваться с языка в любую минуту, но у Рейн получалось только растерянно тыкать и посыпать мидгардскими оскорблениями, которых было не так уж и много, ведь трикстер почти мгновенно прервал браваду Рейвен.

Он был зол... Причем не просто зол или оскорблён как бывало всегда после их коротких перепалок. Все было гораздо серьезнее. На этот раз не требовалось никакой магии, чтобы почувствовать глубину ярости Лафейсона; глаза трикстера сверкнули опасным блеском, поднявшись на ноги, и еще не успев толком прийти в себя, он схватил деву за горло и прижал к ближайшей стене.

В эту самую секунду Рейн действительно осознала насколько сильным был Локи, как трудно было ему сдерживать даже крупицу скрывающейся в нём мощи каждый раз, когда ей удавалось задеть подходящую струнку его души. Длинные мужнины пальцы с невыносимой лёгкостью сомкнулись вокруг шеи муспелы, причиняя боль сравнимую разве что с четвертованием и кипящим маслом, вливающимся прямо в глотку.

Дева понимала — бесполезно противиться такой силе, а любая попытка воспользоваться магией еще сильнее опустошит её размякшее тело.

— Ты не имела никакого права врываться в моё сознание! — срываясь на крик, выпалил трикстер. Впервые основательно выйдя из себя. Его глаза покраснели, наконец, даруя ледяному принцу сходство с йотунами. Рейн же почувствовала, как костлявая рука страха поднимается из глубин и пытается скомкать все внутренние органы. Она с трудом прогнала

это чувство, заменив его гневом и яростью. Нельзя позволить кому-то возвышаться над собой, что бы ты ни чувствовал. — Думаешь, мне нужна твоя армия настолько, что я позволю тебе манипулировать собой?! Ошибаешься. Я никому не позволю красть свои воспоминания! Тебе нужна правда, принцесса? Ты получила её! Довольна собой? довольна?! — Локи ослабил хватку и отошел на шаг назад, позволив задыхающейся Рейне сползти вниз по стене и вновь подняться самостоятельно. Причину этого поступка она не понимала, да и вряд ли хотела понимать в тот самый момент.

«Я никому не позволю красть свои воспоминания!» — кричал внутренний голос, подражая тону Лафейсона ит вместе с тем передразнивая его.

Костлявая рука страха тут же обратилась в прах и исчезла, не оставив и следа. Кровь муспелы вскипела от одного лишь упоминания... Что-то билось внутри неё сквозь врата гнева, пробивало путь сквозь толщу выпитого алкоголя и прожитых секунд.

— Ты виновен не меньше моего! — взорвалась Рейвен. — Ты никому не позволяешь красть свою память, но моей распоряжаешься с лёгкостью, будто я твоя игрушка, Асгардец! Я прожила твою жизнь, но что-то ты всё же спрятал! Ты спрятал что-то, что касается меня и забытого вечера... и я хочу это знать немедленно!

Гнев Локи был подконтролен и тих, но все еще не угас до конца. Когда Рейн замолчала, он не спешил приближаться или кричать. Ледяной принц вновь надел на себя маску безразличия и тщеславия, тембр его голоса и манера держаться покрылись прочным слоем льда:

— Что еще ты хочешь знать? Тебе недостаточно вывернуть меня наизнанку и полюбоваться на мою жизнь? Я видел лишь одно воспоминание, а ты перерыла сотню... Тебе мало, принцесса? Я могу подарить еще, нужно только взять! Впитай мой гнев, почувствуй его на себе. Потому что... — Локи подошел ближе, его правая рука потянулась к лицу муспелы, не успела она и глазом моргнуть, как пальцы сдавили подбородок и щеки. — Я хочу, чтобы тебе было больно. — медленно и тихо выговаривал Локи. — Я воспользовался тобой, ты была частью моего плана и мне нужна твоя армия... Ты это хотела услышать? Теперь слишком поздно говорить это вслух, но я скажу. Могу повторить столько раз, сколько пожелаешь! Все эти дни; учения о мире и его культуре, нотации, разговоры... Все это — ничего не значит и предназначено для отвлечения внимания. Ты это хотела слышать?

— Убери. Свои. Руки. — только и выдавила из себя муспела, стараясь придать голосу как можно более хладнокровный оттенок.

Но на самом деле ей было не всё равно. Слова... эти слова... Почему тело так реагирует на них? В памяти трикстера она позволила себе быть немного слабой и даже в какой-то степени наивной, но она не должна переносить эту слабость в реальный мир, в свою память и сознание.

«Всё это — ничего не значит», — повторил монотонный внутренний голос. Дева почувствовала какой-то странный сгусток тьмы, небольшой комочек пепла в горле; он давил на него хуже сцепленных пальцев Лафейсона и от этой боли хотелось расплакаться, но вся беда заключалась в том, что слёзы высохали еще до того как успевали появиться.

«Всё это — ничего не значит», — снова услышала она, почему-то вспоминая не многочисленные разговоры о месте и захвате власти, а каждое мимолётное касание, от которого воздух целиком и полностью заряжался статическим электричеством.

Рейвен одёрнула руку трикстера, отшатнувшись от него как от дьявола, нашептывающего проклятия.

— По крайней мере, я слышу правду, Асгардец. — надменно фыркнула Рейвен.

Она собрала всю свою волю в кулак, чтобы даже на миг не показаться оскорблённой. — И за твою честность, я скажу тебе кое-что о тенях... Тессеракт, на который ты так надеешься, его не существует. Сурт уничтожил его силой своей магии, и твой Ёкай никогда не сможет возвысить свою расу как это было до конца темных времён. Тебе следовало это знать, прежде чем обещать невыполнимое... Тени очень мстительны и вероломны, хитрее любого существа во всех девяти мирах. Если ты обещаешь им что-то, но не даруешь обещанное, они не убивают тебя, потому что не привыкли поступать так просто. Они забирают самое дорогое, что у тебя есть и всю твою жизнь следят за твоим неугасающим горем, не давая умереть раньше срока. — Рейвен развернулась к выходу, понимая, что разговор абсолютно зашел в тупик и ей больше нечего сказать, чтобы задержаться в этом мире хотя бы на еще одну секунду.

Что ей делать? Вернуться домой к разгневанному отцу Сурту, который велит умертвить своё нежеланное дитя, как только оно пересечет границу миров? Рейвен выкрала меч Сурта, необходимый ему для начала восстания в девяти мирах и должна понести наказание за свою неудавшуюся попытку убить Одина. Если бы не её глупость и страх вернуться домой, то Сурт смог бы начать войну уже несколько недель назад, и его дети стояли бы у власти как минимум в шести из девяти существующих пространств. От этой мысли Рейн стало дурно. Как бы не сложились обстоятельства сейчас, они действительно намного лучше иного исхода.

— Твой план с самого начала был провальным, если хочешь знать. — заметила Рейвен, вновь обратив взор к лицу трикстера. Их взгляды на какое-то мгновение встретились, но тут же разошлись.

— И почему же? — холодно осведомился он. Тон Локи вновь стал похож на тон того бога, которого она встретила в первый день в тюрьме Асгарда; холодный, отстранённый, злой.

Ему больно — это было ясно без слов. Напоминание о прошлом все еще не отпускало ни своего обладателя, ни непрошенного свидетеля событий.

«Как глупо» — всплыло в её сознании. Муспела не могла объяснить своё состояние даже самой себе: еще минуту назад ей казалось, что трикстер виновен во лжи и заслужил вновь пережить свои страдания (это было так, но лишь от части), но вместе с тем она сама невольно позволила себе чувствовать всё это. Может быть, поэтому ей так не хотелось верить, что все прошлые поступки были совершены зря? С минуту, она стояла, не двигаясь с места, думая о том единственном моменте когда их руки сомкнулись больше чем на тысячную долю секунды ведомые танцем. Тогда потупленный взор трикстера выражал неподдельное смятение, осколком отразившееся и в её нефритовых глазах.

"Всё это — ничего не значит."

Неужели совсем ничего?

— Потому что глупо врать тому, чья стихия превосходит лёд. — не понимая что творит, сказала она.

Ноги Рейвен сами сделали несколько шагов вперед, сокращая расстояние между телами йотуна и муспелы. Дева не успела до конца осознать что она хочет сделать, вплоть до того момента пока их губы не соприкоснулись. Она хотела испытать его, чтобы не уходить с этим глупым ощущением, будто её предали и втоптали в грязь, как маленькую детскую игрушку вдруг ставшую ненужной.

По всему телу расплозлось до боли знакомое тепло, кожа покрылась приятными мурашками и необъяснимой лёгкостью. Эта лёгкость вскружила голову, когда до Рейн дошло — удивлённый подобной выходкой трикстер не отстраняется и не уходит, он не отталкивает её и не стоит оцепеневшим мертвым грузом. Локи обхватил талию Рейвен так крепко насколько позволяют силы, чтобы не причинять девушке боль, его мягкие губы жадно впилась в губы Рейн, с каждой секундой становясь всё ненасытнее. Сперва их поцелуй был лишь мягким касанием, напоминающим прикосновение крыла бабочки, а затем он приобрёл пылкость свойственную натуре Лафейсона; его язык проник в рот Рейн, лаская кончик её языка и сплетаясь с ним подобно дикой виноградной лозе, руки Локи медленно спустились к пояснице девушки, легко касаясь её спины.

И это было самое прекрасное чувство, которое Рейвен когда-либо испытывала. Она была готова поклясться в этом, пока Локи не приблизился еще на шаг, сократив расстояние между ними до одного микромиллиметра; на этот раз от него исходил приятный для тела жар, напоминающий девушке летний зной пустынных улиц Мидгарада. Спустя мгновение её сердце было готово остановиться, Рейвен почувствовала себя слабой и маленькой в его сильных руках, так ловко расстегивающих застёжки на спине платья.

— Боже, как же я тебя ненавижу... — прошептала Рейвен между горячими поцелуями, запустив пальцы в короткие неестественно-черные волосы трикстера и утягивая его за собой в далёкую просторную гостиную. Ей пришлось максимально приподняться на цыпочки, чтобы дотянуться до губ йотуна пока они продвигались к своей цели.

— О, я знаю. — насмешливо прозвучал в ответ бархатный голос трикстера, от которого девушке вдруг захотелось обратиться в снежинку и растаять на кончике его языка. Она впервые чувствовала себя такой свободной, находясь в чьем-то обществе, такой лёгкой, расслабленной и... жадной.

Её пальцы неловко отстёгивали многочисленные крепления на кожаном доспехе Лафейсона, в то время как трикстер уже освободил тело Рейвен от кучи ненужных одеяний. Его ладонь мягко легла на её тяжёлую грудь и так же мягко сдавила её. Рейн закусил нижнюю губу, пытаясь побыстрее разделаться с тремя последними креплениями на плаще. Сейчас это было так трудно, почти невозможно! Особенно, когда изумрудные глаза трикстера так жадно ощупывали каждый сантиметр её обнаженной плоти. Его левая рука спустилась к её бедру, затем правая последовала тому же примеру. Локи ловко уложил девушку на лопатки, не желая больше ждать ни секунды.

Его уста оставляли влажные следы от поцелуев на её шее, ключицах, возле груди, затем их губы вновь слились в страстном поцелуе.

Левой рукой он отстегнул остальные крепления на своей одежде, а уже секунду спустя тяжёлый кожаный доспех валялся на полу, позволяя взору Рейвен осмотреть каждую мышцу на теле трикстера. Изнемогая от переизбытка чувств, она обхватила его могучий торс ногами и прижала к себе, не желая отпускать больше никогда на свете. Сейчас та глупая ссора и опустошенность магией казались такими далёкими и нереальными, даже желание захватить власть во всех девяти мирах не было настолько сильным, как желание владеть чьим-то телом и душой, быть разбитым и одновременно целым в чьих-то руках... в руках Локи. От каждого соприкосновения её бросало в жар и в холод одновременно, но в отличие от чувства связанного с магией, это было до ужаса прекрасным и трепетным. Оно придавало силы, а не отнимало их.

Каждое последующее движение приводило муспелу в дикий восторг, оставляя чувство

лёгкой незавершенности какого-то нового вида ведения боя. Боя, в котором ей впервые за всю свою жизнь хотелось проиграть без зазрения совести. Рейна осторожно выдохнула воздух из груди, боясь спугнуть то неописуемое чувство близости так вовремя проснувшееся в них обоих. Её дрожащие от возбуждения пальцы посчитали, казалось бы, каждый позвонок на спине ледяного принца, пока кончики его пальцев прикасались к её щекам, изучали очертание её губ и груди, изгибы талии...

Он совершенно не торопился, наслаждаясь каждым прожитым отрезком времени и каждой клеточкой её тела. Проявлял свойственное лишь одному Лафейсону терпение, будто бы впитывал в себя само существо девы. И это заставляло Рейвен еще больше хотеть Локи и еще сильнее жалеть о том, что она не поняла, "что" именно чувствует к трикстеру намного раньше. Это огородило бы их обоих от боли, которую они причинили друг другу. Но был бы этот момент так сладок сейчас? Она не знала. Наверное, не узнает никогда, потому что, в конечном итоге, это оказалось совсем не важно.

Дева подтянулась вверх, все еще сжимая торс трикстера своими ногами, её губы легко коснулись мочки его уха и легонько закусил её, затем Рейвен дотянулась губами до его щеки и подарила Локи очередной нежный поцелуй, не решаясь нарушить затишье перед бурей словами, тремя заветными словами, которым навеки суждено остаться лишь мыслями.

«Я люблю тебя. — хотела бы сказать Рейн, — Так безумно люблю, что не собираюсь пугать тебя этим... Зная все стороны твоего характера, принимая и тёмную и светлую... Твою страсть и отрешенность. Твою холодность, расчетливость вместе со вспыльчивостью и горячностью».

Локи притянул Рейвен за талию так близко, что она готова была взвизгнуть от удовольствия. Его мужское начало нежно и трепетно соединилось с её женским, превращая два полусущества в нечто целостное, божественно-величественное. Его руки все еще блуждали по её спине, иногда спускаясь к бёдрам, иногда поднимаясь к груди. Рейвен еще никогда не чувствовала себя такой счастливой как сейчас, когда их пальцы переплетались между собой, а тела сходились в неведомом танце огня и льда.

Первые лучи рассветного солнца тянулись сквозь незанавешенное окно и мягко коснулись края маленькой спальни, окрашивая помещение в золотые и бледно-алые тона. Трикстер почти инстинктивно почувствовал, как долгая темная ночь медленно сменяется быстротечным, полным неопределённости и сомнений, днём.

Локи медленно открыл глаза, и пред взором его предстала безмятежно дремлющая огненная дева. Аккуратные мягкие черты её лица обрамляли волны тёмных густых волос и Локи, едва ли противясь порыву, осторожным движением руки заправил мешающую любоваться её лицом прядь за ухо. Боясь спугнуть иллюзорный сон, так похожий на праздную реальность, йотун дотронулся до тёплой щеки до времени безмятежной девы. Без сомнений, она была прекрасна. Но Локи, вопреки желанию брэнного тела, совсем не хотелось на неё смотреть. Только не теперь, когда его чувства стали столь очевидны. Те чувства, о которых он ещё недавно лишь подозревал, которые отказывался воспринимать всерьёз. И, наконец, те чувства, которые Рейвен буквально вырывала из вьющейся тьмы запутанных коридоров его души и против его воли выволокла на свет.

«Я не должен был подпускать её так близко...» — это была первая мысль, мимолётом посетившая его сознание. Затем всё на какое-то время затихло, оставив Локи наедине с хрупким и одновременно невероятно крепким созданием. Она казалась такой чистой и невинной, когда её руки не обгалялись кровью бесчисленного множества врагов, а сама муспела не грозилась ежечасно обрушиться на всех в округе силу нестихаемого гнева.

— Но как противиться этой силе? Этой мощи? — прошептал трикстер, аккуратно приподнимаясь на локте, чтобы лучше взглянуть в сонное лицо огненной девы. Не желая будить её и боле не противясь противоречивым, несвойственным ему помыслам. Какая-то часть его отчаянно желала прижать девушку к себе, прикоснуться вновь губами к её щеке... Но другая изо всех сил жаждала причинить огненной деве как можно больше боли, отпрянуть от нежного тела, схватить первое попавшееся под руку оружие и оборвать жизнь той, что приносила с собой слишком много противоречий и внутренних разногласий. Тёмная сторона трикстера, конечно, тоже хотела бы прижать к себе тело Рейвен, но лишь для того, чтобы задушить её во сне.

В нерешительности, бывшей столь же несвойственной ему, поднялся на ноги и облачился в доспехи. Когда же Лафейсон вновь пересёк порог комнаты, Рейвен уже успела проснуться и теперь взирала на него сияющими нефритовыми глазами, сохраняя молчание. Последствия магической связи, Локи был убеждён в этом, ещё не успели ослабеть и потому он в некоторой мере чувствовал каждую эмоцию девушки. А она, в свою очередь, ощущала его. Прошлой ночью в неведомом танце льда и огня сплелись не только их тела, но и души. И на сей счёт хладнокровный йотун мог твёрдо и уверенно сказать лишь одно — от неё нужно было избавиться как можно скорее. Связь и оставшийся от неё след делали его слабым, измученным пленником, заблудившимся в поисках нежности. Он не мог быть собой...

Почему его сердце так бешено бьётся и готово вырваться из груди? Почему тело жаждет новых прикосновений, а душа требует крепких нерушимых даже безжалостным временем объятий?

Это не его чувства. Но её.

«Бесполезный, никчемный, ненужный мусор!» — убеждал себя трикстер, однако ноги

против воли вели его к муспеле. Он приземлился на край кровати, не глядя как она облачается в свои тёмно-фиолетовые доспехи. Не поворачиваясь в её сторону и вместе с тем впервые не зная что сказать. Это было ново. Но вот для кого? Это её неуверенность или она всё же принадлежала самому Локи.

— Это пройдёт. — Словно прочитав его мысли, обнадёжила Рейвен. Она приземлилась на край кровати рядом с ним и накрыла холодную ладонь мужчины своей. Только тогда трикстер осмелился поднять демонстративно отсутствующий взгляд на девушку и выдавить из себя подобие ядовитой ухмылки. Но прежде чем он успел что-то сказать, дева продолжила уже будучи в большей степени похожа на саму себя. — Ты так много говоришь о мести и ненависти, но в твоих воспоминаниях я видела не только это. В твоём сердце есть место любви... — её когти вцепились в кожу на ладони. Локи этого не ожидал, но и не воспротивился. — Признайся, ты бы никогда не убил Одина или Тора. Не только из-за матери... Как бы ты не говорил, что ненавидишь их, это лишь полуправда. Как и всё, что ты обличаешь на свет.

— Такова уж моя суть, принцесса... — пальцами свободной руки трикстер провел по лицу девушки, очерчивая линию подбородка и задерживаясь на нём. — Но ничто не удерживает меня от того, чтобы заставить их страдать. Как я страдал все эти годы, отброшенный тенью их величия. Этому миру нужен кнут и я готов его взять. Ты видела всё, скрываться боле нет смысла. Откровенность мне претит, но что поделать? Теперь...

— Теперь тебе нужно лишь моё доверие. Но мне недостаточно только страданий Одина. Я хочу чтобы он почувствовал весь тот Ад, через который довелось пройти мне будучи пленником мира, которому я принадлежу лишь отчасти! Одних страданий недостаточно, Локи!

Трикстер поднялся на ноги, возвышаясь над огненной девой. Он завёл руки в замок за спиной и, пристально глядя ей в глаза, добавил:

— Мы отнимем у него всё. Всё чем Всеотец так дорожит. Его власть, его «зрение», его силу и его сына... Твоя армия и наша магия положат начало концу. Мир падёт у наших ног! Не только этот, но и все остальные. Вся галактика... Лишь пожелай!

— Ёкай...

— На счёт тени волноваться не стоит... его час ещё придёт. Нужны лишь ключи от королевства. И у меня есть план...

Как может человек, бывший настолько страстным и откровенным ночью, вновь обратиться незнакомцем с наступлением утра? Узы магической веревки, связавшей их пусть и на время, были по-прежнему крепки. Однако Рейвен более не ощущала мыслей возлюбленного союзника. Смятение пожирало её изнутри. Подобно пламени, она была не в силах сдерживать мощь испытываемых эмоций. И раз уж те появились, необходимо было всё разъяснить. Рейвен готова была, и сжечь этот мир до основания, и раздробить каждую несчастную косточку цивилизации и станцевать на её могиле. Но что делать с вырывающимся из груди сердцем?

В её голове вертелось множество противоречивых мыслей. Сознание металось между чувственной стороной, желающей разобрать на эпизоды каждое мгновение, и холодным разумом, целью которого была разработка дальнейшей стратегии.

«Тень и тессеракт...» — Еще раз подумалось огненной деве, а заверения Локи ни в коем разе не предполагали успокоения. Лишь порождали новые поводы насторожиться. Она осмелилась дать волю своим чувствам, но совершенно забыла о натуре сына Лафея. Локи никогда не приближался к кому-то настолько, насколько приблизился к Рейвен, насколько она сама приблизилась к нему...

Было ли это частью его коварного многослойного, как сама реальность, плана? Стоило ли надеяться на ничтожный шанс, что чувства взаимны?

Как бы то ни было, когда связь между ними ослабла, девушка решила отмахнуться от всех мыслей что отвлекали беспокойный разум от жажды возмездия посредством завоевания мира как одного из самых простых его проявлений.

***

План Локи казался до безобразия простым, рассчитанным на благодушие и доброту огненных великанов. Одним словом, он абсолютно не соответствовал расчетливой натуре бога лжи и иллюзии. Трикстер предложил заковать Рейвен в кандалы и отправить домой своим пленником. Они проберутся в замок и как только войдут в главный зал, йотун снимет магические оковы с запястий Рейны, чтобы та могла вырвать пылающее сердце из груди Чёрного короля.

— Это ужасный план, самый глупый, какие только есть на свете! Ты ведь это понимаешь? — муспела поправила кандалы на запястьях, лениво перебирая ногами, чтобы держаться от трикстера на небольшом расстоянии. Они вместе отыскивали потаённую тропу, ведущую в Мирхейм. Локи спрятал от посторонних глаз амулет, вмещающий в себя мощь тессеракта. Но оставил на виду меч, чтобы выставленный у башен вулканического замка караул не вострубил тревогу, пробуждая ото сна безвольных подданных из армии проклятых.

— Что с тобой, Рейвен? Я тебя не узнаю! Где твоя уверенность? Чувство веры в правое дело? — водрузив огненный меч на плечи и изобразив на лице подобие ухмылки, отвечал трикстер. Что ни в коем разе не выводило девушку из себя. Лишь разжигало интерес к происходящему сейчас и в дальнейшем. Пусть они оба и решили, совершенно негласно и не договариваясь, не возвращаться к разговорам о дне единения.

— Никто не любит болтливых пленников. Но может, по-discутируем на тему долга? — добавил трикстер вновь ухмыляясь. Видимо, подобающей случаю иронии. Рейвен вышагивала в кандалах вперед своего союзника, придав лицу выражение молчаливого гнева

когда у линии горизонта, пылавшего всеми оттенками багрового, показались высеченные в вулканической породе острые пики башен.

Едва завидев незваных гостей, дозорные вострубили в роги и забили в сигнальные барабаны. Массивные ворота распахнулись, встречая Рейвен с Локи отнюдь немирно настроенным отрядом из десятка стражников. Поразило ли величественное зрелище Локи, успевшего прожить не один век и стать свидетелем рождения и гибели не одной цивилизации? Как бы то ни было, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Рейвен оставалось только догадываться о чем помышляет коварный хладнокровный бог. В противовес необходимому смирению раскаявшегося пленника Рейвен гордо задрала подбородок, взирая на всех с высоты не собственного роста, но своего неуёмного тщеславия.

Лови, в свою очередь, уже воплощал в жизнь отрететированные сцены безупречного спектакля. Йотун натянул поводок цепи, вынуждая девушку застыть на месте в ожидании и неведении.

— Слышал, вы потеряли предательницу. Что же, я привёл её домой...

Рейвен лишь издала злорадный смешок, покосившись в сторону стражи. Она не встречала знакомых лиц, но была уверена что их впустят, прояви Локи хотя бы малую долю горячности огненных великанов. Их безупречный план действительно мог сработать, но лишь при условии небольшой импровизации.

— И сейчас ты умрёшь, глупец!

Ледяной принц понял всё без слов, он натянул цепь и, притянув девушку к себе, с силой швырнул её к ногам командира.

— Я Локи из Йотунхейма! — молвил асгардский муж, сверкая раскаленным докрасна мечом. — И я пришёл к Королю Суртуру с дарами! Взамен на них прошу лишь места, откуда смогу наблюдать за полыхающим Асгардом!

Когда стражники впустили чужака в замок, Рейвен всё ещё сохраняла надетую по доброй воле маску и искусно исполняла роль загнанного в ловушку дикого зверя. Но каждый пройденный уровень на пути в подземное королевство обращал воссозданную иллюзию в реальность и отыгрываемая роль вскоре перестала быть таковой. Огненная дева испытывала меньшую неприязню к людям и за то недолгое время, проведенное в Мидгарде, успела позабыть каким безнадежно мрачным и пустым является настоящий дом.

«Было ли это место моим домом хоть когда-нибудь? Хотя бы один день? Я так отчаянно ненавидела мать за слабость, но то было лишь внушенное окружением мнение. Не моё... Смогу ли я убить Сурта?»

Перед входом в тронный зал муспела одарила йотуна печальным полным надежды и доверия взглядом. Ему сей спектакль давался много легче, нежели ей. Призраки прошлого таились в вулканических стенах, мерцали тенями отброшенными пламенем факелов, взирали на неё с высоты голов каменных статуй изображающих павших генералов, приближенных к Суртуру,

«Смогу! Не только ради себя или для получения армии, но и ради тебя, Локи. Пусть никогда и не признаюсь, играя в безразличие во имя уязвленной гордости»

Меж тем Лафейсон прошествовал к трону, скрывая удивление при виде Чёрного Короля в истинном облике. Великана в рогатой пылающей короне, восседающего на каменном троне, выкованном из стен вулкана. Всеведущий действительно мог взирать на всех свысока и, при желании, раздавить путников как никчемных букашек едва ему придётся не по нраву взгляд или обращение.

— О, Суртур! Великий король всех королей! Позволь... — начал было Локи, но был перебит. Огненный великан, оставаясь неподвижным, приказал йотуну умолкнуть и тот был вынужден повиноваться, переступив через созданные временем и опытом черты своей непокорной скользкой натуры.

— Я знаю всё, что должно. Наградой твоей, за то что вернул мне дитя, будет жизнь. Сейчас я обращаюсь не к тебе.

При взгляде на источающую искреннее отвращение и неприязнь дочь меж рогов короны Сурта вспыхнуло пламя, озаряя извечно черные стены тронного зала и каменные лица статуй ослепительным алым светом.

— Как посмела ты, плоть моей плоти, кровь моей крови, послушаться МОЕГО приказа?! Твои опрометчивые действия не только разрушили годами строящиеся планы, они в полной мере показали твоё неуважение к законам и правилам огненного народа! И это награда за все те годы, что я терпел твоё присутствие в своём доме?! За подаренную мною жизнь?! Как посмела ТЫ?! Все эти годы я защищал тебя в глазах нашей семьи, но более терпеть твоих выходок не намерен. С меня довольно! Пусть мать решает твою судьбу и тяжесть наказания, которое ты понесёшь. Если Синмара изберёт для тебя смерть, так тому и быть.

— Она никогда не была и никогда не будет моей матерью... — зло парировала Рейвен, пытаясь разрушить цепи усилием воли. Когда же это не получилось, дева сделала решительный шаг навстречу разгневанному отцу, когда в разговор вмешался Локи, а в помещение вошла Синмара и её дети в сопровождении свиты рабов из соседних миров.

— Не будьте так строги, отец. — Вместо приветствия самодовольно произнёс Август,

будто это он и никто иначе приволок предательницу и кинул к ногам Суртура.

Синмара, к своей чести, прошествовала к трону и заняла место по правую руку от вечного правителя. Дочь её встала позади процессии и лишь один «брат» продолжал свысока наблюдать за гостями. Рейвен с надеждой обернулась на Локи, ища поддержки и негласно вопрошая:

«Сейчас?»

К её удивлению сигнал не был распознан и цепи не исчезли. Локи лишь отпустил поводок в примирительном жесте поднимая разводя руки в стороны.

— Не хотелось бы вмешиваться в семейные дела, однако... Раз вы щедро подарили мне жизнь, я не могу не отплатить вам, великий король, тем же. Я должен признаться, что изначально пришел в ваш дом не за тем, чтобы вернуть пленницу и обрести убежище в замке Мирхейма. Я прибыл, замыслив предательство. С целью помочь вашей дочери захватить трон и убить всех вас... — зал окутало эхо тихого переменчивого шепота. И без того кажущийся извечно хмурым Суртур, помрачнел настолько, что напряжение можно было ощутить не обладая магией восприятия и даже узреть невооруженным глазом. Впрочем, подобное можно было сказать и Рейвен.

— Не спешите казнить меня! Я искренне раскаиваюсь. — Теперь Локи говорил, положив руку на сердце. — Меня учили выбирать сторону победителей и теперь я ясно её вижу. О! И если избере́те казнь, то настоятельно рекомендую сделать её публичной. Как на счет завтра на крыше замка, чтобы весь мир видел какова расплата. Что скажете, великие король и королева?

Огненная дева была готова пасть в неравном бою с собственным отцом или быть преданной ледяным принцем уже после окончательной и бесповоротной победы в Мидгарде, когда тот нашёл бы способ привязать проклятых муспел к магии своего скипетра, лишив посредника в её лице власти. Когда угодно, познав его сущность и почти не отрицая собственной незначительности в масштабах их общего плана. Но только не сейчас. Не будучи абсолютно беспомощной, связанной и столь уязвимой, что не заметила как самолично вручила в руки своего убийцы мощнейшее из существующих орудий — доверие.

— Ты гнусный предатель! Я доверялась тебе! По-настоящему доверилась! — переходя на крик, воспротивилась дева. Она попыталась сорваться с места, но пылающая рука отца обхватила её и с легкостью, будто она вовсе ничего не весила, оторвала её от земли. Сурту достаточно было лишь сжать кулак, и от Рейвен осталась бы жалкая пригоршня пепла, однако он этого не сделал.

— Казнь на рассвете. Так тому и быть.

Посмотрев на неблагодарное дитя с мгновение, король швырнул деву к выходу и распорядился стражникам отвести предательницу в темницу до рассветной казни, на которую, вне сомнений, соберутся все без исключения жители Муспельхейма.

— Я убью тебя! Клянусь древними богами и священным Иггдрасиллем! Я уничтожу тебя! Низвергну до атомов!

— Доверчивость — главное свойство глупцов. — улыбнулся йотун напоследок, провожая огненную деву преисполненным триумфа взглядом.

— Непостижимо! Я всегда знал, что Локи безумец, но чтобы настолько? — сражённый внезапной встречей Тор, развёл руками и лишь титаническим усилием воли воздержался от того чтобы ударить в стену и смести всё на своём пути, поддавшись приступу гнева.

Громовержец обвёл хмурым взглядом вышедших вслед за ним товарищей, на лицах их читалось недоумение и не меньший шок, чем испытывал сам асгардец.

— Может кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? — раздражающе высокомерным тоном с щедрой долей сарказма поинтересовался Тони Старк. Он лишь наполовину высунулся из зала заседаний. Казалось, что мужчину куда более интересует папка с описанием засекреченного проекта, нежели всё происходящее вокруг. — Твой братец завёл новую зверушку?

Тор же, сжав пальцы в кулаки, вернулся в зал заседаний и, помолчав ещё с минуту, дабы собраться с мыслями, обратился к команде:

— Тени — твари, коих не видывал мир. Я думал, отец уничтожил их расу, но ошибся раз один из них здесь. Этих существ почти невозможно убить, они лишены всякого сострадания и вероломны. Настолько, что даже Богу лжи и обмана не по силам их перехитрить. Если Локи связался с этим, то можно быть уверенным — он пойдёт до конца. Даже если его план с Мирхеймом не удастся, найдя источник силы Теней, он сможет стереть с лица Земли всё, что ему только вздумается или же его самого сотрут. Тени непредсказуемы и куда более опасны, нежели мой нерадивый брат... Но как это на него похоже — готов уничтожить мир, что мне дорог в отместку за своё унижение.

И вот в помещении воцарилась тишина. Тяжелая и давящая. Из тех, что заставляют слух обостриться и улавливать тончайшие вибрации в воздухе, подмечать любое изменение, думать о неотвратимости грядущего...

Ведал ли Локи с какой опасной силой связался на сей раз? А если ведал, то насколько глубоко его чувство уязвлённой гордости и непомерно эго, раз некогда великодушный и сочувствующий сын Асгарда обратился во зло?

Успел ли он пересечь черту и достигнуть точки не возврата? Можно ли спасти его?

— У меня странное чувство дежавю. — Будто ответом на незаданный вопрос, вновь вмешался Старк. Он вальяжно откинулся на спинку кресла, по-прежнему кутаясь в тёплое одеяло, и жестом руки изобразил круговорот. — Помнится мне, когда ты забирал его в прошлый раз, то клятвенно заверял всех, что подобного не случится. Земля отдала его под опеку Асгарда. И что в итоге?

— Не собираюсь в этом участвовать. — Вмешалась Наташа прежде, чем великий Железный человек закончил свою мысль и разжег новый конфликт. Шпионка потерла разбитую губу, затем кивнула Роджерсу в знак негласной поддержки и поспешила удалиться прочь. — Лучше проверю как там Клинт.

— Больше и не повторится. Доселе он был мне братом, и я тайно лелеял надежду образумить его, вернуть на путь истинный. Но сейчас не уверен, что от человека, которого я боготворил как союзника, с которым мне суждено было сражаться бок о бок, хоть что-то осталось. Отныне я буду сражаться в полную силу.

— Оставь свою драму при себе. Я не собираюсь вдаваться в подробности ваших семейных дразг, оно мне не надо. Скажу одно — я не допущу нового Нью-Йорка. Никакого

нового вторжения, никакой войны и никакого «только мы против целой орды монстров и никто кроме нас». Больше никаких (!) вторжений на Землю. — меж тем не унимался Старк. — Так что хватит тут нюни разводить, на этот раз давайте подготовимся как следует. Мне плевать с чем он там придёт: с волшебной секирой или прискачет на огненном единороге. Мы будем готовы.

Тор кивнул, соглашаясь со сказанным. Пусть отчасти и нехотя, но он понимал что Старк прав в своих выводах. За последние десятилетия Земля успела неоднократно пострадать не только по вине самих мидгардцев, но и из-за розни межпланетарного масштаба. Как видно, речь Железного человека впечатлила даже бравого солдата, потому что по виду Стив едва сдерживал ослепительную улыбку. Уголки его губ поднялись и мужчина изрёк:

— Впервые слышу от вас что-то настолько воодушевляющее.

— Да, договорился о встрече в четыре часа. Не хочу опаздывать, успеем же отбиться до этого времени? Придётся поднажать.

Её ярость была столь неистовой: пугающей, взывая к воспоминаниям случайно увиденным Локи во время слияния душ, но вместе с тем эфемерно прекрасной. И красота не самого желанного чувства из многих заключалась в неизмеримой его искренности. Всё же Рейвен, не взирая на всю мощь текущую по венам, была так хрупка и уязвима! В иные дни сей факт позабавил бы йотуна, не вызвав ни капли сострадания и, напротив, заставив заиграть на тонких устах широкую и кривую ухмылку, пробудив интерес к конструированию манипуляций. Однако, в момент когда почитаемый и восхваляемый муспелой отец отшвырнул её в сторону подобно наскучившей сломанной игрушке на стратегической доске продумываемых полей сражений, Лафейсона одолевало лишь одно желание — скорее закончить маскарад чтобы собственноручно оборвать жизнь ничтожного сгустка огня и лавы, что так самонадеянно величал себя богом. Вот только осуществить это можно лишь оставшись один на один с Суртуром. В ином случае у Локи и Рейвен не было ни единого шанса против королевской четы великанов. И он это явно видел, в то время как самонадеянная дева мечтала скорее расправиться с прошлым и приступить к завоеванию мира.

Понимал ли он, что согласившись уничтожить единственную семью которую знала, Рейвен шла на жертву? Пусть она не была любима, но не так просто избавиться от собственных корней и оборвать нити привязанностей.

«Я знаю это как никто другой...» — про себя подумал мужчина, провожая пленённую союзницу взглядом и, впервые за прожитые им сотни лет, осмелившись вообразить каково ей придётся в темницах, когда вдруг кажется что весь мир сражается против. Трикстер видел как скоро она уверовала в его иллюзию и как вспыхнула огнём ненависти. Он понимал, что гнев не утихнет даже когда она узнает правду, но всё же не решился отступить. Пусть между ними снова разразится пропасть, но по крайней мере оба они будут живы. Более того — совсем скоро на глазах огненных великанов и их рабов свершится настоящая история.

История, которую не посмеют забыть и через тысячу лет...

Но только лишь если Локи хватит терпения и решимости осуществить задуманное до конца. Каким бы жестоким это не казалось, каким бы монстром он вновь не предстал перед глазами того единственного человека, который хоть в чём-то был похож на него и даже сумел разглядеть нечто хорошее! Цена немалая, но она вполне по карману Богу лжи. Он был готов уплатить её. Пусть пришлось провести ночь в тронном зале, заискивая перед Суртуром и умащая его возлюбленную семью как только умел. И ради чего? Чтобы самолично надеть кандалы на прекрасную Рейну и в который раз, играя на её чувствах, обезопасить себя от скорой смерти видимостью противостояния. Вынужденного, не доставляющего никакого удовольствия кроме предвкушения победы.

— Наслаждаешься видом? — Проходя мимо немых каменных стражей, спросил Йотун с издёвкой. Их глаза сопровождали каждый размеренный шаг, пока он не достиг клетки в которой томилась дева. К удивлению мужчины Рейвен не удостоила его ни ответной ремаркой, ни презрительным взглядом. Дева сидела спиной к нему, оперев настойчивый взгляд в стену словно медитирует или всё же, что больше подходило её натуре, придумывает как избежать казни и отомстить всем, кто причинил боль. — Здесь ты должна сказать: «Пришел чтобы глумиться надо мной?» На что я с великим удовольствием отвечу тебе, что

да и что хоть в этом твоё чутье не подвело тебя, прекрасная Рейна.

— Я всегда знала что ты предашь меня. — Не упрёк. Вовсе не полагающееся обвинение, на которое он рассчитывал. Значило ли это, что всё куда более серьёзно, чем йотун мог представить, выставляя контрольные точки в сумбурно возникшем полностью импровизированном плане?

Спустя мгновение Рейвен, пугающе спокойная, точно изваяние изо льда и стали, стояла напротив него и с вызовом смотрела на трикстера. Она сбросила облик огненного великана и потому лишь мужчина сразу неосознанно отметил, что лицо девушки отекло, а глаза покраснели от слёз. Она не вынашивала план мести. Нет, дева была полностью разбита. И всё же она нашла в себе мужество сохранять самообладание.

— Но имела глупость поверить будто в твоём сердце есть место для преданности хотя бы кому-то, кроме тебя самого.

И вот он — обещанный свет презрения, сфокусированный лишь на бесстрастном лице йотуна. Слова резки, бьют подобно размашистой пощёчине. Ему не хотелось ранить Рейвен ещё сильнее, но он не станет подставлять вторую щёку и позволять наблюдателям Сурта допускать хотя бы мысль о лояльности Локи к "предательнице."

Мужчина завёл руки за спину, позволяя деве узреть уменьшенный с помощью магии тессеракт, что до сего действия скрывался под верхним слоем плаща-доспеха. Но как видно, слишком погруженная в океан тёмных разрушительных чувств, она не заметила.

«Что же... — разочарованно подумал про себя Локи, почти чувствуя вкус крови на своих разбитых губах. А они будут разбиты, ведь ему, очевидно, придётся сыграть на импульсивности своей союзницы. Нанести решающий удар. — Этого следовало ожидать».

— Я только начал игру, а ты уже сдалась? Один поцелуй, одна ночь... и вот твои взгляды изменились. Пожалуй, это было слишком легко. И ты была права — все наши мероприятия на Земле были лишь пустой тратой времени. Чтобы залезть тебе в голову. Ты заносчивая, импульсивная и не несёшь в себе ничего кроме хаоса! Всё это — он обвёл помещение руками, призывая девушку оторвать испепеляющий взгляд от своего лица и обратить его на нечто более ценное. — лишь игра.

Лафейсон приблизился к клетке намеренно позволяя Рейвен схватить себя за грудки. И был уверен, что она тотчас разорвёт его на куски, однако в её бездонных нефритовых глазах вспыхнула искра понимания. Дева быстро осмотрелась по сторонам и, теперь уже играя, представила йотуну свой истинный облик.

— Моя реплика, не так ли? — Пурпурный плащ-доспех обуглился и приобрёл ониковый оттенок, зрачки её расплылись и залили оттенком чёрным как сама ночь каждый глаз, а кожа муспелы покраснела и покрылась мельчайшими чешуйками в наиболее уязвимых местах. — Пришел чтобы глумиться? Так лицезрей же меня! — Склонив голову набок, прошипела она и тут же впилась острыми зубами в шею йотуна, незаметно для глаз наблюдателей срывая с шеи заветный кулон.

Когда стражи наконец среагировали на выходку пленницы, Рейвен уже успела спрятать тессеракт в многочисленных складках одежды. А гордый собой Локи, с нескрываемым удовольствием зажимал рану, самоотверженно игнорируя боль. Сочающаяся из неё кровь никак не желала останавливаться, но всё же трикстер был по-настоящему рад возможности устранить возникшее недопонимание. Пусть это и не было похоже на него и, что было вероятнее всего, являлось последствием духовной связи, сей факт не умалял удовольствия от происходящего.

— Хорошо, что я выбрал сторону победителя.

Был бы Локи хоть вполовину собой, если бы не менял одну маску за другой при первой же возможности? Вся жизнь представлялась ему игрой, где необходимость изменять внутренний облик была равна по силе и значимости самой жизни. Но если всё так, то кто повинен, что Рейвен так легко поддавалась искусным манипуляциям? Её непокорное пылающее страстью сердце или всё же разум, создающий прекрасные картины неосуществимого мирного будущего?

Недолгая жизнь в уязвимой человеческой коже сделала её слишком восприимчивой, но то, вопреки сложившимся обстоятельствам, воспринималось девой как проявление силы. В конечном итоге, чувствовать и осознавать всю ментальную боль намного сложнее, нежели закрываться от каждой эмоции. Не чувствовать ничего — слишком лёгкий путь, И муспела не собиралась выбирать его, даже когда сердце разрывалось на части и горячие как пламя меча Суртура слёзы оставляли влажные тропы на алой чешуйчатой коже щёк. Сперва от боли из-за предательства. После — от слившихся воедино гнева и радости из-за понимания, что всё произошедшее не более чем очередная уловка трикстера. Он всегда оставался на её стороне, даже если «тактично» забыл предупредить о неожиданном повороте в слабом сюжете изображённой игры.

Тем не менее, Рейвен не стала гадать чего именно добивался Локи и стояло ли за очередной манипуляцией нечто большее кроме хитрости ради самой хитрости. Дева решила изобразить покорное принятие судьбы и, что казалось более важным, предпочла выспаться и набраться сил перед предстоящей казнью. Причинить боль Локи, пусть и невзначай, было приятно. Что же тогда муспела ощутит, навечно распрощавшись с мучителем, что почти тысячелетие презирал собственное дитя, от которого ему не хватило сил отречься? Убей Суртур её в колыбели, Рейвен ни за что не пришлось бы страдать. Её Великое путешествие, вся её жизнь, была пропитана сочащимся ядом уязвляющих чувство гордости и собственного достоинства слов, бесчисленных попыток доказать собственную виллу вопреки всему. Закрывая глаза, Рейвен ненавидела себя за то, что ей хватило тех самых чтобы признать — её «грязная» кровь всегда была последствием выбора, который сделали за деву ещё до её рождения.

«Пришло время напомнить им об этом. Им всем!» — погружаясь в крепкий сладостный сон, напоследок подумала она.

***

Суртур испокон веков испытывал любовь к праздным широким действиям. Это касалось и места казни проклятого природой дитя, изгоя среди великанов. Выбор пал на внутренний сад главного замка столицы, каждый свободный дюйм которого заполнили великаны и плененные ими рабы, гости Муспельхейма, пришедшие из других миров не по своей воле. Количество столпившихся любопытных горожан переходило все возможные границы. Словно живой щит, они расступались перед своим королем и его приспешником йотуном, что вёл за собой на поводке предательницу. Как и было задумано Локи, ему позволили лично надеть кандалы и сопровождать пойманный трофей на казнь. Все часы, пожертвованные им на заискивание перед Огненным Королем, окупились. И всё же проделанный им труд ни в коем разе не умалял гнева муспелы. Пусть та и с запозданием поняла для чего разыгрывался мрачный цирк. Семья Суртура заняла почетные места в

уготованных на специально возведенной по случаю казни высокой площадке. И каждый из его возлюбленных близких взирал на ничтожно крохотную пленницу свысока, пока та шествовала к обозначенной точке.

Как король-отец уничтожит своё дитя? Получит ли она наказание, соответствующее преступлению и казнь через отсечение головы украденным ею мечом или лишится сердца? Так или иначе, но Суртуру придётся снизойти до неё, уменьшившись до роста муспелы. И в момент, когда он сделает это, всё свершится.

— Сегодня вы узрите, как длань правосудия коснётся этой неверной. Твой час пробил еще тысячелетие назад, дитя! — Суртур склонился над девой, его огромные пальцы коснулись лба Рейвен. Казалось он вот-вот раздавит её голову, но вместо сего действия, Король, как и было задумано, ослабил сияние пламени. — И нет боле смысла противиться судьбе. Ты не узришь как падёт Асгард, но я предоставлю тебе последнее слово в знак своего великодушия.

Он уменьшился, приготовившись вонзить острые когти в её сердце и вырвать то, выставив на всеобщее обозрение прежде, чем превратит его в бесформенную пригоршню серого пепла. Рейвен же обменялась многозначительным взглядом с трикстером, сигнализируя о готовности действовать. Локи без промедления жестом руки снял с муспелы иллюзорные оковы и вернул тессеракту в её руках его первоначальное обличие.

Впервые за всю долгую жизнь в её руках находилось столько власти! Рейвен была вольна уничтожить всех, кто когда-либо манипулировал, лгал или причинял ей боль. Достаточно было просто пожелать, направить бесконечный магический луч в нужную сторону...

Но делать выбор, равно как действовать, нужно было незамедлительно. Едва Суртур опомнится, а жар его пламени расплавит недолговечный лед, каменные статуи со стен замка оживут, и воздух наполнится жаром дыхания проклятой армии, призванной защищать наследие Суртура любой ценой. И хотя они не могли причинить вред Рейвен, как той, по чьим венам текла божественная кровь, они всё же представляли серьёзное препятствие на пути к заветной цели девы. Конечно же, еще они могли уничтожить её непостоянного союзника. Однако о Локи, будучи всё ещё рассерженной, Рейвен задумалась в последнюю очередь.

— Я поняла одну вещь, мой король. — Начала говорить дева, когда её «семья» перестала представлять какую-либо угрозу. Сияющий голубой поток озарил их, заковывая во льдах. Та же участь постигла кровожадных зрителей, оцепивших внутренний двор. Всем им не оставалось ничего, кроме как стать безучастными свидетелями начала совершенно новой эпохи. — В моих жилах всегда будет течь твоя кровь. Но это не делает нас семьёй.

— Рейвен... — Прерывая миг абсолютного триумфа, вмешался триктер. Он обвел тревожным взглядом стены замка, сопровождая каждую статую, на которой задерживался взгляд, указующим перстом. — Тебе лучше поторопиться.

В ответ на несвоевременное замечание, Рейвен одарила трикстера наигранным надменным взглядом, подбросила и тут же поймала тессеракт, подмигнув мужчине. Всё же, не взирая на серьёзность и торжественность происходящего, дева не могла упустить момент заставить йотуна как следует понервничать.

— О, не волнуйся ты так. Мне они ничего не сделают. — Она вручила «дар йотуна» обратно ему в руки, с издевкой похлопав по плечу в притворном желании ободрить союзника. Только после она вернулась к Суртуру, краем глаза уловив, как могущественный

правитель Муспельхейма беспомощно скребет длинными когтями по внутренней поверхности ледяных оков. — К тому же, Локи... не портить момент! Я и сама не знала, что ждала этого целую вечность.

— Неблагодарное отродье! Нужно было убить тебя еще в колыбели!

— Ты прав, «отец». Сделай ты это тогда, мне бы не пришлось все эти годы доказывать тебе, что я достойна называться твоим ребёнком. Не пришлось бы скрывать своё желание считаться наследницей короны. Я прятала своё желание править даже от самой себя. Представляешь каково это? Боясь стать ещё большим изгоем, я отвергала правду... — Наблюдая как проклятые замыкают круг оцепления и постепенно приближаются к своему королю, Рейвен бросила полный искреннего неистового презрения взгляд в сторону Августа и Мироппы. — А она в том, что единственное божество, которому мне нужно было что-то доказывать — я сама. И вот ещё, «отец»... Хочешь знать, как я выкрала меч из твоих покоев? — Рейвен зашла к трону, на котором восседала законная супруга Суртура со стороны спинки, дева подняла руку в призывающем жесте, и огенный меч материализовался в её руке в тот же миг. — Он признал меня. — Оружие пронзило спинку трона, пылающее лезвие из ядра звезды с трудом, но смогло войти в сердце обездвиженной Мироппы, затем в сердце Августа и его надоедливой сестры. Все они обратились пеплом под акомпонемент страдальческих возгласов Сурта. Воплей истинного горя, подтверждающих, что даже будучи жестоким к ней, своих детей и супругу он любил намного сильнее, чем жалкую полукровку, зачатую из ныне минувшей любви к асгардской женщине. Как ни печально, это лишь больше ранило Рейвен. Долгожданное освобождение не приносило воображенного удовольствия.

Дева неторопливо склонилась над отцом и, вернувшись к облику человека, заставила меч вновь исчезнуть. Когда она говорила, разочарование в голосе не было наигранным.

— Как странно... Я думала, твои страдания доставят мне больше удовольствия. Вижу как тебе больно, но вот беда — радости никакой. Всё что ты сейчас испытываешь и вполнину не то, что все эти годы чувствовала я. Я хочу, чтобы ты страдал сильнее...

В мгновение отросшие когти девушки впились в виски Огненного Короля. Невероятным усилием воли дева попыталась не только проникнуть в воспоминания Сурта, но также заставить его пережить каждый травмирующий опыт прошлого, ощутить заново горечь каждого поражения и прожить каждую потерю. Снова и снова. До тех пор, пока сама она не прочувствует как желание умереть возрастает в его мозгу подобно корню ядовитого дерева, плоды которого неизбежно рухнут в пучину мыслей и отравят всё его существование. Рейвен желала чтобы он страдал как никто другой. Пусть даже на несколько мучительно долгих мгновений, пока длится контакт, ей придётся пережить то же самое. Что бы это ни было, но оно того стоило...

Он был великим воином без страха и упрёка. И, сколько себя помнил, всегда был единственным кому судьбой уготовано уничтожить Асгард, что являлся угрозой для шаткого равновесия в девяти мирах. Стоит Короне воссоединиться с Вечным пламенем, что хранится в Небесном Царстве и угнетающее все прочие миры царство будет уничтожено раз и навсегда...

Суртуру пришлось разрубить Древо миров, дабы предотвратить вторжение войск Хелы, дочери Одина, в Муспельхейм. Когда он верой и правдой защищал своё процветающее королевство вопреки всему, являясь защитником объединённых миров. И каково же было разочарование Суртура, когда сей самоотверженный поступок восприняли как объявление войны? Один был завоевателем и убийцей,

однако стоило ему низвергнуть своё дитя и заточить в темницу, история провозгласила истинным злом Огненных Великанов.

Она, прекрасная воительница Лорелейн, была единственной, кто поверил в благородные намерения Огненного короля, и своей смелостью она завоевала его любовь. И плодом её стала прекрасная дочь в даром перевоплощения. Но счастье их не продлилось долго... Один возвёл радужный мост и в отместку за предательство убил своего бывшего генерала. Лорелейн пала от рук вероломного Асгардского правителя.

Рана от её потери никогда бы не зажила, если бы не заклятие Мироппы, что позволило Суртуру навсегда вытравить любовь и более того — разделить своё сердце на две равные части.

Рейвен обнаружила себя сидящей на коленях перед отцом, взвешивающей в пустоту. С момента проникновения в его разум прошла всего секунда, но в лабиринте мыслей та продлилась вечность. На свет вышло лишь самое яркое из воспоминаний, но оно было далеко не единственным. Остальные, пусть и не сразу, настигнут девушку и продолжать появляться перед взором еще долгое время. В конечном итоге, Суртур прожил не одну тысячу лет и накопленный им опыт не уместить в одно короткое прикосновение. А дева чувствовала себя слишком опустошенной, чтобы продолжать сфокусированное исследование. И тогда она решила, что пусть уж лучше чужое прошлое настигает её постепенно, нежели за раз обрушится штормовой волной.

— Я ещё вернусь, чтобы исполнить своё предназначение. — зло проговорил Суртур, точно зная о чём именно думает его нерадивое дитя. — В следующий раз я заберу тебя с собой.

— Посмотрим. — Когти Рейвен без труда проббили преграду из ледяных оков, затем вошли в плоть и, пробивая рёбра, вытащили бьющееся кровоточащее сердце из грудной клетки. Муспела сжала его и не раздумывая уничтожила, становясь единственным законным правителем Муспельхейма.

Лишь взглянув в сторону проклятых, дева заставила тех вернуться на исходные позиции и вновь обратиться каменными статуями. Отныне они подчинялись лишь её воле, а их единственным долгом была защита новой королевы. Что до огненных великанов — ни у кого из них не осталось иного выхода кроме как пасть на колени и молить о пощаде. Лишь обладатель огненного меча мог занимать трон, а тот, как великаны смогли узреть будучи невольными свидетелями непредвиденной казни, признал полукровку.

Некогда гонимая и презираемая всеми, Рейвен стала самым могущественным существом в Муспельхейме. Почему же тогда она не ощущала ничего кроме пустоты и невосполнимой утраты?

Она готова убить Суртура ещё раз, стоило лишь найти вторую половину его разделенного сердца. И скорбеть по нему или «семье» не было никакого желания. На сей раз чувства, занявшие беспокойное сердце, являлись не только последствием единения. Они также были напрямую связаны с матерью, которую Рейвен так отчаянно стремилась возненавидеть напоказ. Но которую любила. Её мимолётный образ в воспоминаниях отца заставил деву вновь думать обо всём, что могло бы быть, если бы только не Один... Пальцы муспелы сами собой сжались в кулаки. Место ощущения потери вновь занял гнев, вылившийся в приветственную речь изобличающей намерения Сурту правды:

— Сколько столетий мы сидим в заточении? Мир снаружи изменился и забыл Огненных великанов! И виной тому никто иной как Суртур! Ваш прославленный правитель

был рад своему заточению после войны, которую начал из-за смерти моей матери. Всё что он обещал вам — ложь! Вы создали себе ложного Бога! Вы верили, что набрав армию, он рано или поздно поведёт нас к величию и прежнему процветанию? Это не так. Всё что делал Сурт — отвлекал внимание мелкими восстаниями, мятежами и заговорами. Имитация деятельности была его целью, чтобы вы, мои подданные, продолжали верить в его былое могущество. Но он никогда не собирался покинуть Муспельхейм! Его устраивало назначенное лже-Всеотцом заточение. Но довольны ли вы им?

Толпа, едва осознающая происходящее, зашлась в отрицающих возгласах, которые, медленно начали сменяться одобряющими восклицаниями, стоило Рейвен заговорить о войне.

— Пришло время открыть Врата и забрать то, что у нас отняли! Мы вновь обретём былое величие! Мы подчиним себе все миры! А те, что откажутся преклониться, уничтожим!

Рейвен призвала огненный меч: дева подняла его с воинственным кличем, находя поддержку во взгляде каждого склонившегося великана. Не было ни страха перед проклятой армией, не ненависти из-за убийства «истинного» короля. Её провожали как победительницу, занявшую трон силой. Ту, что готова повести изголодавшихся по золотому столетию завоеваний народ. Глядя на них сейчас трудно было поверить что огненные великаны в один из периодов истории были хранителями равновесия и защитниками миров. Впрочем, те времена минули слишком давно, чтобы вспоминать о них с ностальгией и теплотой.

Но если на неё муспелы взирали как на настоящую королеву, то при взгляде на йотуна каждый из них задавался негласным вопросом, что за судьба уготована для него. Его же задавала и сама огненная дева. Она поравнялась с бывшим непривычно молчаливым трикстером. Он уже успел спрятать тессеракт и с маской безразличия осматривал свой временный дом. Ощущал ли он триумф победы или, напротив, был насторожен столь быстрым преображением импульсивной и несколько наивной Рейвен, которой было так легко манипулировать?

— Что-то ты притих. Чувствуешь угрозу? Ведь теперь я могу просто щелкнуть пальцами, и они щелкнут "тебя". — Невзначай прошептала муспела, поравнявшись с мужчиной. Затем громко обратилась к толпе. — Куйте броню, подготовьте орудия. Ровно через семь дней мы нападём на Мидгард. Эта планета падёт перед нашим величием первой! Локи из Йотунхейма возглавит наш поход.

Мудрая Фригга всегда утверждала будто любовь превосходит ненависть. Однако Локи, не взирая на привязанность к матери, никогда не принимал столь громогласного заверения на веру. Ему не довелось ни испытать подобного на себе, ни ощутить победу созидającego чувства над разрушительным со стороны своих врагов.

До сего дня.

Пусть Рейвен и сложно было причислять к неприятелям, но после событий последних двух дней йотун не был должным образом уверен в её лояльности. С муспелой любая его затея, не обговоренная заранее, неизбежно грозила обернуться хождением по тонкому льду. По поверхности, что ежесекундно таяла и истончалась под пристальным наблюдением выражающих негодование нефритовых глаз. И сила эта была сравнима по мощи своей разве что с извержением пробудившегося от тысячелетнего сна вулкана.

Вручая Рейвен единственное способное отгородить йотуна от огненных великанов орудие, Локи надеялся вернуть расположение своей недалёковидной союзницы.

"Надеялся, а не рассчитывал, как-то было свойственно его изворотливой натуре. Невероятно!"

Он видел насколько глубоки чувства огненной девы к нему. Повторное завоевание её доверия не представлялось ему трудозатратной сложновыполнимой задачей. Рейвен горячна и скоро на расправу, но всё же не глупа чтобы разбрасываться помощью и терять союзника в его лице.

И всё-таки...

Был бы Бог обмана и иллюзии собой, живя он одними домыслами и догадками, руководствуясь ощущениями и предчувствиями, а не разумом и расчетом? Вряд ли! И потому, с дозволения Суртура, в ночь перед назначенной казнью прогуливаясь по погруженному в полутьму подземных коридоров, трикстер искал потаённые тропы из мира, что был ему чужд и уже успел наскучить. Да и кто знал, как долго муспела собирается гневаться и, что гораздо важнее, что она предпримет, имея на руках лишь лучшие карты из колоды древнейших артефактов? В Муспельхейме, в своей родной стихии, дева способна призвать огненный меч, где бы тот ни находился. И в помощь ей, благодаря его содействию, теперь выступал тессеракт. А стоит вырвать сердце Черному королю, на её сторону встанет бессмертная армия.

«На нашу сторону!» — поправил себя йотун, терзаемый противоречиями, что по его мнению выступали последствием магической связи.

На рассвете он сопровождал пленницу, ведя ту на поводке как безродное дикое животное, которому суждено стать очередной жертвой ритуала, призванного показать окружающим какая «награда» уготована предателям.

«В цепях она, но единственный кто может стать пленником это я. Какая ирония!»

Локи мысленно усмехнулся, а затем бросил мимолётный взгляд на Рейвен, что взирала перед собой и с достоинством истинной богини и правительницы Огненного Царства игнорировала возгласы толпы, с наслаждением стервятников приготовившейся приветствовать смерть.

Сдерживать улыбку зная кто умрет на самом деле, задача не из простых!

Совсем скоро Суртур, лжекороль, ничтожество, осмелившееся не только отравить своим

ядом невинное не заслуживающее наказания дитя, но и поднять на него руку падёт. От рук той, что только и делала, что стремилась завоевать хотя бы толику уважения недостойного отца. От рук той, что всей душой жаждала привлечь к себе внимание и показать что достойна большего!

От слишком хорошо знакомой несправедливости сводило скулы. Трикстер вцепился в поводок с такой силой, что побелела и без того бледная кожа на кончиках его пальцев. Он не сразу выпустил путы, когда Суртур взял слово. Не стал и выглядывать след троп, ведущих прочь. Лишь взирал на воинственную деву с искусно скрываемым восхищением её мужеством и стойкостью. До тех пор, пока не уловил движение: стены высеченного в вулкане замка оживали одна за другой, и стражи в ониксовых доспехах неизбежно приближались к центру площади, окружая их.

Вдох. Следующий миг, в который мужчина опомнился, все они уже успели исчезнуть, а огненные великаны с восторженным боевым кличем склонялись перед королевой, что обещала им возможность вкусить плоды войны и вновь ощутить давно позабытый вкус победы.

«Если бы и в Асгарде всё было так просто...»

Некогда покинутая и презираемая всеми, Рейвен Сурт'яр в один миг обрела не только запредельную власть, но и дом. Дом, который могла изменить или разрушить в угоду своим сиюминутным желаниям.

И хотя тессеракт вернулся в руки Локи, своего единственного и истинного хозяина, в тот миг настоящей силой обладала только огненная дева, От восхищения что испытывал трикстер в одночасье не осталось и следа. Его разум принимал тот неоспоримый факт, что план удался и, более того, Рейвен заслуживала и бурных оваций, и всеобщей любви... Но была и та часть его, что не испытывала ничего кроме черной, неприкрытой, всепоглощающей зависти. Это именно "он" рожден, чтобы править! Пред ним и ни пред кем более все должны пасть на колени! "Он" и никто другой должен вести за собой людей! Это ему не должно быть равных ни среди смертных, ни среди бессмертных во всех девяти мирах!

Локи заслуживал оваций и всеобщей любви не меньше других. А что всякий раз получал в итоге?

Снисходительное отношение, недоверие, пренебрежение... Всякий раз.

Локи стоит посреди толпы огненных великанов и снова ощущает себя всего лишь жалкой тенью, отброшенной лучами чужого триумфа. К своей чести, он никогда не был пешкой. И он смолчал в ответ на едкий выпад муспелы. В конечном итоге, только глупец способен потерять армию из-за каких-то чувств. Куда проще поступиться принципом «око за око» и подбирать слова с осторожностью. По крайней мере, пока они не останутся один на один.

И такой шанс, к великой радости, представился сразу после отданного Рейвен приказа.

Дева без колебаний взяла мужчину за руку и повела за собой вглубь извилистых коридоров, так хорошо изученных им накануне. Она отпустила Локи лишь после того как за их спинами закрылись тяжелые двери тронного зала, в котором они оба, на фоне убранства великаньего логова со стороны выглядели малыми детьми, что по сути лишь играли в беспощадных взрослых богов. Само собой, первым кто нарушил молчание, стала Рейвен.

— Напомни мне, как ты меня назвал? Заносчивая, грубая, носительница хаоса?

— Грубой я тебя не называл. Хотя подмечено верно. Временами ты бываешь просто невыносима. — ответил трикстер без малейшего желания придать своему голосу ответной

игривости.

Ему хотелось чтобы Рейвен злилась. Пусть вспылит! Пусть счастливый день омрачат хотя бы его слова. Пусть знает, что победа не дается легко, а вкус ее скоротечен и бледен. Пусть знает, что блеск славы меркнет также быстро, как сияние звёзд в дождливую ночь.

— И да! Если ты позвала меня за этим, то Я не собираюсь извиняться. План сработал и только по его итогу ты стоишь здесь. Живая.

— Что с тобой, Локи?

— И в руках у тебя столько власти только благодаря моему плану.

— Обычно закатывать сцены и гневаться без причины это мой удел.

Рейвен абсолютно не умела скрывать эмоции, да и вряд ли видела в этом толк. Девушка казалась обеспокоенной и вместе с тем уязвлённой. И всё же Локи отчётливо различал следы внутренней борьбы от того как самоотверженно Рейвен сдерживала порывы гнева когда он пытался задеть её самолюбие. Но неужели всё ради него? Чтобы побеспокоиться о состоянии коварного божества в столь значимый для себя день? Она... жалеет его?

В воспоминаниях муспеле довелось за секунды пройти мрачный, травмирующий и разочаровывающий жизненный путь Локи. Но это не давало ей никакого дозволения испытывать нечто подобное по отношению к законному правителю Асгарда и хранителю Йотунхейма! Это казалось унижительным. Уж лучше ненависть, нежели жалость! Пусть сгорает от желания ударить или вовсе уничтожить его, но Локи никому и никогда не позволит шадить свои чувства.

Только проигравшие нуждаются в прощении и милости!

— Мы здесь чтобы ты закатила сцену? — переспросил он, сардонически приподняв бровь для усиления акцента. — Я-то уж подумал, что ты привела меня в этот не сказать что тесный коридор, чтобы сказать: «Теперь ты мне не нужен, божок!» А затем взять свой сияющий меч и пырнуть меня им. По крайней мере, это в твоём характере куда больше, чем это сочувствующее, так раздражающее меня выражение на твоём лице. Тебе в пору идти и праздновать захват трона со своими людьми. Что ты здесь забыла, раз не собираешься мстить за невинную импровизацию?

Рейвен с минуту пристально смотрела в его изумрудные глаза и ему оставалось лишь догадываться о чём дева думает. Видеть её столь уравновешенной и хладнокровной было непривычно, даже дико. Это выбивало почву из-под ног трикстера и выводило его из состояния равновесия не хуже размашистой пощёчины.

«Ну и что ты скажешь на это, "моя королева"?»

— Ты — мои люди.

Словно отвечая на заданный мысленно, пусть и с ядом, вопрос, произнесла она. Не колеблясь и тысячной доли секунды муспела шагнула навстречу трикстеру, заключила его в крепкие объятия, прижавшись к его широкой груди своей нежной щекой. От неожиданности Локи даже утратил всяческое самообладание, забылся, поддался порыву. Его руки обвили плечи девушки, прижимая ту к себе в ответном проявлении нежности. Со всей искренностью, на которую он только был способен.

— Я здесь благодаря тебе. И я не хочу, чтобы ты чувствовал, что кто-то отнимает принадлежащее тебе по праву рождения.

— Неужто? Собираешься подарить Мидгард мне? — Он отстранился от девы, пальцы правой руки заботливо легли на её подбородок, вынуждая ту поднять взор и удерживать зрительный контакт. — А что на счёт остальных миров? Говоришь так, будто больше не

злисься. Признаться, я удивлён!

— Ещё как злюсь! — возразила она, накрывая руки Локи своими. — Ты и представить себе не можешь, насколько я тебя ненавижу!

— Так просвети меня, Рейвен из Муспельхейма. Насколько?

Муспела обречённо вздохнула, какое-то время собираясь с духом. Словно отыскивая идеальный баланс, выверяя вес каждого слова на воображаемых весах и определяя его ценность, в конце концов, она всё же решилась.

— Также сильно, как и люблю... Угораздило же!

— Да, не повезло тебе. — Выдохнул он, с полуусмешкой склоняясь к девушке и соединяя их уста в чувственном поцелуе. Не преисполненным страсти и жадности, но желанном, трепетном и нежном. И у них вновь был лишь этот миг, лишь они двое во всей бесконечной вселенной...

Движимая любовью, а не жалостью, Рейвен была необычайно внимательна, рассудительна и, что виделось Локи наивностью, альтруистична. Решение признаться ему в своих чувствах далось деве непросто. И то читалось в каждом движении. Но когда слова были произнесены, трикстеру всё представлялось совершенно иначе. Будто предназначенное судьбой, где каждая секунда от самой первой встречи и до этого момента вела именно к этому.

Но если всё так просто... Почему Локи не может вымолвить ни слова в ответ? Что он испытывает по отношению к этому бойкому сильному духом созданию? Привязанность? Влечение? Любовь?

К великому счастью, Рейвен не требовала от него сиюминутных исповедей в чувствах, принятия сложных решений или жертв. Казалось, ей достаточно было самой излучать свет, не прося ничего взамен кроме преданности, на которую йотун был едва-едва способен.

«Моя прекрасная *огненная королева*, разве ты не допускаешь мысли, что я погублю тебя? Ведь если доверчивость — главное свойство глупцов, то любовь — это величайшая слабость для всех без исключения...»

Насколько тонка грань между справедливым правлением и безжалостной тиранией? И возможно ли, отняв власть силой, сменить кровавую корону тирана на терновый венец созидателя? Стать кем-то иным, кем-то совершенно новым?

Трон Муспельхейма никогда не знал никого кроме Суртура. Чёрного короля, упоминание имени которого у каждого невольно вызывало страх перед пророчеством о Конце Всего, конце Асгарда как минимум... За тысячи лет его правления, после первого Рагнарока, Муспельхейм прозябал в неизвестности, его технологии устарели, а врата меж мирами были надёжно запечатаны чарами, разрушить которые было под силу лишь истинному правителю. И отчасти Рейвен не была уверена, стоит ли открывать их именно сейчас, когда наспех сколоченная армия, пусть и в полной боевой готовности, едва-едва успела перейти под новое командование. Справится ли муспела? Сможет ли возглавить целый народ? Всю свою жизнь она едва могла совладать с собой, а сейчас деве предстояло не только вторгнуться в чужой мир, но и завоевать его. И, казалось, только Локи никогда не испытывал даже тени сомнения в последовавшие после коронации дни. Коронации, после которой им почти не удавалось уличить момент, чтобы обменяться парой фраз, не говоря уже о более длительном и личном разговоре. Локи был полностью занят организацией полномасштабного вторжения, со всей серьёзностью подходя к отведённой ему роли главнокомандующего армией. С неохотой, но генералы каждого из гарнизонов внимали его приказам и вместе выработывали стратегию ведения боя: не только в ключевом городе, нападением на который Локи и Рейвен будут руководить непосредственно, но и на все прочие мегаполисы и столицы мира. Всего мира...

Что до Рейвен, она все дни гордо восседала на троне, командуя внутренним распорядком и снабжением войск первоклассной броней и оружием. Ей не приходилось вмешиваться в процесс подготовки и дева, с неохотой и нежеланием, на несколько часов в день погружалась в поглощённые ею воспоминания Сурта. Тогда на площади тысячи лет его жизни обрушились на плохо подготовленный разум за секунды, самопроизвольно обратившись в разобранный пазл, состоящий из десятков миллионов деталей. И хотела Рейвен того или нет, чтобы достойно править и не повторять ошибок отца, она обязана объединить разрозненные кусочки в цельную картину. Но также, помимо всего прочего, в воспоминаниях ей необходимо было обнаружить ключ к разгадке тайны местонахождения второго воплощения Суртура. Где-то за пределами Мюркvida половина его сердца билась в созданном магией теле, на голове которой ждала своего нового хозяина настоящая огненная корона. О силе её и говорилось в пророчестве о Конце Асгарда.

Непозволительно, чтобы подобный артефакт пылился без дела!

«Чем дальше я иду по избранному пути, тем больше возникает вопросов... — мысленно рассуждала дева, откинувшись на спинку трона и подперев правым кулаком подбородок. — Как так выходит?»

Огненная дева со скучающим видом разглядывала рогатую корону, что лежала у подножия трона подле её ног. Был ли хоть какой-то смысл надевать вещь, принимая гостей из дальних городов Муспельхейма, если та не обладала необходимой мощью и, по сути своей, являлась простым атрибутом новых обязанностей? Впрочем, секрет золотой короны был известен только ей. Локи, к его чести, не задавал Рейвен вопросов об увиденном в

воспоминаниях Сурта.

В день же перед обозначенным наступлением, в голову огненной девы всё же закралось смутное сомнение, будто трикстер чрезмерно увлечен подготовкой наступления и не пытается что-либо выведать лишь по одной простой причине — он всячески избегает её общества. И то, видят боги, действительно было свойственно его изменчивой натуре. Стоило им сблизиться, как Локи спешил сменить заданный курс отношений, пусть даже желал их сам и сам делал первый шаг навстречу. Пусть это только распаляло интерес увлеченной его личностью Рейвен, подобное также не могло не выбивать из колеи. Ведь дева буквально кидала к его ногам целый мир, откладывая личную вендетту Одину на необозначенный срок. И вместо повторения разработанной стратегии, все её мысли были заняты не войной, а каким-то йотуном. Подумать только!

Вторя заключениям внутреннего голоса, муспела фыркнула и тут же раздражённо отпихнула корону в сторону. Та покатила по ступенькам вниз, звеня при каждом соприкосновении с острыми каменными гранями, и приземлилась у ног появившегося буквально из ниоткуда йотуна.

— Ваше высочество. — с легким сарказмом в голосе, поприветствовал он и, заведя левую руку за спину, отвесил не неглубокий поклон. — Что же ты так разбрасываешься властью? Вдруг кто-нибудь увидит и примет это за оскорбление? Учитывая шаткое положение полукровки, они сделают это с радостью, я полагаю.

— Они могут с радостью принять мой меч у себя в груди. — зло парировала Рейвен, поднимаясь на ноги. Всем своим существом она жаждала задать те вопросы, что не давали ей покоя вот уже шесть дней. Но непомерная гордость не позволяла даже удостоить Локи приветствием. Дева спустилась вниз по ступеням, одновременно с этим сбрасывая облик огненного великана, чтобы подойти к йотуну на расстояние вытянутой руки в более привычной взору человеческой шкуре. — И какими же судьбами ты снова в замке?

— Уж не для того чтобы сообщить о готовности войск. — Локи почти подмигнул, одарив Рейвен полуулыбкой, и добавил, заведя руки за спину. — Об этом тебе известно и без меня.

— Тогда что?

— Вспомнил о кое-какой проблеме. Я бы даже сказал, маленьком нюансе. Видишь ли, здесь среди света и огня было очень легко обмануться безопасностью и кое о чем забыть. Но вот на Земле... — Локи хмыкнул, косясь на огненную деву с опаской, несколько наигранной. — Я говорю о Тени и нашем с ним маленьком договоре. А заключался он в том, что я добываю ему тессеракт создателей, или что-то, что им называлось. А он в обмен находит способ подчинить армию Муспельхейма и... убивает тебя.

— Ясно. — Она, с издевкой отражая позу принятую трикстером, надменно вскинула бровь и несколько раз коротко кивнула, с нескрываемой злостью поджав губы.

— Ясно? Это всё... что ты скажешь?

— Ну, да. — подняв брови, ответила Рейвен. С каждым новым предложением спокойствие и равнодушие покидало её голос, предавая ему почти демонически гневный окрас. — Что я ещё должна ответить на подобное? Вообще-то очень хороший план, Локи? Спасибо что хоть предупредил?! — Она обреченно вздохнула, сверля йотуна взглядом, однако не собиралась дожидаться последовавшей за словами ответной реакции. Подчиняясь нарастающей волне гнева, Рейвен мысленно возвала к огненному мечу и тот постепенно начал проявляться в её руках. — Ладно, это всё дело прошлое. Верно? А вот что меня

действительно интересуется... готов ли к войне ты?

Дева взмахнула мечом, атакуя трикстера с фронта. Достаточно медленно, чтобы Локи успел среагировать и отвести пылающее лезвие в сторону от своей головы, но достаточно стремительно, чтобы по инерции вновь занести оружие вверх для удара. В обеих руках Локи сверкнула безупречная сталь кинжалов. Он скрестил их, успешно отражая внезапную атаку и вместе с тем пятясь на несколько шагов назад. Йотун вскинул кинжалы перед собой, удерживая рукояти большими пальцами в примирительном жесте.

— В свою защиту скажу, что этот договор был заключен задолго до того как я узнал тебя лучше и... — он обвёл помещение виноватым взглядом, в конце вернув его к напряжённому лицу Рейвен. — ...всего этого.

— И что? — Дева закинула двуручный меч на плечо, неспешно сокращая расстояние между ними. Неоднозначность их взаимоотношений, публичные казни, груз правления, чувство неотвратимости грядущего... всё слилось в единую эмоцию — гнев. И тот требовал сиюминутного выхода. — «Давай не будем ссориться»? Мы и не ссоримся, Локи. Это так, лёгкая разминка перед большой войной. Так что будь добр, подойди, чтобы я могла надрать твой хитровымученный зад!

— Как скажете, моя королева! — Вопреки ожиданиям, внезапно согласился Локи. Он послушно, что было на него совершенно не похоже, сократил дистанцию и приготовился отражать новый удар. Но когда Рейвен взмахнула мечом, его уже не было на месте. Мастер иллюзий оказался за спиной девы, лезвие одного из его кинжалов упиралось в её спину, под острым углом очерчивая корсет рёбер. Локи не терял времени и не играл в благородство, предоставляя муспеле возможность отыгаться, продолжить освобождение от эмоций. Его длинные бледные пальцы обвили предплечье Рейвен, скользнули вверх по плечу и вот трикстер уже прижимал её к себе, рука стала ловушкой для обнаженного горла, в то время как вторая, сжимающая кинжал, оставалась неподвижна. Острый подбородок мужчины упокоился на её плече и, прижавшись своей щекой к её, Локи произнёс:

— О, как же ты прекрасна в гневе! — Он с явным упоением вдохнул аромат её густых тёмных волос. Кинжал, грозивший вонзиться в сердце, растворился в воздухе, а освободившаяся рука мужчины обвила талию Рейвен. Играл ли он? Манипулировал ли? Кажется, в тот момент Рейвен абсолютно перестала задаваться какими-либо вопросами. Тепло его дыхания на её шее, близость его тела и столь приятный слуху голос в непосредственной близости заставляли сердце юной огненной девы трепетать. И оно было готово выскочить из груди, когда Локи развернул девушку к себе лицом и продолжил говорить с большей заботой. — Но сражаться в гневе губительно, глупо и опрометчиво. И еще более опрометчиво делать это накануне битвы.

«Это не честно? Я хочу злиться на тебя, но не могу! Как перестать чувствовать всё это? Почему я не могу себя контролировать, если раньше это не было сложно?»

— Ненавижу тебя. — Собрав всю имеющуюся на тот момент волю в кулак, сквозь зубы процедила муспела, однако не спешила освобождаться от его рук на своих плечах.

В ответ Локи лишь самодовольно ухмыльнулся:

— Мне это известно.

Свет полуденного солнца Мидгарда, что должно было воссиять над их головами, казался чужеродно холодным и тусклым в сравнении с палящими лучами солнц Муспельхейма. И от того свечение распахнутых врат терзало неподготовленный взор с приумноженным усердием. Стройные ряды гарнизонов армии муспел с грозным величием маршировали вдоль улиц уже сталкивающегося с силами из иного мира Нью-Йорка. Медленно, но верно заполняя центр города, они ожидали первого приказа. Два гарнизона среди прочих брали башню Старка в осаду, на крыше которой вот-вот должны были появиться главнокомандующий и королева в лице Локи и Рейвен.

Но то было лишь начало, второй акт затянувшегося на мучительные недели спектакля. Используя бреши в ткани мироздания и всё те же потаенные тропы, бессмертные генералы из числа проклятых, вели побочные войска в атаку на каждую из мировых столиц, лишая Мстителей возможности полноценной обороны.

«Прославленные защитники Земли? Как же! Что скажут возлюбившие вас, когда увидят, что из всех мест на планете вы спасаете только свой дом?»

За спиной огненной девы и йотуна появился и исчез открытый мечом портал. Они оба наконец оказались там, где началась история Локи. На высоком пьедестале, откуда каждый из них сможет лицезреть страх и разрушение, триумф безоговорочной победы и, что не менее важно, окончательной и бесповоротной сдачи планеты с последующим признанием новой власти. Единой для каждого из континентов!

— Готовь взять *ревани*? — с воодушевлением спросила Рейвен, подойдя к самому краю платформы башни Старка и глядя как её войска проникают в здание, захватывая и уничтожая всё на своём пути.

— Не просто к реваншу. К полноценному *возмездию*!

Дева мечтательно закрыла глаза и на устах её заиграла коварная ухмылка, а за спиной в заколдованных ножнах материализовался огненный меч. Она надеялась, что шанс поразмахивать им и снести пару-тройку голов еще не раз представится, однако долг обязывал отсрочить сладостный момент. Рейвен обменялась короткими взглядами с триктером, затем, убедившись, что тот готов следовать плану без внезапных импровизаций, обратила взор к небу и возвала к вратам Мирхейма. Небесную гладь озарило алым светом; то был просто луч, который стремительно возрастал, превращаясь в сферу и в конце обратившись полноценным проходом между мирами. Из него на Землю друг за другом просачивались монструозные летающие замки с вооруженными дальнобойными огненными посохами великанами — планетарные корабли Муспельхейма, служившие основной огневой мощью, своеобразной авиацией огненного мира. Пусть и беззаветно устаревшей в сравнении с кораблями всех прочих миров, но от того не менее грозной и разрушительной.

Едва новый портал успел исчезнуть, в сторону Рейвен прилетело несколько стрел, выпущенных из блочного лука с противоположного нижестоящего небоскрёба. Локи успешно отразил каждую из них с помощью жезла и нечеловеческой реакции, а после промолвил с так свойственным ему высокомерием:

— Началось.

И прежде чем Рейвен успела поблагодарить союзника или ответить ему, в дело вмешался подоспевший к началу второго акта Тони Старк.

— Что, здесь какая-то вечеринка, а хозяина здания пригласить забыли? — спросил он с толикой токсичной иронии и тут же подлетел ближе, совершенно не опасаясь удара, как будто по улицам внизу не сновали сея хаос инопланетные войска.

— Это так, обзорная экскурсия. — съязвила муспела, напряженно готовясь в любой момент выхватить меч в противовес совершенно расслабленному, довольному трикстеру, который, кажется, вовсе не собирался наносить первый удар.

— Осматриваем свои владения.

— Тогда башня закрыта. Сматывайте свои удочки, детишки, и улепетывайте пока я добрый.

— А я так не думаю. — В руках девы нарастала энергия, излучаемая её излюбленным оружием. Та растекалась по телу и наполняла каждый его атом настоящей силой, что почти мгновенно обратилась в огненный шар, который Рейвен тут же применила к Железному человеку. К сожалению силы удара не хватило чтобы вывести его мужчину из строя, однако отлетевшего на добрые десятки метров в сторону героя подхватил пролетающий мимо корабль муспел. Если он и выберется живым, то ближайшее время будет по-настоящему озадачен сражением.

Дева списала одного из Мстителей со счетов и, обменявшись с Локи ещё одним многозначительным взглядом, поспешила отдать мысленный приказ первому проклятому, который услышит её в пылу сражения:

«Займите лучника на время, но не убивайте его... Он мой!»

— Думаю, он скоро вернётся. — Трикстер перехватил жезл, оглядываясь по сторонам. Очевидно в поисках грома и молний, за которыми неукоснительно появится светловолосый бог, тот, кому принадлежат все те проявления силы. Как только Тор прибудет, йотун вновь скрестит с ним клинки. Без удовольствия, но по необходимости. Его первостепенная задача состояла в том, чтобы занять брата, пока Рейвен одного за другим выводит Величайших героев Земли из строя. Так, чтобы те могли лицезреть падение планеты из первых рядов. То, что они защищают Нью-Йорк, а не какой-либо другой город уже должно было многое поведать об их эгоистичной натуре землянам. А если добавить ко всему прочему еще и громкое падение?..

Таков был их общий план. Пусть в самом начале Рейвен и не желала оставлять никого в живых, но впоследствии согласилась с заманчивым предложением трикстера. По большей части в угоду его страстного желания поглумиться над Мстителем как идеей и над каждым из них в частности.

Ждать схождения Бога грома и молний на грешную землю не пришлось слишком долго. Стоило лишь воинам занять Капитана Америку через квартал от башни и захватить лучника Клинта для ожидания вердикта королевы, Тор тут же покончил с целым отрядом великанов и взлетел на башню. Когда он разразился тирадой в адрес Локи, Рейвен спрыгнула на ближайшую летающую площадку, пожелав союзнику удачи. Она не желала принимать даже косвенное участие в чужой семейной драме и потому смело отправилась на поиск Чёрной вдовы.

Шпионка самоотверженно сражалась с одним из бессмертных воинов из цельной вулканической породы, стараясь удерживать того как можно дальше от здания, в котором, судя по крикам, от иноземного вторжения укрывалась толпа зевак. Рейвен же с любопытством взидала на неравный бой, усевшись на капот одной из пылающих машин. Не вмешиваясь и ничем не выдавая своё присутствие, дева параллельно вспоминала их первую

встречу, затем первую стычку и, наконец, мысли Наташи Романофф. Что было дорого сердцу Чёрной вдовы среди всего, что муспела успела зацепить в её прошлом?

Погрузившись в раздумия, огненная дева не сразу различила среди общего шума гул турбин земного корабля. Она задрала голову вверх, безучастно наблюдая как из небесного замка прямо между Вдовой и её подданным приземляется нечто зелёное, отдалённо напоминающее человека, но вместе с тем сопоставимое по размерам с чистокровной муспелой.

— Ого-о! — Протянула Рейвен, словно маленький ребёнок, получивший самый дорогой подарок на празднике.

— Прости, Нат... Был немного занят на работе. — На секунду вернувшись к человеческой ипостаси, проговорил незваный гость, а после тут же обратно превратился в зелёного монстра и с боевым рыком ринулся на недавнего противника героини.

— Это Халк? — Мгновенно оказавшись по правую руку от Чёрной вдовы и продолжая восторженно наблюдать за сражением, задала вопрос дева. Даже факт того, что в Мидгарде возможно существование кого-то подобного забавлял её. — Я думала он больше. Немного похож на Огра из мультфильма... Как там его?

Рейвен вполоборота развернулась в сторону противницы, она очертила круг воображаемой ручкой в попытках вспомнить, но так и не смогла. Наташе же смерила деву преисполненным холодного презрения взглядом и, сжав в руке одну из электрических дубинок, процедила едва сдерживаясь:

— По-твоему война это развлечение? Игрушки? Невинные люди гибнут прямо сейчас ни за что. Они умирают, потому что тебе вдруг захотелось угодить играющему в бога тирану. Опомнись, Рейвен! Он поиграет тобой, получит желаемое и выбросит как ненужный мусор, если не хуже. Ты пострадаешь ни за что как и все эти люди... — Вдова попыталась дотронуться до плеча муспелы, но вовремя одумалась, поймав на себе тяжелый взгляд временной собеседницы. — Что ещё он внушит тебе сделать? Пойти против близких, против семьи?

Рейвен едва сдерживала смех, глядя на тщетные попытки шпионки применить программирование с помощью психологии на практике. Может однажды это и сработало, но кто говорил, что молния бьёт в одно место дважды? Муспела понимающе кивнула и следом же криво ухмыльнулась.

— Я тебя умоляю! — она заняла боевую стойку, усилием воли заставив меч исчезнуть. — Свою «семью» я прикончила ещё на прошлой неделе. К слову, они были теми еще монстрами... Отец, например, устроил Рагнарок, Так что не за что и заканчивай болтать. — Рейвен перескочила с ноги на ногу, разминаясь. — Второй раунд, поехали.

Агент Романофф благородно отбросила дубинки в сторону, решив промолчать в ответ на неожиданное признание, которое, впрочем, не стоило девушке ровным счётом никаких усилий. Муспела предоставила Вдове право первого удара и тут же об этом пожалела: на сей раз противница была более проворна и быстра. Рейвен тут же прилетел прямой удар в нос и левый хук в челюсть. Не теряя времени, Наташа прибавила фронткик в область живота Рейвен, заставив ту отшатнуться. Однако это превосходство длилось недолго. Набрав разгон длиной в предоставленные шаги, дева воспользовалась увиденным в воспоминаниях Вдовы приёмом и, зацепившись ногами за корпус соперницы, уложила ту на лопатки. Сразу же усевшись на неё верхом, Рейвен давила на Наташу весом облаченного в пурпурную кожаную броню тела, сжимая её голову в надежные тиски из своих тонких пальцев. Она глубоко

выдохнула, виновато поджав губы:

— Кажется я всё-таки подлая дрянь. Не могу сражаться совсем без магии, уж извини. Я правда тебя уважаю, но... хочу чтобы тебе было очень больно. — С этими словами Рейвен закрыла глаза, проникая в воспоминания Чёрной Вдовы. — Давай посмотрим, чем ты дорожишь. Не дергайся или будет больнее. Хорошо?

— *Я не часто это говорю, но спасибо что вмешался и вытащил меня.*

Тусклый свет настольной лампы вытягивал из дымки полутьмы маленькой кухни пригородного дома смутные очертания мужского лица, пока еще не тронутого первыми мимическими морщинами, следствием тяжелой, ответственной и напряжённой работы. Затем взгляд невольно опустился на пульсирующее влажное от крови запястье, пострадавшее в недавней стычке с представителями криминального мира. Клинт молчал, в ответ на искреннюю благодарность он только недовольно хмыкнул и поспешно кивнул. Мужчина осмотрел повреждённое запястье, затем поднялся, ушел в соседнюю комнату и вернулся уже с домашней аптечкой. Лучник сохранял сосредоточенное выражение даже, когда все раны были обработаны и забинтованы. Ещё какое-то время он молча сверлил шпионку взглядом, но стоило ей открыть рот в попытке спросить не подставляет ли она его семью под удар своим присутствием, Бартон заранее предугадывая сказанное выставил ладонь в предупреждающем жесте и наконец заговорил:

— Оставайся здесь сколько нужно. Завтра утром познакомлю тебя с семьёй. Поможешь Лоре с обедом.

— Но...

— Никаких возражений не принимается, Нат. Это тебе наказание, что сразу не позвала меня.

— *Спасибо.*

Когда Рейвен вернулась в реальность, она по-прежнему испытывала пережитые эмоции: безграничную благодарность, смешавшуюся с осторожной мыслью о возможности доверять кому-то больше чем самой себе, нечто тёплое и незнакомое доселе. Огненная дева утёрла наворачивающиеся на глаза слёзы, прикусила нижнюю губу и, взглянув в глаза своего врага, почти готова была признаться — она не желает никому зла. Ей лишь нужно следовать плану, вывести Мстителей из строя. Одного за другим.

— Мне жаль. — Бесстрастно пробормотала Рейвен, возвышаясь над недоумевающей вдовой, во взгляде которой постепенно проявлялось понимание. И по мере сего действия — отчаяние, сокрушительное как самый сильный шторм; неотвратимое, как законы великой вселенной.

— Нет! — Гортанным воем отозвалась Наташа и попыталась подняться, но тяжелый ботинок огненной девы на её груди поумерил пыл шпионки и свёл все потуги к нулю. — Нет!

Дева же закрыла глаза и вновь воззвала мысленным приказом к проклятым, что были крепко с ней связаны. Отделившийся от платформы небесный дредноут подхватил Рейвен и вознёс к небоскрёбу, с которого Соколиный глаз неустанно поливал стрелами сдерживающих его великанов.

— Достаточно! — Рейвен прыгнула с воздушного транспорта, властно подняв ладонь и тут же указывая великанам на Халка, успевшего разорвать нескольких великанов на мелкие

части. И хотя по части проклятых его потуги являлись лишь напрасной тратой времени, остальные заслуги и боевые качества не могли не впечатлять. Когда те немедленно спрыгнули вниз, наконечник стрелы Клинта смотрел прямо промеж глаз муспелы.

— Так это из-за тебя творится всё это безумие? Тебя разве в детстве не учили хорошим манерам? Например, что вторгаться на чужую планету не хорошо и за это можно знатно отхватить?

— Мой отец был монстром, а мать мертва. Некому было учить.

— Сожалею, конечно. — Тетива почти вибрировала от напряжения. Секунды, Клинт намеренно выпустил стрелу левее того места, где стояла огненная дева. — Но это еще не повод.

Всё еще переживая опыт Наташи Романофф и, что было несколько более странным, без помощи единения проникаясь к постороннему человеку симпатией, Рейвен с тяжелым сердцем надвигалась на него. Дева обнажила огненный меч, выставила его вперед и без тени злорадства посторила:

— Мне правда жаль.

— У тебя меч? Ух ты! — Он вложил очередную стрелу наизготовку, но на сей раз не торопился пускать её. — А у меня лук да стрелы. Может, поменяемся или уж на худой конец остановим весь этот кошмар, сядем и поговорим как цивилизованные люди?

Меч в руках муспелы сверкнул, разрезая пространство. Она шагнула во тьму космоса и исчезла. Всего на мгновение, пока «шов» не затянулся. Вынырнула Рейвен уже в непосредственной близости от Соколиного глаза. Она, спрятав оружие в магический карман, обрушила град из прямых и боковых ударов на голову и корпус мужчины. Так они сошлись в неравном поединке, заведомо проигранном защитником Земли, который с каждым новым парированием лишь приближался к краю и вскоре достиг его. Тогда Рейвен ударила его в область печени с силой подлинного великана и капкан захлопнулся. Клинт в конечном итоге пал со здания высотой в сотню этажей.

Она обернулась на глухой вопль ужаса, прерываемые тяжелыми вздохами и почти животным рыком. Даже не видя издающего эти звуки человека, муспела могла с точностью определить, то была Чёрная вдова. Шпионка всей душой жаждала успеть помочь близкому другу, но явно не рассчитала сил и не смогла прорваться сквозь оцепление у фасада небоскреба. Всё что ей оставалось в итоге это пасть на колени и, сжимая кулаки, с ненавистью смотреть на убийцу. Рейвен чувствовала, как воздух вокруг агента буквально накаляется от жара, исходящего её измотанным дорогой и сражением тела. Наташа собиралась с силами для яростного рывка. Гнев затуманил её разум и постепенно делал до смехотворного предсказуемым каждый еще не совершенный шаг.

— Локи хотел, чтобы вы не просто пали, но и прошли через все стадии унижения. Включая неспособность защитить свой дом. — В руке девы концентрировалась и нарастала энергия, трансформируясь в пылающую сферу. — Я более сентиментальна, не могу оставить тебя страдать. — Она возвела руку и метнула пламенный шар в сторону обессиленной Вдовы. Однако он так и не достиг цели: спрыгнув с подбитого вражеского дредноута, Капитан Америка закрыл шпионку звездно-полосатым щитом.

— Когда я приглашал тебя в кино, я не имел ввиду боевик с настолько реалистичными спецэффектами!

— Тоже пришел читать нравоучения? — Рейвен взрастила и метнула в сторону противника ещё одну сферу, заранее зная, те бесполезны против щита из вибриума. И всё-

таки нужно было как-то расставить акценты и заодно обозначить текущий статус их положений.

— Сомневаюсь, что тебя ещё можно спасти.

Муспела было открыла рот дабы выпалить остроту о «тёмной стороне», однако остановилась так и не начав. Голос проклятого воина прервал волнительный момент:

«Моя королева! — взывал рядовой воин. — Главнокомандующему требуется ваша помощь!»

«Где он?! — Рейвен подошла к краю, с которого ещё недавно пал Соколиный глаз и без опаски сама шагнула вниз. — Дредноут, сейчас же!»

— Рада была увидеться, но у меня появились дела. Но я не оставлю вас скучать...
Абигор, Аластор!

Пролетающая структурная единица небесной площадки подхватила деву, одновременно с этим с неё сошло двое каменных великанов.

Рейвен тут же скомандовала облететь квартал в поисках йотуна, но взгляд не цеплял его силуэта ни на одной из открытых площадок небоскребов. Её тревога нарастала по мере отдаления от центра мест сражения, а голос сообщивший мрачную весть боле не врывается в сознание, заставляя пылкое сердцебиение то ускоряться, то напротив пропускать удары.

«Я нашёл его! — спустя кажется целую вечность, отозвался воин. — У снесённого горящего здания, моя королева!»

И не задаваясь вопросом как рядовой проклятый смог пробить барьер и воспользоваться магической связью с кем-то столь могущественным как Королева Огненных великанов, Рейвен незамедлительно проследовала к обозначенному месту. Там, среди руин, перепачканный кровью и почти полностью покрытый пылью со смесью черной сажи, Локи лежал в полусознании. Мужчина зажимал зияющую дыру в боку и, тяжело дыша, хрипел. Он шептал её имя.

Муспела тут же бросилась на помощь йотуну, словно обезумевшая голыми руками разгребая камни и отряхивая с мужчины пыль. Это не могло быть! Не могло случиться на самом деле! С кем угодно, но только не с хитрым богом, продумывающим всё на много ходов вперёд!

«Нет, ты не посмеешь умереть! Я развязала войну ради тебя!»

Она помогла ему сесть, аккуратно, словно он был соткан из хрустальных нитей едва касающихся друг друга, придерживала его за спину.

— В этот раз Тор и правда был настроен серьезно... — прокряхтел Локи, откашливая кровь. Его холодный тускнеющий взор был обращён к её лицу. Мужчина коснулся подбородка Рейвен окровавленной рукой и хмыкнул

— Я рад, что ты здесь.

— Не разговаривай. Дай... дай мне осмотреть твою рану, прошу. Пожалуйста, Локи!

— Это было легче, чем я думал. Стоило поманить пальцем и вот ты уже здесь. — мужчина расхохотался, внезапно обретя твёрдость в голосе, ставшем низким, почти потусторонним. Иллюзия Локи злорадствовала и хохотала в перерывах между предложениями. — Не находишь себе места, мечешься как одержимая. И ради чего... кого? — Рейвен попыталась встать, но неожиданно сильный Ёкай обвил её запястье расплывающейся в тёмной дымке полущупальцей-полурукой. — Ничтожества, что не способен сдержать данное слово? Вот я своё слово сдержать намерен. — Свободной рукой Ёкай столь молниеносно, что его движение расплылось, проник под корсет плаща-доспеха,

ломающая встреченное препятствие в виде рёбер и сжал сердце муспелы в кулак, пытаясь вытащить оное из грудины и с наслаждением распылить на глазах жертвы. — Не в награду, но в качестве урока.

Рейвен не могла дышать, оставшийся в легких воздух отравил яд созданной Эльфами Тени, сознание медленно покидало девушку когда в руках возникла пламенная сфера, взывая к воспоминаниям об учении отца:

Тени уязвимы в своём физическом воплощении. Но более всего — долгое время находясь на свету.

Собрав несчастные крупинки оставшихся сил, муспела скормила пламя Ёкаю в надежде освободиться от его хватки. На её счастье маленькой сферы чистого света оказалось достаточно, чтобы существо не просто исчезло на время, но и прекратило своё существование вовсе. Всё что от него осталось — причиненная боль и три сломанных ребра, впивающихся в самую уязвимую точку в теле.

Рейвен сползла вниз по камням, завалившись на спину. Какое-то время она наблюдала за тем, как монструозные корабли лавируют меж небоскрёбами, а чистое безоблачное небо застилает плотное одеяло черного дыма, что оставлял за собой металлический привкус на языке. Или это была кровь? Огненная дева попыталась пошевелить языком, чтобы проверить. Не вышло.

С каждой секундой веки становились всё более тяжелыми и по мере этого очертания мира теряли безупречную чёткость, становясь такими же туманными и спутанными как мысли в голове Рейвен. Она закрыла глаза, упокоив руки подле открытой раны, и неслышно спросила себя:

— Неужели это конец? Какая бесславная смерть!..

Тор — бравый воин, гордость Асгарда, всё никак не мог угомониться. Он искал битвы и повода для неё также рьяно, как и избегал сей. Громовержец возвёл руки к небу, демонстрируя грозящую уничтожением мощь Мьельнира, и всё же начал избитый, раз за разом повторяющийся монолог:

— Мать отпустила тебя, потому что верила, что ты способен измениться.

Тор в предупреждающем жесте указал на трикстера, от слов постепенно переходя к действию, к решительному наступлению. А Локи меж тем не мог прийти к единому умозаключению: пробуждали ли слова громовержца в нём скуку или всё же раздражение. Неужто сыну Одина до сих пор не претит однообразие их встреч? Наивный, глупый уволень пытается вздумать его, но всякий раз так глупо упускает истинную суть!

— Ты так и не понял, Тор Одинсон, могучий мститель? Я уже изменился! Ты и твоё непомерное эго поспособствовали этому.

— Сколько ещё раз мне просить тебя, брат?

— Я тебе не брат!

— Будь по-твоему. Тогда и сражаться я буду с тобой не как с братом, но как с врагом.

И они сошлись в поединке, единственной целью которого являлось отвлечение Тора от основных сил армии Муспельхейма. Рейвен требовалось время для исполнения возложенной на неё миссии. И он, коварный бог, мастер иллюзий и мистификации, был готов предоставить то в полной мере. Всё планировалась на протяжении семи дней, но окончательно решилось лишь в ночь перед наступлением. Будучи окруженными огненными великанами, Рейвен и Локи не опасались нападения с тыла или появления Ёкая. Каждый из них мог сосредоточиться на виртуозной реализации задуманного. Пусть сражение с возмущенным до глубины души Тором и не проходило с былой лёгкостью и Локи то и дело приходилось уворачиваться от летящих в его сторону молний. Игра стоила каждой зажженной и догоревшей свечи.

Единственное о чём можно было жалеть — невозможность приблизиться к Тору на расстояние достаточное для удара кинжалом. По старой памяти, но на новом месте для свежего шрама. Трикстер не понимал до конца, желает ли он смерти брату своему закланному противнику или лучшим выходом всё же будет оставить его в живых, чтобы Одинсон беспомощно наблюдал за тем, как возлюбленный им мир с новой силой горит в огне. Как тот будет уничтожен, коли откажется признать нового правителя и пасть на колени.

Долго ли длилось их противостояние, Локи не смел и предположить. Трикстер только и успел, что заметить как оживлённые улицы центра города накрыло одеяло из дыма и витающего в воздухе пепла. Часть зданий обуглилась и разваливалась почти на глазах, одно и вовсе было разрушено до основания то ли разъярённым Халком, то ли одним из летающих боевых замков муспел. Люди же либо бежали прочь от очагов возгорания и взрывов, либо прятались в пока еще целых зданиях. И в том и другом случае они уповали на чудо. Ждали спасения, которое стараниями Рейвен не приходило.

Тони Старку пришлось едва ли не прогрызть себе дорогу на свободу: магнитное поле одной из летающих площадок не позволяло ему покинуть импровизированную орбиту, вынудив сражаться с каждым великаном, что позарится на сверкающую алым и золотым броню. Халк без конца подвергался атакам самовосстанавливающихся вулканических

великанов, а судя по женским крикам, шпионка Романофф утратила человека, у которого «была в долгу». Итак, Клинт уничтожен, Вдова выведена из строя, Халк и Тор заняты, а летающая крепость Щ.И.Т. а бесполезно патрулирует округи с целью найти и эвакуировать как можно больше людей. На сей раз земляне были готовы не многим лучше, чем почти год назад, когда Локи прибыл во главе армии Читаури, любезно предоставленной безликим титаном, чей голос почти невозможно забыть.

Оставался великий герой эпохи второй мировой — Капитан Америка. Ради того чтобы выяснить где же пропадает ходячее воплощение мужества и благородства, Локи даже почти пропустил удар молотом, а затем тут же вскочив на пролетающий неподалёку дредноут, оставил битву на крыше небоскрёба Старка. Тор был вынужден преследовать его, посылая в адрес трикстера проклятия вперемешку с бесполезными попытками «образумиться».

— Не так быстро, Локи!

— А вот и brave капитан! — Разворачиваясь на пятках, вместо приветствия изрёк Локи. Он уже готов был взять реванш в сражении и с ним, когда горизонт озарила ярко-алая вспышка, моментально растворившаяся чернильными лоскутами, зависающими в воздухе. Сотканые из эфемерной материи, лоскуты таяли как снежинки на ветровом стекле и только после исчезали без следа. Окончательно оставив после себя смутное ощущение чего-то слишком хорошо знакомого и виденного множество раз.

«Ёкай? — трикстер нахмурился, с любопытством разглядывая столб чёрного дыма, теперь уже оставшегося от простого огня. — Он не настолько глуп, чтобы сунуться в огненным великанам. Невозможно!»

Тем не менее, подсознание настойчиво сигнализировало об обратном. И йотуну ничего не оставалось кроме как прислушаться к тихому шепоту интуиции. В его руках возник и тут же исчез тессеракт, сверкающий луч которого отправил Стива Роджерса в соседний квартал. Даже прославленный щит, поглощающий вибрации, не справился с направленной мощью древнего артефакта. Тем хуже для назойливого мстителя и лучше для Локи! Если Тень рискнул объявиться среди белого дня и более того — в окружении муспел — добра ждать не стоило. Зная о его манере подслушивать, он даже не рисковал предположить что узнавший о непредвиденной смене маршрута непредсказуемое творение Тёмных Эльфов может предпринять в ответ. Локи поспешил к месту мимолётной вспышки, ощущая непривычную противную его натуре тревогу.

В пути краем глаза трикстер также подмечал как проклятые — вулканические изваяния — теряют жизнеспособность, застывая от центра к округе, словно выстроенный из домино лабиринт. Обычные же великаны продолжали наступление, упиваясь кровавой жатвой, не обращая своего бесценного внимания ни на что и ни на кого кроме потенциальных жертв. Будь то несчастные здания или молящие о пощаде земляне.

— Этого не может быть... — Увидев её, Локи незамедлительно бросился к руинам. Мужчина склонился над Рейвен, его ладони лихорадочно тряслись, однако касаться девушки он так и не рискнул, Застыл, не способный в полной мере осознать реальность происходящего. Как такое могло случиться с ней, со столь отважной и яростной воительницей? Локи сделал над собой усилие, приподнимая успевшие приклеиться к коже окровавленные лоскуты её кожаной брони. Всё выглядело плохо. Слишком плохо даже с точки зрения обладающего магией и в совершенстве владеющего исцеляющими заклинаниями. Как раз теми, от которых отнекивался всякий раз стоило Фригге увести обучение иллюзиям в сторону.

— Выглядит скверно, да? — Прохрипела Рейвен, открыв глаза едва ощутила его присутствие. Она кашляла кровью всякий раз как напрягала голосовые связки и пробитые её же рёбрами лёгкие. — Твой приятель сломал мне рёбра... я отправила его к праотцам.

Локи осторожно упокоил голову девушки на своих коленях, его взгляд без конца метался от безмятежного излишне бледного лица муспелы к зияющей дыре в её грудной клетке. И всё о чём он мог думать — это не должно было случиться с ней.

Он, изучивший множество дисциплин и наук, всегда сохраняющий самообладание даже при самом худшем из раскладов, придумывающий грандиозные схемы манипуляций и способный выкрутиться из любой передраги, впервые в жизни не знал что делать. Его вгоняла в бешенство мысль о своей косвенной причастности к произошедшему. Пусть вина и не терзала, не рвала его душу на части, Локи был совершенно растерян. Что сказать ей? Что сделать, чтобы Рейвен осталась с ним? Он впустил эту полностью иррациональную, вспыльчивую, заносчивую, наивную муспелу в свою жизнь и провёл с ней достаточно времени, чтобы воспринимать её присутствие как должное. И за все дни после сближения, за каждый проведенный вместе момент трикстер ни разу не допускал даже мысли о том, что будет, если Рейвен исчезнет также стремительно как и ворвалась в его бытие. Она просто **не могла** исчезнуть!

Когда Локи сжимал её окровавленную ладонь, держа свободную руку на холодном бледном лбу в попытке хоть как-то согреть девушку, он внезапно поймал себя на мысли, что не способен вспомнить ни одного так раздражающего его момента. Всё, от первой встречи и до первой ссоры казалось чем-то обыденным, со всей серьёзностью необходимым и закономерным. Он сжимал её пальцы, и в памяти всплывала лишь та ночь после коронации, её излишне крепкие объятия и признание, для которого Рейвен потребовалась героическая смелость.

Я люблю тебя.

Ты — мои люди.

Слова, на которые смелости не хватило ему. Он не признался по ведомой лишь древним богам причине, отчаянно отсрочивая неизбежное и отказываясь соглашаться с тем, что кто-то может быть настолько близок к нему.

— Всё не может так закончиться! — Приглушенным потерянным воем процедил сквозь зубы Локи. Он подтянул девушку, пребывающую в полусознательном состоянии, выше. Теперь одна его рука обвивала её за плечи, второй же он продолжал согревать лоб Рейвен, прижав к нему еще и подбородок, будто это было способно возыметь чудодейственный эффект.

— Мы должны вернуть тебя в твой мир, где ты сможешь исцелиться.

Он не видел, а скорее чувствовал как еще недавно погруженный в огонь мир затих — где-то в милях от центра Нью-Йорка муспелы продолжали вести наступление, но увидев как преданная королеве армия обратилась в неподвижные вечные статуи в ожидании силы правителя что была способна напитать их жизнью, значительно сбавили темп. Что позволило Мстителям освободиться от сражений на периферии и, вычислив местоположение Локи, взять его в круговую осаду, постепенно сжимая кольцо оцепления.

— Боюсь слишком поздно... — Не открывая глаз, прокашляла дева. Она предприняла попытку подняться чтобы взглянуть в лица недавних врагов, с которыми с упоением вела сражение. Но Локи не позволил ей пошевелиться, опасаясь что сломанное ребро лишь слегка задевающее сердце, вонзится в него и лишит его единственного шанса достойно

попрощаться. — У меня нет шансов. А если останешься, у тебя его тоже не будет. Они его больше не дадут... Не после всего, что мы успели натворить.

— Нет. — Пальцы до боли в костяшках сжали плечо Рейвен, но дева даже не изменилась в лице, очевидно уже почти ничего не чувствуя. От осознания скорого бесславного конца на тускнеющих глазах девы навернулись слёзы, впрочем, она поспешила смахнуть их окровавленной рукой. Печаль, исказившая нежные черты её лица скрылась под красной маской, что будто придала Рейвен сил для последнего рывка.

— Прости... меня. — Подле девы материализовался призванный огненный меч, она с большим усилием сцепила пальцы вокруг рукояти и рука с орудием взметнулась вверх, рассекая полотно реальности. И по ту сторону трещины мерцали золотом слишком хорошо знакомые стены центральной темницы, с которой начался этот путь. — Это единственный способ. Так хотя ты будешь жить.

Мужчина не успел ни возразить, ни отыскать в себе мужества произнести те слова, что так жаждала услышать Рейвен. Он не сумел даже попрощаться! Портал втянул его в хорошо знакомый, почти родной Асгард, который, впрочем, никогда не был его домом. Локи обнаружил себя сидящим на полу подле бывшей камеры, отрешенно взирающим в пустоту в недоумении и вместе с тем ярости. Стража в золочённых доспехах мгновенно окружила его и трикстер вновь оказался закован в цепи в ожидании приговора, который вынесет никто иной как Один Всеотец.

Так неужели путь, который трикстер проделал, оказался просто пустой тратой времени? Он страстно, отчаянно желала обрести власть, всеобщую любовь и некогда утраченное величие. Но в итоге лишь всё потерял. Всё что ему оставалось, это задаваться вопросом стоило ли оно того. Стоила ли погоня за властью потери кого-то настолько близкого, что его отсутствие отзывается почти физической болью?

«Ну уж нет! Я не позволю пропасть всем своим стараниям! — Силой его воли и скованных цепями руках материализовался тессеракт, хозяином которого Локи оставался и по сей момент, после поражения. — Я был рожден править, а не подчиняться. Никто не посмеет решать за меня как и когда закончится эта битва!»

Ледяной вихрь столпом магии вырвался на свободу, замораживая плоть и уничтожая любую неорганическую преграду на своём пути. Становясь невольными свидетелями очередного побега хитроумного трикстера, что к моменту полного оледенения залы успел сбросить оковы и направлялся к выходу, асгардцы в золоченых доспехах могли лишь уповать на милость Одина, который наверняка стараниями Хеймдалля вскоре будет осведомлён о возвращении «блудного сына». Но то лишь их надежды и беды. Что до самого Локи, его волновало исключительно скорейшее возвращение в Муспельхейм. Для этого требовалось проникнуть в сады дворца и найти одну из потаённых троп, которыми мужчина пользовался в былые, более простые, времена. Он должен был вернуться! Даже если риск не оправдается, а пройденный путь окажется напрасным, потому что Рейвен не окажется в единственном месте, где она могла бы восстановиться, он обязан попытаться.

Но едва он успел добраться до холла на первом этаже близ выхода из темниц, дорогу преградил появившийся из ниоткуда Тор. Почти неосознанно Локи прикидывал варианты, как миновать нового неравного боя с громовержцем, вместе с тем раздумывал, каким путём Тор вернулся в Асгард раз так быстро смог обнаружить «брата». Всевидящий Хеймдалл открыл Тору проход через мост и направил по встречному пути или Тор рискнул броситься в портал следом за трикстером? Впрочем, любой из вариантов вёл его к неизбежности нового столкновения.

— И что теперь? — коварно, с примесью горечи, ухмыльнулся Локи. Он не обнажал скрытых в складках плаща-доспеха клинков, однако осмелился развернуться к Тору вполоборота.

— Вернись в темницу, Локи. И никто больше не пострадает.

— Ох, Тор... Ты тратишь моё время. Лучше уйди с дороги, я спешу.

— Неужто печешься о муспеле? — В голосе Тора промелькнуло удивление, на миг он даже ослабил хватку вокруг рукояти молота. Однако напряженные мышцы его и выражение лица говорили о готовности к худшему из развитий. — Бой на Земле окончен. Нет её больше, Локи. Окаменела и растаяла в воздухе.

— Мне до этого нет никакого дела. — Солгал он, вниз по рукаву трикстера из магического кармана медленно сползал коварный кинжал. Сердце предательски отяжелело, но тем не менее отступить и отречься от задуманного йотун был не намерен. Он задумал попасть в Муспельхейм чтобы лично убедиться в сказанном Тором, значит он сделает это. — В любом случае, в темницу я больше не вернусь!

— Вернёшься, еще как! Я тебя заставлю.

— Интересно, как? — Локи завёл руки за спину, с каждым законченным им предложением в голосе проявлялся всё больший гнев. Тот нарастал до тех пор, пока вышедший из себя йотун не перешел на крик. — Убьёшь меня?! Поразишь молнией, Могучий Тор?! Так давай! Я готов, всецело...

Локи приблизился к названному брату на расстояние вытянутой руки.

Я здесь благодаря тебе. И я не позволю, чтобы ты чувствовал будто кто-то отнимает принадлежащее тебе по праву.

На расстояние, которого на сей раз хватит для нанесения удара. Но всё же трикстер медлил, ожидая ответа. Ни с чем несравнимая реакция Тора взывала к давно забытым чувствам братской преданности: удивление, сочувствие, печаль...

— Уж и забыл, что ты способен на это. — Участливо произнес Тор.

— Способен на что? Проигрывать? — мужчина зло сощурился, поглаживая большими пальцами рукоять кинжала, который по-прежнему держал за спиной. — Ах да! Ведь одерживать победу за победой и хвастать ими, выкатив грудь колесом, твой удел. Я и забыл!

— Думать о ком-то кроме себя. Значит, мать всё же была права, и в тебе ещё осталось хоть что-то человеческое.

Эмоции вот-вот грозили разорвать маску безразличия на бледном лице коварного бога, сквозь от секунды к секунде проявляющиеся на ней трещины просачивалась нарастающая от осознания горечь утраты, чувство неизбежной беспомощности и признание причастности к случившемуся.

Ты — мои люди.

На мгновение лицо его исказила гримаса боли, но Локи умерил злосчастный порыв. Уголки его тонких напряженных губ поползли вверх, в глазах вспыхнули безумные искры, а каждое слово источало если не яд, то издёвку уж наверняка.

— Тор, какой же ты глупец. Ничему тебя жизнь не учит.

Нет её больше, брат.

И вот он лениво, намеренно медленно чтобы Тор успел отразить удар, замахнулся приготовленным орудием смерти на некровного брата. Если его истории суждено закончиться очередным провалом, то только по собственному выбору. Не навязанному обстоятельствами или любой другой живой душой. Трикстер натворил в своей жизни достаточно чтобы понять — искупления не существует. А сидеть в четырех стенах и уповать на милость недавних врагов ему претило. Нет, уж лучше смерть. Пусть начавшееся многие годы назад противостояние завершится сейчас. Так, как ему и только ему будет угодно.

Локи был почти уверен, что рефлексы война сделают всю работу за громовержца и он, поддавшись инстинкту, ударит йотуна в ответ. Однако Тор лишь отвел удар в сторону, схватил трикстера за запястье вынуждая распрощаться с отлетающим в сторону оружием. То упало несколько метров прокатившись по мраморному полу с противным металлическим лязгом.

К всеобщему удивлению Тор был неестественно спокоен и рассудителен. Как будто вмиг обрел способность читать мысли и понимать мотивы людей.

— Не сегодня, брат. Ты не вынудишь меня совершить непоправимое. — Проговорил он, разворачивая трикстера по направлению к выходу. — Поёдем домой.

— Дом... — задумчиво прошептал он. — У меня его нет.

— И снова ошибаешься, брат.

***

Гордо взирая перед собой, не страшась вопрошающих любопытствующих взглядов стражи и встреченных по пути близких друзей Тора, Локи молча следовал за Тором. Не по своей воле. С чувством обреченности загнанного в угол зверя вспоминая, как уже был в точно такой же ситуации. Тогда он спросил у Всеотца:

«Куда уж хуже?»

Будучи закованным в цепи, утратившим контроль сразу над двумя могущественными артефактами и проигравши самым унижительным из способов.

«Куда уж хуже?! — вновь мысленно ухмыльнулся Локи, ощущая как тяжесть мира наваливается на его плечи вместе с усталостью. — Знал бы я заранее...»

— Что? Опять бросишь меня в темницу? Или наконец покончим со всем?

Локи без тени страха встретился глазами с Всеотцом: тот по обыкновению ничем не выдавал своих истинных чувств, а голос его был не просто спокоен, скорее полностью равнодушен. Но смело отвечая Одину, трикстер всё же избегал смотреть в глаза матери.

— Была бы моя воля, тебя казнили бы незамедлительно. И вновь благодари Фриггу... Ты в который раз избегаешь высшей меры наказания лишь ее стараниями. Но будь уверен — это не будет длиться вечно. И раз надежды на то, что ты одумаешься нет... Ты уже знаешь что тебя ждет. — С этими словами Один в задумчивости отвел взгляд в сторону, а после обратился к стоявшим у входа в тронный зал стражникам. — Уведите его прочь с глаз моих! И на сей раз проследите за пленником внимательнее. Ещё хоть один побег и не сносить вам головы.

Ох, как же он скучал по тем временам, когда самой обсуждаемой темой в прессе было его признание себя Железным человеком! И еще больше — по временам, когда самой большой угрозой было абстрактное глобальное потепление и гонка вооружения между лидирующими странами мира. Понимать мотивы, а главное средства достижения поставленных ими целей, было намного проще, нежели неоправданные притязания на мировое господство «друзей» с другой стороны галактической завесы. Не говоря уже о бесконечных покушениях на Землю! И, что становилось пугающе закономерным, сражений с превосходящими полумифическими силами инопланетян, на изучение анатомии которых для построения тактики ведения боя и нанесения ударов у «Джарвиса» уходило не меньше десяти секунд вместо привычных пяти.

Бесчисленные орды огненных великанов обрушивали далеко не смертельные удары на его броню, вынуждая смещаться в кормовую часть летающего замка, что стремительно отдалялся от эпицентра сражения. Обрушивая всю мощь арсенала боевого костюма на противников, Старк не мог не заметить, что никто из них, обладая недюжинными силами и завидной способностью к самовосстановлению, не ставил своей целью убить его. Они лишь занимали время Тони, выводили его из игры на время, достаточное...

«Для чего?»

Впрочем, закончить логическую цепочку и отыскать закономерность в хаотично сменяющих друг друга событиях ему всё же не удалось. Как раз в тот момент, когда он был ближе всего к истине, небо озарила яркая вспышка, на миг ослепившая Тони. А когда способность различать очертания и цвета вновь вернулась к нему, магнитное поле, удерживающее костюм у импровизированной орбиты корабля исчезло. Бонусом ко всему еще недавно превосходящие его силы противника частично ретировались, частично обратились в статуи.

Тони, не тратя времени на очередные ни к чему не ведущие умозаключения, велел Джарвису активировать двигатели. Он оторвался от поверхности летящей в никуда инопланетной площадки и поспешил к источнику света, все еще мерцающего в воздухе невидимыми вибрациями остаточной энергии, различимой и замеченной им благодаря чувствительным оптическим сенсорам костюма.

Остальные члены команды Мстителей уже собрались возле эпицентра взрыва. Приземляясь, мужчина отметил присутствие Чёрной вдовы, Капитана, сбросившего шкуру грозного Халка Беннера и, что казалось странным, больше никого.

— А где Златовласка и Леголас? И эти — он передразнил манеру речи Локи, намеренно растягивая гласные звуки. — «Мы подчиним ваш мир или уничтожим» чудики?

Юмора никто не оценил.

Стив погладил невидимую щетину на подбородке рукой в изорванной перчатке, отрицательно качнув головой. Капитан уже было готовился ответить на заданный вопрос, но тут в дело вмешалась Наташа. Голос её звучал злобно, отрешенно. И это уже многое говорило о прошедшем сражении, ведь Романофф никогда не показывала даже намек на настоящие чувства. Как и Фьюри, у её секретов были свои секреты внутри других секретов. Тони впервые видел женщину настолько настоящей, мрачной, потрепанной, морально почти растерзанной в клочья.

— Одна получила по заслугам. Локи нырнул в портал, а Тор за ним следом. Клинт... — Она резко замолчала, скрестив руки на груди и невидящим взглядом, продолжая сверлить кровавое пятно у подножия места, еще час назад бывшего одним из самых высоких небоскрёбов в центре. Если бы мужчина знал Наташу лучше, он мог бы с уверенностью утверждать, что та жалела, что лично не приложила руку к его появлению. В данном случае ему оставалось только строить догадки, исходя из уже имеющихся данных.

— Нат, мне так жаль... — Отозвался на её слова Беннер. Посомневавшись какое-то время, он приблизился к шпионке и с участием положил руку на её левое плечо. Наташа так и осталась неподвижна.

Роджерс же, перекинув щит из руки в руку и впоследствии закрепив тот на спине, воспользовался заминкой и предложил:

— Не могу вот так стоять. Может битва и закончилась, но в городе ещё остались гражданские. Многие из них наверняка нуждаются в помощи.

— Хорошая идея, Кэп. — В кои-то веки без малейшего намека на сарказм и иронию, ответил Тони. Он пробежался взглядом по каждому из потрепанных товарищей, не без злости отмечая, как бой сказался на всех них вместе и на каждом по отдельности.

Несмотря на непродолжительность сражения, масштаб и разрушительная мощь его невольно вызывала трепет. Больше половины города обернулось пылающими руинами, а сами «величайшие герои Земли», столкнувшись с новым врагом, едва остались в живых. И тем не менее, Тони не смог удержаться от расспросов. Необходимость обладать знаниями для построения обороны в будущем была его отличительной чертой. Лишь планирование будущего не позволяло ему впасть в отчаяние перед пугающим ликом последствий прошлых решений.

— Как это произошло?

— Тони, не сейчас... — отозвался Беннер. Помявшись в нерешительности, Брюс всё же убрал руку с плеча Наташи и, повернувшись в сторону Старка, ответил. — Предлагаю обсудить подробности позже. Стив прав, не смотря на победу у нас еще полно работы.

— Я видела только издалека. Кажется это было то же существо, что претворялось Андерсоном. Так или иначе, ни его, ни этой фурии больше нет.

«Тень, зачем-то шпионившая для Локи. И живо интересующаяся проектом *Oblivion*. И мог бы сказать, что дело приобрело неожиданный поворот, но язык просто не поворачивается!»

— Чеховское ружье значит. — Тони раскрыл маску шлема, приблизившись к кровавому пятну и с энтузиазмом разглядывая его. — Наш рогатый дружок сам же завел себе союзников из вражеских фракций и без нашей же помощи потерял. Кто-то явно не играл в стратегии. — Он подобрал мелкий камешек с земли и без особого энтузиазма швырнул в сторону еще одного разрушенного здания. — Так, а что с Клинтом? — Повторил свой вопрос Тони и почти тут же, словно услышав Старка, ответом на вопрос с той стороны, в которую улетел камень, показался запыхавшийся, перепачканный в саже и пыли лучник.

— Клинт! Ты жив? Но как? Я видела... видела.

От неожиданности сорвавшаяся с места Вдова едва не споткнулась о свои же ноги. Наташа остановилась в шаге от Бартона, вопросительно глядя на него словно тот был не больше чем галлюцинацией воспаленного адреналиновой эйфорией сознания, призраком, ожившим мертвецом. Кем угодно, только не настоящим Клинтом Бартоном! Женщина опустила руку на его плечо, сильно сжав его. И отпустила мужчину лишь окончательно

убедившись, что он настоящий.

— Да, я тоже уже приготовился отдать концы. — Ответил он с невозмутимостью и почти ребяческим ехидством. — Лечу себе и думаю: «Ну всё, вот и приплыли. А ведь это даже близко не Будапешт». До земли остается этажей тридцать и тут меня подхватывает один из этих огненных уродцев на летающей громадине. А у меня в колчане как назло ни одной стрелы! В общем, пришлось позволить ему «любезно» подбросить меня на другой конец города. А потом они все застыли, кто-то и вовсе улетел восвояси... В итоге вот я снова здесь. Да и кстати... — Клинт упер руки в бока, осмотрелся по сторонам и со скепсисом спросил: — Кто-нибудь объяснит мне, что здесь, в конце концов, происходит? Мне бежать за новыми стрелами или уже всё, победили?

— Победили. — Старк поднялся на ноги, на лице его мелькнула и тут же исчезла улыбка. — В следующий раз сразу бери больше.

— При всей моей любви к нашим общим сборам, Тони, надеюсь, что следующего раза не будет.

«Я тоже, но вероятность этого слишком мала в наших-то реалиях». — мысленно заключил Старк, но вслух так ничего и не сказал.

Все вместе, почти в полном составе, Мстители присоединились к поисковым группам и искали гражданских, рассредоточившись по городу. Только когда коммуникации были восстановлены, они узнали — вторжение проходило не только в Нью-Йорке. Огненным великанам удалось проникнуть в мегаполисы всех стран и не каждый город смог выстоять перед ужасающей мощью инопланетной армии. Добились бы Локи и Рейвен поставленной цели или нет, их армия всё же сделала своё дело, взбудоражив и перевернув весь мир с ног на голову. Старк понимал, что отныне ни одно правительство больше не сможет отрицать очевидный факт — человечество больше не одиноко во вселенной. И никогда не было.

Но как они поступят с буквально рухнувшей с небес на их головы шокирующей информацией?

Как бы то ни было, но сам Тони Старк, бывший непосредственным участником сразу двух попыток порабощения планеты, мог говорить лишь за себя. И он явно не намерен терпеть в своём доме незваных гостей. В тот момент в его голову закралась идея — создать ультимативное оружие, способное предвидеть и остановить любое вторжение еще до его начала.

Но пока то было лишь маленькое зернышко мысли, которую Старк заставил себя придержать до лучших времен.

Больше книг на сайте - Knigoed.net